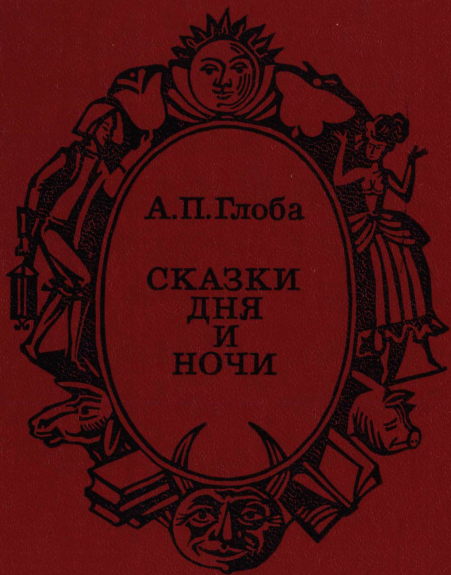

А.П.Глоба СКАЗКИ ДНЯ И НОЧИ

**Издательство
«Современник»
Москва
1976**

А.П.Глоба

СКАЗКИ
ДНЯ
И
НОЧИ

Художник В. Лукашов

Г54 Глоба А. П.
Сказки дня и ночи. Сказки. М., «Современник»,
1976.

208 с. с илл.

В настоящий сборник Андрея Глобы входят сказки, посвященные жизни советских людей, а также сказки, являющиеся вариациями легенд народов Востока и Запада.

Г $\frac{70302-210}{M106(03)-76}$ 90—76

P2

ҚЛЫҚАН

Полынья была как раз в точке Полюса. Сторожил ее старый морж. Моржа звали Клыккан. Был он самый старый во всем стаде, поэтому начальник Большого Полярного Стада моржей и поручил ему эту ответственную и почетную службу: следить за тем, чтоб Полынья была всегда на месте Полюса, иначе Стадо не знало бы, какая часть Ледовитого Океана ему принадлежит. Между тем льды не стояли на одном месте, а всегда передвигались к югу — в сторону Гренландского моря. И Клыккану приходилось время от времени бросать старую Полыню и пробивать новую — там, где ей надлежало быть.

— Хлоп-хлоп! — похлопала крылышками над Полынью птичка Пуночка, занесенная двенадцатибалльным ветром с Большой земли.

— Хм? — встряхнулся Клыккан, задремавший было в Полынье.

Но, увидев Пуночку, обрадовался:

— Фррр, какие новости?

И поковырял в заледеневшем ухе уховерткой из китового уса, которая в других случаях служила ему также зубочисткой.

— Событие, потрясшее мир, — сказала Пуночка, садясь на клык моржа. — В море Бэрэнтса южнее Земли Франца-Иосифа столкнулись два айсберга; на одном был замок Большой Полярной Медведицы, на другом Тюлений Город.

— Пфу! Вот почему меня выбросило из Полыни — хм! Фрр! — как пробку из бутылки шампанского!

— Замок Большой Медведицы, — волнуясь, рассказала Пуночка, — стоял на высокой ледяной горе. Это было здание прекрасной архитектуры. Триста изумрудных колонн подпирали большой фронтон фасада. К подножию замка

вела лестница в две тысячи шестьсот ступеней, выложенных самым высокосортным льдом, доставленным из отдаленнейших морей Океана. На фронтоне отражалось созвездие Кассиопеи, а на башне левого крыла чудесное созвездие Ориона: другого такого созвездия нет на небе, — когда смотришь на него, замирает сердце и ощущаешь Вечность. Крыша сверкала звездной изморозью. Внутри, посреди главного зала стоял аквариум, в котором плавали кашалоты, киты и осьминоги. В торжественные дни юбилейных дат и других празднеств, когда зал освещался огнями фосфоресцирующих рыб и моллюсков, киты поднимали головы из воды и выбрасывали радужные фонтаны и осьминоги выпускали черный бенгальский огонь; старик Ветер садился на Башне Сквозняков за эолову арфу и играл дивные фуги, рапсодии и торжественные марши. Тогда Большая Полярная Медведица в длиннейшей горностаевой мантии выходила из дальнего покоя, проходила бесконечную анфиладу больших и малых комнат и медленно, в величественном одиночестве обходила зал, потом так же торжественно возвращалась в свой тайный покой, куда никому не было доступа.

— Замок Большой Медведицы я видел однажды, — заметил Клыккан, — это было в том году, когда льды, ффр, затерли корабль «Фрам» отважного Нансена.

Пуночка пересела на другой клык моржа.

— В Тюленьем Городе, перед тем как ему погибнуть, только что начались игры в мяч, которые совершались каждые двенадцать лет. На состязание прибыли славные тюленьи команды из Великого Океана, из Атлантики, из Южных Полярных Морей. Состязание происходило на центральном стадионе. Для бесчисленных делегаций тюленьих стад были построены красивые ложи из розовых кораллов. Судьи, почтенные столетние старцы с белыми мордами, важно восседали на ледяных вышках. У каждого через плечо был шарф из разноцветных водорослей; груди казались ювелирными витринами от множества значков; у многих был значок Голубой Медузы, который дается за мудрость; у многих — значок Угря, который дается за акробатические способности; у многих — значок Четырех Ветров, который дается за предприимчивость; у многих — значок Утонувшей Звезды, который дается за умение глубоко нырять; и только у двоих — значок Трепанга: это были славные исследователи морей, побывавшие во всех океанах.

Столкновение айсбергов случилось в ту минуту, когда стала обнаруживаться победа команды Южных Полярных Морей над командой Великого Океана. Никто не обратил даже внимания на внезапно налетевший шквал, на то обстоятельство, что айсберг Тюленьего Города вдруг стремительно понесся в сторону замка Большой Медведицы. Вообразите, что делалось на стадионе в течение нескольких последующих секунд! Грохот первого толчка был так оглушителен, что несколько звезд третьей величины, хорошо известных астрономам, упали в воду. Вышки судей обрушились. Тринадцать трещин разрезало поле стадиона на отдельные льдины. Супруге какого-то тюленьего сановника сделалось дурно. Команда Атлантики, потеряв присутствие духа, стала прыгать в трещины. Вслед за тем посыпались на тюленьи головы ледяные осколки — это напоминало ураганный артиллерийский обстрел. Финал не заставил себя ждать: колоссальная волна, поднимавшаяся из глубин, плеснула на полмили вверх и всей своей тяжестью в несколько миллионов тонн рухнула на тюлений остров, дробя его в ледяную пыль. И тут же айсберг Большой Медведицы опрокинулся вершиной вниз. Большую Медведицу видели плывущей на обломке льдины в направлении к берегам Гренландии.

— Фрр! — только и мог сказать Клыкп.

— Происшедшая катастрофа вызвала шторм в семнадцать баллов, бушевавший двое суток между Новой Землей и Шпицбергенем...

Внезапно Пуночка замолчала, и оба посмотрели в сторону Глубокой Западной Трещины.

— Что за чертовщина?! — произнес Клыкп, ничего не понимая: из-за горизонта, со стороны Большой земли летела исполинская птица. Если б гора Изумруд, о которой рассказывали моржи, побывавшие в этом году у Таймыра, стала птицей, такой должен был бы получиться шум от ее полета.

— Фрр! — сказал Клыкп, протирая лапами глаза. — Если это мне не снится... значит, я не сплю! Пфу!

И, страхнув с усов застывшие ледяными сосульками капли воды, стал ждать: что произойдет дальше?

Произошло следующее.

Невообразимая птица снизилась, сделала полный круг в воздухе и села в ста метрах от Полярны. Она сильно за-

индевели, и Клыккану понравилось ее серебристое оперение.

Было еще удивительнее, когда птица, поджав лапы, отряхнулась и сбросила на лед четырех человек и пса.

Пес взвизгнул, повел носом по сторонам и почесал за ухом.

Тусклое, немигающее око солнца, медленно катившееся над горизонтом, как нарта, которую еле тащат уставшие собаки, казалось, на миг остановилось, чтоб, в свою очередь, разделить изумление Клыккана.

Почувствовав щекотание в ноздрях, пес кинулся к Полюнье с громким лаем.

По-видимому, до сих пор он не встречался с моржами. При виде Клыккана глаза его полезли на лоб (Пуночку, к немалой обиде для нее, он просто не заметил). Онемев, обежал он несколько раз Полюнью, обнюхал ее со всех сторон, потом сел на корточки, похлопал глазами и сказал:

— Не может быть!

Потом разразился неистовым хохотом:

— Ха, ха, ха! Гражданин,— извиняюсь, не знаю вашего имени-отчества,— вы не знакомы с Фридрихом Ницше?

Клыккан сурово повел ницшеанскими усами: пренахальный пес!

Не успел он, однако, раскрыть рот, как Пуночка, вспыхнув, бросилась к самому носу пса,— тот невольно попятился. Перышки ее стали дыбом, глаза сверкали, грудь и коготки приняли воинственное выражение.

— Сс!..— начала она, но сдержалась.— Неуч! С кем ты разговариваешь?! Знаешь, кому ты адресовал свой глупый вопрос?!

Пес смутился.

— Н-нет...

— Невежда! Летишь на Полюс и не поинтересовался узнать, кто его делает!

— Извиняюсь,— возразил пес с достоинством,— может, я для того и прибыл на Полюс, чтоб узнать, кто его делает!.. Фррр, подальше от носа, крикунья!.. Лучше покажите, где находится жилплощадь этого самого Полюса!

— Вот где!— сказала Пуночка и ткнула клювиком в середину моржового темени, поднятого вверх к невидимой (потому что был день) Полярной Звезде.

Пес осекся. Почтительно посмотрел на Клыкана и даже завилял хвостом.

— Что ж, гав-гав, давайте знакомиться... Веселый!

— Клыккан! Приветствую вас, фrr, на Полюсе, граждапи Веселый!— сказал Клыккан.— Будьте как дома!

Возвратившись к людям, Веселый радостно сказал:

— Можно строиться! Имею разрешение самого Клыккана!

И люди начали строиться.

Прежде всего поставили палатку с красным флагом наверху. Потом внесли в палатку множество ящиков, рюкзаков, бидонов. Потом зажгли в палатке огонь. Потом большая птица снялась и улетела обратно — за Полярный Круг. На Великой Льдине остались Веселый и четыре человека.

Знакомство состоялось в тот же день.

Клыккан считал долгом вежливости сделать визит прибывшим, не ожидая первого шага с их стороны.

Он выкарабкался из Полярники, перелез через торос и медленно, вперевалку направился к Усадьбе.

Первым представил Веселый человека, который был ниже и толще других, — на верхней губе у него торчал клоч усов, лицо улыбалось.

— Хозяин Полюса!— сказал Веселый.

Клыккан поднял брови, но возражать не стал: ведь, в сущности, сам он был только Сторожем Полюса.

— Человек-Ухо! Человек-Глаз! Человек-Ноги!

Впоследствии Веселый сообщил, что Человек-Ухо имеет слух, каким не мог бы похвалиться ни один из моржей: когда несколько человек вели беседу в Мельбурне, в отдаленной Австралии, он слышал их, даже закрыв уши наушниками, так же хорошо, как будто собеседники были жителями полюса.

Про Человека-Ноги Веселый рассказал:

— Человек-Ноги выпагивает градусы меридианов и параллелей, как метры палатки. Нет земной точки, нет звезды, где бы он не мог очутиться в любую минуту.

А Человек-Глаз, как вскоре убедился сам Клыккан, отличался необычайной зоркостью: он пробил лунку в толще льда и через нее мог прекрасно видеть морское дно на самой большой глубине.

Усадьба строилась быстро. На строительство шли кирпичи из льда. Вскоре вырос ледяной дом. К нему пристроились кладовые.

Стояла все время теплая летняя погода. Мороз едва доходил до 5 градусов.

Вскоре еще потеплело. Однако небо затянуло облаками. Подул крепкий ветер. Пошла поземка. На усадьбе быстро стали расти сугробы. Льдина скрипела. Ветер всей грудью налетал на торосы, которые в снежном мраке стояли, как лес; ледяной лес стонал и свистел, трещали, ломаясь, сучья, взвивались хлопья белых листьев, кричали невидимые птицы, уносясь в вихрях снежно-льдистой пыли к Земле Гранта, в другое полушарие.

— Вот так шторм!— ворчал Клыккан, плотнее кутаясь в шубу.

Хорошо, что Пуночка заблаговременно отбыла на остров Визе; она прилетела только затем, чтобы рассказать Клыккану новость о столкновении айсбергов,— на острове Визе об этом могли еще не знать.

Вдруг раздался оглушительный выстрел, от которого льдина содрогнулась. На земле это было бы землетрясением.

Выскочил из Усадьбы Веселый. Выбежали люди.

Что произошло?

Великая Льдина треснула.

Люdiam повезло: трещина прошла мимо Усадьбы, не задев строений.

Ослепляемые пургой, они бросились через сугробы в сторону выстрела, не видя канала, кипевшего под ногами. Разумеется, первым увидел трещину Человек-Глаз.

— Назад!— крикнул он.

В реве пурги его мог услышать только Человек-Ухо. Каждый из них схватил за рукав соседа. И вовремя: Человек-Ноги занес уже ногу над каналом — ему надо было бы вытянуть ее на полкилометра, чтоб поставить на тот берег. Впрочем, может быть, это ему и удалось бы!

Так как Усадьба устояла на месте, через некоторое время все вернулись в Дом.

Кроме Веселого.

Веселый отправился проверить состояние кладовой, где хранились мясные запасы. Хотя, как потом

выяснилось, кладовая отнюдь не находилась в его ведении.

Когда пурга утихла, на месте Усадьбы Клыккан увидел огромный сугроб. Люди вылезли из сугроба, белые, как медведи, и занялись расчисткой двора.

Засияло солнце. Снег начал таять. Потекли тихие ручейки. Вода в образовавшемся канале была как черная сажа примуса, которую люди выбрасывали за порог дома. Веселый с удовольствием выкупался в ручье. Полаял на свое отражение в воде. Хозяин Полюса смотрел на солнце, и оба благодушно подмигивали друг другу.

Человек-Ноги сказал:

— Отплыли от Полюса на сто три километра семьдесят один с половиной метр.

Клыккан, знавший это еще раньше, думал о том, что давно пора пробывать новый Полюс. Но медлил. У него завязалась крепкая дружба с Веселым. Кроме того, было интересно все, что делали люди.

Так как морское дно лежало на глубине почти пяти километров,— а пять километров воды для зрения все равно что километр земли,— Человек-Глаз садился иногда у лунки, вынимал оба свои глаза, привязывал их на конец тонкого троса и бросал в океан. Увидев все, что ему хотелось видеть, он втягивал обратно трос, ставил свои глаза на прежнее место и долго потом рассказывал людям о красивых пологих холмах и тихих долинах на дне Океана, куда не достигают никакие штормы, никакие бури; о необыкновенных, удивительно раскрашенных водорослях — причудливых цветах подводных цветников, о раках, таких мелких, что даже Клыккан с трудом их мог разглядеть, хотя они светились...

Однажды из Баффинова залива приплыл морской заяц Лахтак с двумя зайчатами. Увидев трос, зайчата повисли на нем и устроили качели. Клыккан испугался: если они оборвут трос, Человек-Глаз может стать слепым!

— Пошли вон, бесенята! — крикнул он на зайчат.

Лахтак хотел за них вступить, но получил изрядную трешку, хотя имел крупный рост и весил пудов двадцать.

После осмотра кладовой Веселый был посажен на цепь. Едва ли по собственному его желанию. Вид у него был грустный; он слегка повизгивал, облизывая свои бока и окрестные места.

Однако когда настала ночь, то есть те часы дня, в какие людям полагалось спать,—солнце не заходило,—Веселый свободно снял с себя цепь и прибежал к Полынье Клыкана.

— Окорок был мировой,—сказал он,—а в колбасу положено чересчур много чеснока. Но больше всего пришелся мне по душе жареный поросенок, хотя он подмерз и недоставало горчицы.

После чего конфузливо покосился на свои бока, которые немного припухли.

— Что за охота, хны-хны, Хозяину Полюса драться ремнем! Было бы культурнее употреблять для этого текстильные материалы!

— Не пробовал!—возразил Клыккан: это относилось и к первой, и ко второй части рассказа Веселого.

Веселый рассмеялся:

— Люди, собачьи дети, умны, но собаки умнее! Когда сажают на цепь, надо надуть шею: тогда ошейник легко будет снять!

Они увидели Хозяина Полюса. Как он незаметно вышел из Дому!

Веселый со всех четырех лап бросился к своей цепи.

— Лукавый пес!—журил его Хозяин Полюса.—Экой мошенник! Где только набрался плутовства?!

— Больше не буду!—уверял Веселый.

Без труда всунул голову в ошейник, лег на спину и, в знак послушания, поднял лапы вверх.

— Стыдно, прохвост, стыдно?! Что же, еще раз выпороть?..

Веселый отрицательно замотал головой.

— Ладно!—решил Хозяин Полюса.—Что с тебя, бестия, взять?

И расстегнул ошейник.

— Живи на воле, ракалия! Но держись подальше от кладовой!

Хозяин Полюса подошел к Полынье. Веселый прыгал вокруг него, не чуя ног от радости.

— Доброй ночи, гражданин Клыккан!—поздоровался Хозяин Полюса.—Не угодно ли папироску?

— Благодарствуйте, не курю,—сказал Клыккан,—предпочитаю сосать леденцы.

И засунул в рот горсть «прозрачной» карамели из лучшего торосового льда.

— Приходите завтра послушать музыку, граждане Клыканы! Будет передача из Москвы.

Клыканы уже знали, что музыку делает Человек-Ухо.

— Приходите запросто... так сказать, на чашку чаю.

Однако Клыканы войти в Дом постеснялись. Тем более что Веселый в Дом не был приглашен: у него было довольно уютное местечко за порогом кухни.

— Это Девятая симфония композитора Бетховена, — пояснил Веселый, оказавшийся большим знатоком в музыке. — Знаменитый композитор!

Девятой симфонии он дал такую оценку:

— На мое ухо куда лучше треск и свист в антенне. Но, конечно, у собак слух изощреннее людского!

Клыканы же о Девятой симфонии высказались при помощи сравнения:

— Моряки во время штормов, ффрр, считают валы: самый могучий вал — девятый. Я помню шторм, бушевавший в тысяча восемьсот семьдесят первом году между мысом Барроу и мысом Челюскиным. Такого, пфу, девятого вала за мою жизнь не случилось. Казалось, Океан собрал все свои воды, чтоб выплеснуться до дна. Я думал, он разметет материки, как стайку гагар.

С этого времени началось пристрастие Клыканы к радиопередачам. Специально для Клыканы был поставлен на антенной мачте громкоговоритель.

Люди все время были в работе: строили и перестраивали Усадьбу, сражались с пургой, исследовали морское дно, ловили ветер, меняли в Усадьбе, словно мебель, широты и долготы.

На Земном шаре происходили грандиозные события: два крылатых воздушных корабля пролетели через Полюс в Америку, — небывалые рейсы! — крылья Славы были их крыльями. Арктика, затаив дыхание, слушала гудение заоблачных полетов. Потом пролетел третий. Крылья Смерти — были его крыльями. Стояли густые туманы. Лились ледяные дожди. Тяжело дышали штормы. Гудела пурга. Третий в Америку не прилетел.

Человек-Ухо сутками прислушивался к эфиру. Человек-Глаз и Человек-Ноги, отрываясь от повседневной работы, вглядывались в мутные дали. По их примеру Веселый смотрел, ничего не видя, в облака. Хозяин Полюса, надев лыжи, уходил за десятки километров от Усадьбы. В величайшей тревоге проходила жизнь на льдине. И эта

тревога, казалось, перешла к самой льдине, которая быстрее понеслась к зюйд-весту. Время шло. Бились сердца. Молчала ледяная пустыня. Третий бесследно пропал.

— Пора!— в сотый раз говорил себе Клыккан, думая о своей службе на Полюсе.

И медлил.

На льдине за лето натаяло большое озеро. Хозяин Полюса выехал его обследовать. В резиновой лодке. Клыккан ему сопутствовал.

Это была последняя поездка в клиперботе: уже на обратном пути озеро стало подмерзать. Клыккан спохватился: дрейф отнес его Полярным далеко от Полюса.

Полярный День кончался. Ударил свирепый мороз. Замерцали на небе бледные звезды. Злее завывала пурга. И вот однажды вместо солнца на небосклоне встал утром яркий месяц. Туже стянулись Полярным крутом ребра меридианов. Железом зазвенели льды, приветствуя приход арктической Ночи! Началась великая перекличка мертвых стран Норда. С Земли Гейльприна вверх и вниз через Полюс прокатилось приветствие: «Доброй Ночи!» Земля Бэнкса и Земля Беринга перекликнулись с островом Гая. Из Берингова пролива в Гренландское море, из моря Кэна в море Лаптевых, из дельты Юкона, из дельты Мэкэнзи в дельту Лены промчался могучий клич: «Привет, братья и сестры, привет! С наступлением Полярной Ночи!» От стужи трещали моря. Как зрелые плоды, падали на лед метеоры. Полыхали, освещая для эскимосов и чукчей, для отважных полярных зимовщиков бесконечный зимний мрак, Северные Сияния.

Люди на льдине по-прежнему жили трудовой жизнью. Клыккан удивлялся: как им не холодно! Им было холодно,— еще бы: 40, 50 и 60 градусов! У Месяца капало из носу!

Как-то раз, когда люди спали, Веселый сторожил усадьбу и drog. Понемногу и его глаза стали смыкаться. Друг он увидел: за грядами торосов, справа и слева, подымаясь и закругляясь, возникли две дороги. Высоко, под самыми звездами они сошлись. Образовалась как бы гигантская арка. Но это были действительно дороги, хранившие в глубоких колеях следы колес, мерцавшие розовой пылью, зеленевшие в промежутках между колеями травой и ягелем.

Веселый, повизгивая от удивления, осмотрелся по сторонам. Так же, как пустыни были обе дороги, пустынна была и льдина.

Он побежал через торосы к тому месту, где началось восхождение одной из дорог. Бежать пришлось долго. В снежном безмолвии ночи он слушал только свое собственное прерывистое дыхание и легкое скольжение четырех лап по снегу. Снег лежал твердой корой, не прилипал к лапам и не проваливался.

Пробежав около десяти километров, Веселый очутился в узкой долине, зажатой двумя грядами высоких, причудливо изломанных торосов. Отсюда начиналась воздушная дорога.

Веселый побежал вверх.

Подъем оказался трудным. Помог десятикилометровый разбег.

Розовато-перламутровая пыль летела клубами из-под его разгоряченных лап. Смешивалась с паром дыхания. Трава щекотала высунутый язык. Приближались высокие звезды.

Взбежав на вершину, где дороги сошлись, он сел и перевел дыхание.

Где-то далеко внизу едва виднелась Усадьба. Это было так низко, что Веселый прищурился.

Он посмотрел в сторону Большой земли.

В неизмеримой дали, на северном побережье Норвегии сидел у костра Лопарь и ел мороженую рыбу. Вокруг бродили олени, разрывали копытами снег и волосатыми губами щипали ягель.

Веселый жадно втянул обеими ноздрями воздух, но запаха дыма не услышал. Однако в груди его поднялась и подкатила к сердцу тоска по сладкому, теплему дыму костра, по запаху оленьего пота, по земле под снегом, по земле, на которой растет мох.

Он поднял морду над самой высокой звездой и протяжно, на все пространство, очерченное Полярным Кругом, завыл.

Выл он добрых три часа, надорвал глотку, охрип и смолк. Обернулся и посмотрел в другую сторону.

Шерсть поднялась у него дыбом. Пасть снова раскрылась. Если бы у него был еще голос, получился бы страшный несобачий вой, который, может быть, был бы слышен у другого Полюса.

Словно на лыжах, не сбежал, а скатился он вниз, быстрее бурана пробежал все расстояние от Торосовой Долины до Усадьбы, ворвался в Дом и упал к ногам Хозяина Полюса, который, как был в меховом мешке, вскочил с постели, ничего не понимая.

— Скорее!..— хрипел Веселый и тянул Хозяина Полюса за руку.

Люди освободились от мешков, выбежали.

— Удивительное Северное Сияние! — воскликнул Человек-Ноги. Похоже на две дороги в небо — к Созвездию Малой Медведицы! Молодец, Веселый, что разбудил!

— Куда ты меня тянешь?! — отбивался от Веселого Хозяин Полюса.

— Оттуда видно... — с трудом выдавил из горла Веселый слова, — сверху... Он погиб...

— Не понимаю! — сказал Хозяин Полюса и взволновался.

— За тысячу километров от нас... среди Больших Торосов... в ледниковом ущелье...

— Что ты видел?! — закричали все.

— Воздушный корабль, потерпевший крушение... Это он!

— Ты во сне, мой друг! — сказал Хозяин Полюса, потрепав Веселого по спине. — Или замечательное Полярное Сияние вызвало у тебя бред?

Не потеряй Веселый голоса, может быть, он сумел бы все рассказать и убедил бы людей подняться вверх — к слиянию двух дорог. Но он только скулил и хрипел, и Человек-Глаз, пощупав его пульс, сказал:

— Наш песик, кажется, заболел! Надо дать ему аспирин!

Человек-Глаз считал себя доктором, потому что умел щупать пульс.

Сияние затуманилось, померкло, стало невидимым.

Люди ушли в Дом. Каждый погладил Веселого. У каждого в глазах была печаль.

С Полюса спустилось стадо дельфинов. У одного из них было письмо Клыкану от начальника Большого Полярного Стада Моржей. Письмо дельфин принес во рту: это был круглый, гладкий камушек, — предварительно его подержал во рту начальник Стада, теперь заложил его за щеку Клыкан, — такой способ переписки существует

у моржей с незапамятных времен. В письме начальник Стада делал строгий выговор Клыккану за отлучку. Из-за потери Полюса, по вине Клыккана, в Центральном Полярном Бассейне возникло несколько пограничных инцидентов у Большого Полярного Стада со Стадом Новой Сибири.

— Клыккан уезжает! — сообщил Веселый.

Люди огорчились, дорожа моржовой дружбой, — но удерживать Сторожа Полюса не стали.

Решено было устроить Клыккану проводы.

За большим ледяным столом, поставленным на площадке перед Домом, Хозяин Полюса, который предпочитал, чтоб его называли теперь Хозяином Дрейфующей Льдины, поднял свой бокал и сказал:

— Дружба — великая вещь, товарищи! Может быть, ничего нет выше дружбы, кроме любви к родине, — но и любовь к родине — та же дружба, ведь родина — это самое большое содружество, товарищи, содружество миллионов людей, спаянных общим делом, общими радостями и общим горем, если они есть, общей жизнью, общим подвигом, общей славой. Однако и малая дружба, дружба только шести — чуть я не сказал: человек! — сидящих за этим столом, большое счастье. За нашу дружбу, товарищ Клыккан! За новые встречи! За благополучное твое отплытие!

И все чокнулись и обнялись с Клыкканом.

Клыккан пил только морскую воду, но так как он пил из двадцатилитрового бидона, то хмелел не меньше других.

Зажав ластом свою чару, он отвечал на тост:

— Мне выпало счастье, — сказал он, — стать участником, пфу, великолепного рейса. Я помню, друзья, другой дрейф: дрейф, ффрр, на фрегате «Фраме» варяжского викинга Фритьофа Нансена. Вы о нем слышали: прекрасный дрейф! Скажу без лести: вы также, ребята, не сдрейфили, но ваш дрейф получился еще замечательнее. И я горжусь, что не остался в стороне от него, что до некоторой степени, ффрр, дружбой вашей включен в историю вашего подвига. За вашу великую родину, рождающую героев! За вашу славу!

Клыккан возвращался к Полюсье, слегка пошатываясь: вода в Гренландском море была крепче, чем в верхних широтах. Веселый нежно поддерживал его «под руку».

Прежде чем нырнуть под лед, Клыкан в последний раз помахал ластом:

— Счастливо оставаться на льду!

— Счастливого пути!

И, подняв голову к луне, которая светила над Полярной, как матовый, круглый фонарь, Веселый негромко, но от всего сердца повыл несколько минут, прежде чем вернуться в Усадьбу.

Вскоре луна погасла.

Началось, как всегда, с легкой поземки, быстро перешедшей в пургу. Льдина закричала. Загорчались торосы. Снег пошел сплошной стеной. Дул норд-остень-норд.

Люди плохо спали в своих меховых мешках. Никогда еще не было такой качки на льдине. Дом колыбался, как шлюпка.

Внезапно раздался голос Клыкана — разве он не уплыл к Полюсу?

— Авария! — закричал Клыкан, стараясь перекричать пургу. — Выходите!

И ломился в Дом.

— Что такое?

— Великой Льдины больше нет!

— Где же она? — смутился Хозяин Полюса.

— Разбита и разбросана по всему Гренландскому морю! Пфу!..

— А где же мы?

— На жалком обломке, который крошится, как сухарь!

— Черт возьми!

Под самым Домом прошла трещина. Начали быстро выносить имущество.

За пургой ничего не было видно. Но льдина ходила, словно качели, подвешенные к дальним звездам. Стоял ужасающий грохот.

— Шторм начался внезапно, как будто сорвавшись с цепи, за Землей Ламберта, — рассказывал Клыкан. — Я не успел еще пройти Землю Гудсона, вижу: навстречу знакомый Лахтак. «С хорошим штормом! Не выходи наверх, — сказал он мне. — Можешь получить куском льда по голове!» Я понимал, ффр, что дрянной заяц меня дразнит, и, куснув его слегка, поднялся на поверхность. Гренландское море казалось большой ступой, в которой толкли лед. Тысячемильные ледяные поля в громе дробились

невидимыми пестами. «Хм!» — сказал я сам себе. И вернулся. Хорошо, что вовремя!

День приближался. Где-то полыхала Большая Заря. Она стала видимой, когда перестал идти снег.

Тогда люди увидели себя на таком крошечном обломке льдины, что удивились.

В Океане варилась ледяная каша. Старик Шторм весело помешивал ее огромной ложкой и при этом помахивал бородой и шевелил бровями, похожими на обрывки туч. Летели брызги. Вдувалась пена. В котле клочкотало. Ледяная крупа кипела вместе с базальтами Гренландского берега, оторванными штормом.

Великолепная заря раскрылась пурпурным парашютом со стороны острова Ян-Майена. Как близко горы Гренландии! Гранитные громады берега, громоздясь друг на друга, рвались всей грудью к морю, навстречу валам. И там, где встретились громады гор с громадами валов, произошло смешение трех стихий: земли, воды, огня Большой Зари. Четвертая — воздух, — гонимая штормом, дико выла от страха, стремясь через Датский пролив укрыться в Атлантике. На гибнущих льдах, как сигнал бедствия, грохотали выстрелы. Вселенная возвращалась к первозданному хаосу, среди которого четыре Человека и один Пес плыли в утлой ледяной ладье.

Хозяин Полюса, Человек-Ухо, Человек-Глаз и Человек-Ноги, сняв меховые рубахи, так им стало жарко на морозном ветру, — строили себе новое жилище из льда.

— Приятный сквознячок между океанами! — говорил Хозяин Полюса. — Не простудитесь, ребята!

И весело подмигивал Шторму:

— Ну-ка, хрыч, понатужься! Поддай жару!

Люди вырубали кирпичи из льда и складывали стены. Человек-Глаз, всматриваясь в дно океана, говорил:

— Синяя глина!

Человек-Ноги, посмотрев вверх, сказал:

— Семьдесят четыре градуса шестнадцать минут норд, шестнадцать градусов двадцать четыре минуты вост.

Человек-Ухо сказал:

— Ничего не слышу: антенна оборвалась!

Вдруг Веселый взвизгнул: на обломке антенной мачты он увидел полярную приятельницу Пуночку.

Бедняжка, ее изрядно потрепало штормом!

— Хм! — удивился Клыккан. — Какими судьбами?!!

— Продержитесь еще немного! — едва отдышавшись, пропихнула Пуночка. — Четыре корабля вышли из советских морей! За вами! По кораблю на человека!

И все семеро закричали:

— Ура!

— Вот черти! — сказал Шторм и сплюнул.

Пришли корабли. Льдина к тому времени стала такой маленькой, что ее легко было взять на борт корабля.

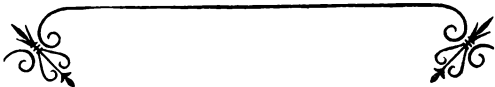
Веселый и люди звали с собой Клыкана, но он сказал:

— У каждого свое место на земле. Мое место — Полюс. Фррр!..

Друзья расстались до новой встречи.

ΠΟΒΑΡ

Был, товарищи бойцы, у нас в полку повар Кузьма Обед. Такая фамилия, кроме шуток! Через нее он и в повара пошел, чтоб фамилия не пропадала зря. И попал, между прочим, в точку. Повар был на удивление. Из лаптя мог куриную лапшу сварить.

Так вот, расскажу вам один боевой случай про этого повара.

Вообразите себе, товарищи бойцы, такую картину. Тут мы, там — оккупант. А между — ровная местность и на ней березовый лесок. Попятно, лесок уже одним нашим батальоном занят. Фашистам же интересно самим туда попасть.

Без малого трое суток идет бой, а наши бойцы там, в березничке, ясное дело, не пивши, не евши сидят. И доставить пищу нет возможности через ураганный огонь.

Вызывается Кузьма Обед.

— Я, — говорит, — доставить берусь.

Обрадовался товарищ Щепотько, наш политрук.

— Лично, — говорит, — прошу тебя об этом, Кузьма Обед, доставь, если сумеешь: до слез жаль голодующих товарищей бойцов. Только сомневаюсь! Будь ты кротом, еще мог бы, — ты же не крот! Теперь посмотри, прошу тебя, что делается на поверхности горизонта! Жуткое дело! Такое делается, что не успеешь шагу шагнуть, как из тебя самого сделают концентрат гречневой каши!

— Полагаюсь, — говорит Кузьма, — на свою мухортую кобылку да на свою отчаянность. А также на удачу.

— Ну, так в добрый час!

В таком настроении духа запрягает Кузьма мухортую кобылку в походную кухню, беззаботно садится, кладет винтовку на колени: прощайте, товарищи!

Отъехал немного — и стал.

— Хочу, — говорит, — еще раз попробовать: не забыл ли чего положить в суп?

Попробовал.

— Так и есть. Досолить надо!

Подбросил соли. Помешал. Пробует снова.

— Теперь, — говорит, — могу смотреть доблестным бойцам прямо в глаза. Самой английской королеве предложить — не откажется.

Махнул кнутиком над мухортой кобылкой, мух разогнал. Мухортая кобылка кинулась со всех четырех ног вперед и давай чесать через голое поле. Мины ее, первым делом, облепили, как мошकारа. Тучей. Справа, слева, спереди, сзади. С грохотом рвутся, огнем плюются, землю без плута пашут.

Кобылка только хвостом вертит, от мин отмахивается. И точно: в какую сторону хвостом вскинет — туда и мина легла.

По такой вот отчаянной коммуникации едет себе Кузьма Обед, повар ее величества английской королевы, везет бойцам обед. Глянь, утиная стайка. Летит напереиз.

Кузьма задумался над мухортой кобылкой, удивляется, сколько храбрости в кобыльем хвосте, забыл, что не на охоте, — скорее винтовку к плечу. Закувыркались утки, посыпались градом с неба.

Что за черт: один черноватый чирок полымем полыхнул, мигнул — и сгинул, словно его вовсе не было, лишь перышко эвон по воздуху порхает.

«Не в солнце ли я по нечаянности попал?» — думает повар.

Нет, солнце в порядке, — правда, в дыму канонады, по занимает правильную позицию.

А перышко снижается, приближается — обернулось фашистом-парашютистом. Впопыхах, стало быть, Кузьма их самолеты за уток принял. Ну, фриц — утиное перышко, хейль метр — три четверти советской земли!

Между прочим, на короткой дистанции от березового леса овраг, и порос овраг ольхой.

Доехал Кузьма до оврага, спустился вниз.

«Поеду, думает, обрагом, а там и в березничек переберусь».

Свернул направо по оврагу.

Ольха да крапива. Дух грибной. Земля под колесами чавкает, как свинья у корыта. Чиж голосисто песню выводит.

Недалеко проехал — откуда ни возьмись фашисты! Почитай целая рота! Пока он утками занимался, незаметно в овраг заползли.

— Здравствуй,— говорят,— повар Кузьма Обед! А мы тебя, видишь, поджидаем. Специально так мины пускали, чтоб в тебя не попасть. Так что дело не в кобыльем хвосте: очень кушать захотелось, опасались — расплескать можешь. Что там у тебя, с чем суп?

Понятно, говорят на своем языке, но догадаться нетрудно.

При всем том дружелюбно автоматы на Кузьму наводят.

— Нет,— отвечает Кузьма,— не бывать тому, чтобы славный советский суп с говяжьей грудinou, в самый раз посоленный, довелось жутким бандитам хлебать! Для вас у меня найдется другая еда! Разевайте пошире рты!

Тут обнаружилось, что он не только уполовником умеет орудовать. Сколько было патронов в сумке, столько фашистов ноги в небо задрало. В первую голову поголовно офицерский состав.

Рано ли, поздно ли вышел патронный запас! Обозлились фашисты, кинулись всей сворой на безоружного повара-бойца, вот-вот в клочья разорвут.

Нашелся, однако, один ефрейтор со смекалкой.

— Цурюк! — кричит. — Кто мы, бараны или не бараны? Понятно, бараны! Как псы, на повара-кохера, который обед нам привез, накинулись! Того не соображаем, что он для нас, дураков, старается, чтоб получше накормить: чуть не полроты списал, вона сколько лишних ртов побавил!

Понятно, все это на своем языке.

Сообразили фашисты, что правильно ефрейтор разъясняет, снимали дружески каски с вшивых голов, полезли ими черпать суп.

Ефрейтор опять на них:

— Цурюк! — кричит. — Есть у нас мозги в башках или

нет мозгов? Понятно, нет! Передохнуть, что ли, хотим? А что, если пища специально отравлена для нашего удовольствия, что тогда?! Пускай же он, как сам повар, покупает сперва, а мы на него поглядим!

Дали, конечно, Кузьме ложку.

Стал хлебать.

Эх, не суп, а... названия не приложишь! Весь съешь, скажешь мало!

Однако не подает виду. Хлебнет раз — сплюнет. Хлебнет еще — сплюнет. Хлебнет еще — и ложку отводит, икоту на себя напускает, на белый свет не глядит.

Забеспокоились фашисты. Ага! Значит, ефрейтор не дурак!

— Кушай, — кричат, — чертов рус! Увидим, у кого в зубах застрянет кус!

Взял один фашист черпак, зачерпнул до краев, сам от аппетиту слюни пускает, тычет Кузьме в рот. А тому совестно брюхо набивать, когда товарищи бойцы трое суток без пропитания пропадают.

Однако делать нечего!

Берет Кузьма черпак, — выкушал да как тыпнет черпаком фрица по башке. Тот: «Хох!» — и скапутился.

Тут бы Кузьме Обеду и конец: фашисты на стену полезли. И ефрейтор серьезно осерчал.

— Что же ты, — говорит, — так и так, Кузьма! — как говорится по-русски, подкузьмил нашего фрица!

Ну, видит Кузьма: мешкать нельзя. Упал, не дожидаясь приглашения, на землю и давай по траве кататься, живот обнимает — будто у него колики в животе и помирять хочет.

— Аминь! — хрипит. — Зовите «скорую помощь»!

Его и так и этак: за плечи берут-подымают, во все места тесаками колют, прикладами прикладываются, упрощивают:

— Кушай, пока жив, чертов рус!

Такой хлебосольный народ оказался!

— Пусть, — говорит Кузьма, — покушает тот из вас, кому охота со своим прадедушкой повидаться! А меня уже нет!

Завел глаза под лоб, икнул три раза — и затих.

Фашисты потыкали-потыкали его сапогами, попробовали прикладами, разули, начали пятки огнем жечь,

Терпит сверхъестественную муку герой, но пошевелиться не смеет, дыхания не подает.

Отступилось зверье. Что с мертвого тела взять!

— Собаке собачья смерть! — говорят. — Хотел нас крысиным обедом полакомить — вот и валяйся без погребения в овраге, как животная падаль! Теперь мы вот что сделаем: выведем мухортую кобылку из оврага, поставим рыжей мордой к березовому лесу да хорошенько хворостиной огреем — пускай везет крысиный обед красным бойцам, — и заряды свои тратить на них не придется. Так что и мы в дураках не останемся, и неприятеля в дураках оставим!

Понятно, на своем языке говорят, но даже мухортая кобылка все понимает. Понимает — и выводы делает. Ей «пу» да «ну», а она ни с места.

А надо вам знать, дорогие товарищи, что кобылку эту Кузьма Обед подобрал под Дорогобужем на поле боя: хотели ее по причине поранения пристрелить, — не дал Кузьма, выходил кобылку, и стала она ему первым другом, как собака за ним без повода бегала, без его компании скучала, кушала из его только рук.

Видят фашисты, не желает лошадь без хозяина идти, ни на какие уговоры хворостиной не сдается.

— Давай, — говорят, — посадим потехи ради повара-мертвеца. Пускай глупая кобыла думает, что живого везет!

Привязали Кузьму к сиденью ремешком, закинули вожжи ему за голову — пошла кобылка. Вывели ее из оврага — побежала во всю прыть, не надо и понукать, прямо на березничек, где наши бойцы третьи сутки не пивши, не вши сидят.

Кузьма с успехом симуляцию на мертвеца делает: на ремне повис, головой из стороны в сторону мотает.

От оврага к березничку рукой подать — вот и доехали. Выскакивают герои-бойцы, под уздцы кобылку берут.

— Обед привез Кузьма Обед, — говорят, — да лиха беда, — себя не довез! Потерял себя дорогой Кузьма, обронил свою дорогую жизнь. Прислал нам товарищ Обед только свое бездыханное тело — чтоб под белой березой с честью похоронили! Эхма!

Радоваться бы обеду, — да за повара жалость берет.

— Эхма,— говорят,— всем поварам повар был! Слово в слово: беда всем бедам — не стало Кузьмы Обеда!

Не выдержал тут Кузьма, как прыснет, как рванет ремень — и ожил.

Ну, понятно, сперва стали его качать, потом за ложки взялись.

ПАРТИЗАНСКАЯ РАЗВЕДКА

Пошли в разведку удалые партизаны Никита Татарчук и Трофим Трава. Пробираются чащобами да оврагами, к болоту вышли. Вечер поздний. Пьяная метелица метет, поет, пляшет, по кочкам скачет, сугробами горбится, над пустым болотом распустила белых птиц.

За болотом большое село Вороничи.

Думают партизаны:

— Каково-то гости незваные-непрощенные в наших Вороничах гостуют, чем угощаются, каких от нас еще гостинцев ждут?

Перевели дух, пошли через белую темь, по колено в снегу. Село как будто черт слопал: из-за метелицы не видать.

— Думается,— говорит Никита Татарчук,— дошли! Тут бы школе падо быть!

Потоптались-потоптались, на какую-то кучу влезли. Гарью запахло. Тяжелый дух!

Трофим Трава тихо говорит:

— Голая печь на снегу! Хоть блины пеки! Развалили проклятые нашу школу-красавицу!.. Ух! Не смогу им этого простить!

Порешили партизаны в этом месте разойтись: Трофим Трава направо пойдет, Никита Татарчук налево пойдет. Постараются фашистский штаб разведать, «языка» добыть. И уговорились у березовых крестов над речкой Вороной сойтись.

Да и пяти шагов друг от друга не сделали, как на них собака кинулась. Стала брехать. И вот уже на брех ее гитлеровцы бегут, Партизаны — наутек, один — сюда, другой — туда,

Побежал Трофим Трава, да впотьмах, прямо лоб в лоб, с фашистом столкнулся: обнялись, как родные братья. Нашупал глотку, подмял фашиста под себя, ручкой нагана в висок стукнул и уже подниматься стал — тут на него туча фашистской саранчи налетела. Половину уложил, кого наганом, кого штыком, все же одолел. Руки скрутили, поволокли.

Стрельба идет по всему селу.

Думает партизан: «Должно быть, Никиту Татарчука ловят!»

Привели его в штаб, — прежде тут сельсовет был. Сразу допрашивать: кто он, откуда он, много ли с ним партизан было? Трофим как воды в рот набрал.

— Ладно, — говорит ласково толстомордый полковник, — отложим допрос до утра. Стойкий партизан! Герой! Отведите в амбарчик!

Один плюгавый, плевка не стоящий, офицеришка с кулаками на Трофима накинудся. Ласковый полковник досчитал до пяти и говорит:

— Хальт! Пять раз ударил — и довольно! Мы же — культурная нация. Между прочим, — говорит, — слишком тепло одет партизан, в амбарчике будет ему жарковато! Скиньте лишнее!

Сняли с Трофима тулупчик, ватник, тужурку, новые валенки, опять руки назад ремнем скрутили и повели его, босого, раздетого, по снегу через улицу.

Ноги и плечи сразу, словно кипятком, морозом ошпарило. Про шапку в штабе забыли, и то хорошо.

С трудом Трофим в метельной одуре сообразил, что к колхозным амбарам его привели.

Отперли один амбар. Ударил солдат прикладом меж лопаток, — в глазах у партизана потемнело, без памяти упал.

Через сколько-то времени очухался, соображает: лежит на дощатом полу, а тело по суставам, по жилам разрывается, от холода коченеет; рубаха кровью намочила — примерзла к полу. За дверью, слышно, сапогами дробь часовой отбивает.

Попробовал Трофим на другой бок перевернуться. Ноги не связаны, только как деревянные.

— Поди, отморозил!

Стал пальцами шевелить, в коленях сгибать, — немного в чувство привел.

Возился-возился на полу, пока не удалось сесть. Потом и на ноги встал. Ничего, держится. Хотя в голове шумит и колени дрожат.

«Теперь бы, думает, руки высвободить!»

Не тут-то было!

Ногами и плечом стены обшарил. Что-то вроде колышка, вбитого между бревен, обнаружил. Повернулся к нему спиной, привстал на цыпочки, давай ремнем по колышку тереть.

Долго тер, перетер, распутал ремень, сделал гимнастику — кровь в сердце оттаивать начала. Колышек из стены выдернул — в карман положил.

А часовой, как маятник, за дверью ходит: сюда-туда, сюда-туда.

И находит Трофим Траву продух поодаль от двери: маленькое оконце, только-только руку просунуть.

Вот ходит часовой вдоль амбара, каблуками дробь отбивает. Поравнялся с продухом, Трофим руку в продух — хват за каску!

Думает часовой, что каску ветром сдуло, зачертыхался, давай ногами в снегу искать. Голове-то холодно, того и гляди метелицей мозги выдует.

Вспомнил, что на пленном шапка была. Обрадовался.

— Надену, дескать, партизанскую ушанку!

Слышит Трофим, что солдат засов отодвигает, — того и надо. И как только тот вошел, колышком его в темя — раз!

Первым делом, конечно, оделся-обулся за счет Гитлера партизан. Сапоги малость жмут — да ведь не магазин, чтоб выбирать по ноге!

Вышел. Понятно, винтовку часового с собой захватил.

Хуртелица пуще разыгралась. Зверем воет. Не видать ни зги.

«Где-то Никита Татарчук, что с ним! Убит ли, в плену ли, убежал ли?»

Беспокоится за товарища.

Однако к штабу пошел.

В карауле здоровенный колбасник стоит. Видно, прозяб: рыло бабьим платком обмотал, к крыльцу жмет, подремывает. Вдруг видит: под самым носом человек объявился. Выпучил глаза, моргает, как филин, рот рас-

крыл, чтоб окликнуть... Да не успел! Пискнул по-мышинному и головой — в сугроб.

— Что ему тут зря стоять!

Всходит Трофим Трава, не теряя времени, на крыльцо, щеколду подымает, дверь открыл. Сени темны. А в помещении большой шум, разговор и смех. Посуда звенит. Ножи стучат.

«Веселая пирушка! Любопытно взглянуть!»

Чуть тронул дверь, приставил глаз к щелке.

Бражничают офицерская компания за столом — человек двадцать, — напитки пьют, закусками закусывают. И между прочим, ведут разговор, какую б пленнику-партизану пытку придумать, чтоб язык развязать. Один одно предлагает, другой — другое. Спорят, в одном лишь соглашаются, что потом надо будет Трофима Траву повесить.

И захотелось ласковому полковнику, тому самому, что за культуру заступался, выйти на воздух.

Встал он из-за стола и говорит:

— У меня, господа, мысль в голове объявилась. Только мне надо ее сперва на крылечке проветрить. Впрочем, вкратце могу и сейчас доложить, а когда проветрю, будет подробный разговор. Мы, господа, культурная нация, поэтому больше будет чести для нас, ежели мы с этим партизаном поступим благородно: запечем в русской печи и собакам скормим... Хотя, извиняюсь: как же мы его потом будем вешать?

Видит, что зарапортовался, — скорее к двери. Едва успел Трофим в угол отскочить.

Ласковый полковник на крыльцо — и Трофим Трава за ним вслед. Ласковый полковник стал культурные мысли проветривать — Трофим Трава взял и сковырнул его штыком с крыльца.

Загремел полковник с крыльца — в доме даже услыхали. Смеются офицеры, шутки шутят. Дескать, полковнику в ноги вино ударило, не устоял на крыльце!

Однако что-то долго полковника нет. Вызывается плюгавый капитан, полплевка, расследовать, как и что.

Как с ним Трофим обошелся, никто и не услышал. А Трофим Трава отнес его на штыке прямо в отхожее место. Дырку им заткнул.

Таким вот способом — по одному, по одному — всю офицерскую компанию расстроил. А как последнего пустил в расход, вошел в натопленное помещение, сел за стол, налил чарку и сам с собой разговор повел:

— Эх, нет Никиты Татарчука, славного товарища, чокнуться не с кем!

Только это сказал, а Никита Татарчук тут как тут: стоит на пороге, гранату в руке держит, в Трофима целит:

— Руки вверх!

Поднял Трофим руки вверх потехи ради, принимает слова Никиты Татарчука за шутку. Забыл, что на нем фашистская одежда-обуша, не соображает, что Никита его не узнал и действительно гранату может бросить.

— Бражничаешь, бандитская морда?! — говорит Никита Татарчук, и глаза у него — как минометная батарея. — Вопа сколько водочных изделий и приятных закусок! Поросятина на столе! Сколько миллионов человечества и собственной звериной породы истребили, мерзавцы, ради этой самой поросятины! Нет у меня больше жалости к вашей волчьей крови, тотчас бы тебя вниз отправил, да «языка» надо! Выходи из-за стола!

— Садись, Никита Татарчук, гостем будешь! — тихо произносит Трофим Трава, не опуская рук: — Садись скорей и давай чокнемся, время дорого, работы еще много осталось, и с поднятыми руками стоять мне известно!

Протер Татарчук глаза.

— Вот было бы дело, если б своего друга-товарища гранатой огрел!

Чокнулись ради радостной встречи, наскоро подкрепились, собрали штабные документы, нашли связку гранат — взяли, взяли два автомата в руки и пошли дома проверять.

В какой дом ни зайдут — фашист дрыхнет, а то и два, или того больше. Все дома обошли, порядок навели. Без большого шума обошлось.

Только на избу-читальню должны были всю связку гранат истратить: полсотни гитлеровцев ночлежку здесь себе устроили, книжками отапливались. Жаль было, хороший дом, а делать нечего.

К утру со всеми делами управились. Трофеи подсчитали. Старосту-Иуду, поставленного фашистами, куда спрятался, там и заперли, — а спрятался он в свином

хлеве,— подходящее место выбрал! Потом уж с домашними повидались-покалякали.

Утром Трофим Трава и Никита Татарчук стариков, баб собрали, власть им передали, трофеи на хранение оставили. К своим без «языка» вернулись. Да и надобности в нем не было!

А дорогой Никита Татарчук рассказал, как за ним фашисты по селу гонялись, чуть не словили. Спасибо бабке Куприянихе: в риге спрятала, соломкой укрыла. Бедовая старуха!

РЕЦЕПТ

Жила-была в одном городе гражданка — вдова, с дочкой. Как звали вдову, запомнил, а дочку звали Груней. Работала Груня в госпитале сестрой, за ранеными бойцами ходила. Была она девушка ласковая, обходительная, красивая, с такой вот косой — золотой, как пшеница в поле, с васильковыми глазами. Очень ее бойцы обожали, мечтали, кто не думал выжить, только бы на Груниных руках помереть.

И случилось, что громадная фашистская орда подошла к этому городу, обстреляла его артиллерией и минами, засыпала бомбами с самолетов, оглушила ревом танков и, после упорного боя, взяла приступом. Тех раненых бойцов, которые легко были ранены, успели эвакуировать, а те, кто без движения лежал, поневоле в госпитале остались. И Груня осталась при них. Пожала.

Приходят в госпиталь эсэсовцы. Поднимают раненых воинов с косок, начинают выбрасывать на двор.

— Такое, — говорят, — превосходное здание, что лучше в нем веселый дом устроить!

Груня им не позволяет.

— Что вы, — говорит, — очумели? Никогда людьми не были?! Какое вы имеете право так с красными героями поступать? Даже с вашей бандитской рванью у нас так не поступают! Освободите помещение и не смейте тревожить бойцов, они в тяжелом положении, — тоже ваших кровавых рук дело!

Те заявляют претензию:

— Много разговаривашь, девка! Подумаешь, начальство выискалось! Никто нам, сукиным детям, разбоя не может запретить: мы самая головорезная дивизия, так

и называемся «Волчьей Дивизией» — и волчью голову носим на рукаве. А чтоб язык у тебя длинным не был, мы его укоротим!

Схватили ее за золотую косу, на площадь поволокли. Там уже виселицу мастерят. Конопляную веревку пробуют — крепка ли.

Ну и повесили Груню. Не посмотрели на ее красоту, на которую, бывало, месяц заглядывался — сокрушался, что не звездочкой в небе Груня родилась, а то бы присваивался к ней, в жемчуга бы да яхонты ее одевал, хрустальный бы дворец ей построил, в ведрах бы свет носил — умыться ей, из белого облака полотенец бы накроил — утираться ей. Да вот, повесили.

Конопляная кострика под овином заплакала:

— Зачем зеленые конопли в поле росли? Зачем девки их брали, молодницы трепали? Зачем старые старухи вили веревки из них? Будь ты проклята, матушка — зеленая конопель! Мне, жострике, через тебя и стыд и туга!

Солдата поставили при виселице: кто будет мимо проходить и заплачет, чтоб в того стрелял.

Воробей малая птица, но и в его сердчишке жалость нашлась: подлетел к солдату и глаза ему выклевал.

Приходит вдова, Грунина мать, пачинает Груню оплакивать:

— Да и зачем же я девкой была — конопли в поле брала? Да зачем же я молодницей была — конопли трепала? Да зачем же я старухой стала — пеньку научилась вить-сучить? Будь ты проклята, злая свекровь-конопелы! Мне, родимой матушке, через тебя печаль-туга, гореслезы!

Плачет, убивается.

Вот ей какая-то соседка и говорит:

— Есть лекарь, что рецепт может написать. Лекаря зовут: доктор Несмертельный, Иван Петрович, а рецепт он может написать на мертвую воду и на живую воду. С этим рецептом ты пойди в аптеку, заплати рубль тридцать копеек — и тебе сделают. И будет твоя Груня опять при тебе в живом виде. Только вот беда: живет этот лекарь, доктор Иван Петрович Несмертельный, в местечке Батурине под Конотопом, а там сейчас тоже фашист стоит.

— Что ж, за таким рецептом хоть на край света пойду! Выкрали они вдвоем Грунино тело. Запратили в снег,

в садике под яблонью. И пошла горемычная мать прямой дорогой в местечко Батурич, что на речке Сейме стоит, на горе. Когда-то речка Сейм вольной речкой по желтому песочку текла, веселыми берегами красовалась, по зеленым лугам разливалась, шелковой шелестела зыбью, как лента в девичьей косе, — тогда и местечко Батурич вольно и пышно жило, белыми садочками цвело, баштанами да левадами оплеталось, росистым просом, колосистым житом на край света убегало, — каким-то стало оно теперь, под лихим супостатом, под немецким катом?

Идет мать по дороге, — фашистские танки ее встречают, фашистские танки ее нагоняют.

— Куда, баба, идешь?

— Куда глаза глядят, куда ноги ведут.

— Глаза твои на мой кулак глядят, ноги новыми валенками меня интересуют.

Избил ее солдат. Валенки снял, на свои босяцкие ноги стал надевать: не лезут. Осердился, тесаком в капусту валенки изрубил, поехал дальше.

Обмотала мать ноги онучами потуже, бечевочкой обвязала, — поковыляла по колеям, по ухабам, ноги тотчас сбила в кровь.

Идет день, идет ночь, не спит, не ест, не пьет. Фашистские танки ее встречают, фашистские танки ее нагоняют.

— Куда, баба, идешь?

— Куда глаза глядят, куда ноги ведут.

— Глаза твои глядят на мое ружье, ноги в полах путаются — пальтецо длинно.

Выстрелил солдат в нее из ружья, прострелил левое плечо. Пальтецо стащил, суконце на портянки изорвал, переобулся. Поехал дальше. Подкладку ей оставил.

Подобрала мать соломки, сенца на дороге, на подкладку наметала — получилось вроде шубы. Пошла — словно кошна идет. От стужи, от ветра зуб на зуб не попадет. С простреленного плеча, с несчастных ног кровь течет в три ручья.

Идет день, идет ночь, не спит, не ест, не пьет. Фашистские танки ее встречают, фашистские танки ее нагоняют.

— Куда, баба, идешь?

— Куда глаза глядят, куда ноги ведут.

— Глаза твои глядят на заплечного мастера, ноги твои

привели тебя туда, где их прижгут каленым железом, подпилят острой пилой!

Взял ее солдат в штаб. Там ей пальцы на ногах отпилили, пятки каленым тесаком прижгли, всю ее изрезали, искромсали.

— Куда, баба, шла?

— Куда глаза глядели, куда ноги вели.

Возились-возились с ней, — плюнули.

— Вот, — говорят, — живучая, чертовка! Сколько человек упарила! Сколько жару извела! Пошла вон!

Пошла многострадальная мать — какое пошла! — на карачках поползла. Кровь из нее в сто ручьев течет, все колеи-дороги красными стали. А идти еще далеко.

Проезжал в ту сторону броневик, на ухабе запнулся. Ухватила она за какую-то гаечку, повисла на ней. Едет и едет. Солдаты внутри сидят, ее не замечают.

Поехали через лес. Выскакивают из кустов партизаны, начинают стрелять. Всех солдат перебили, завладели броневиком.

— Как ты, матушка, тут очутилась? Куда, матушка, путь держала?

Так-то и так-то. Туда-то и туда-то.

— Это, матушка, далеко, не дойти тебе, сердечная, в таком плачевном виде. Ну, да мы тебя подвезем!

Подвезли, дай бог им здоровья!

Пришла мать в местечко Батурино. Спрашивает:

— Где тут лекарь живет, по фамилии Иван Петрович Несмертельный?

— Жил, — говорят, — а теперь не живет.

— Уехал, что ли?

— На тот свет уехал.

— Как так?

— Фашисты расстреляли: собака его на офицера залаяла, когда мимо шел.

Ударил мать руками об полы, железными калеными слезами заплакала. Рассыпались железные каленые слезы по земле, по дороге покатались, до вражеской земли докатились: какая мать фашистского солдата дорогу переходила, той железная слеза сердце пробила; какая мать фашистского солдата по дороге шла, той каленая слеза сердце прожгла, — а зачем, суки, такую нелюдь рожали?

Подходит к разнесчастной Груниной матери женщина.

— Пойдем покажу тебе, где доктор Несмертельный Иван Петрович жил. Я в том же доме нахожусь. Может, найдешь рецепт, какой тебе требуется.

Пришли в дом. В одну комнату заходят — четверть комнаты рецептами набито от полу до потолка. В другую комнату заходят — полкомнаты рецептами набито от полу до потолка. В третью комнату заходят — вся комната рецептами битком забита, и не войти.

Стала мать разбирать рецепты. И день и ночь сидит — разбирает, не спит, не ест, не пьет.

Неделя за неделей проходит, месяц кончается, другой наступает. Четверть комнаты разобрала и полкомнаты разобрала — нужного рецепта нет. А Груня там, в садике, в снегу лежит, золотой косы не заплетает — не расплетает, звездочкой Грунина краса не светит, васильками Грунины глаза не цветут. Подольше бы морозы подержались, повыше бы выпал снег!

И третью комнату почти всю разобрала мать. От бессонья вся почернела. От бесхлебья вся высохла. Стала — как маковое зерно.

Осталась самая малость рецептов в уголке. Один за другим в руки берет, читает, в сторону откладывает. До последнего дошла. Не тот!

И слез больше нет, чтоб заплакать. И голоса нет, чтоб закричать. Легла тут же в уголке, руки на груди сложила.

«Вот, думает, припомню все, что знаю про Груню с малых ее лет, что когда она делала, что когда говорила, как росла да как выросла, да как теперь в белой могилке лежит, — припомню все, и помру».

Стала так-то она припоминать, и глаза закрыла.

Выбежала из порки мышка, поглядела, поглядела на нее.

— Погоди, — говорит, — я еще тебе один рецепт из подполу принесу: в щель между половицами провалился. Сбегала, приносит рецепт.

Посмотрела мать: он самый.

Резвее перепелки на ноги вскочила, быстрой ласточкой домой полетела. Никого дорогой не видела, ничего дорогой не слышала, и что с ней в дороге случилось, через какие еще муки проходила, — никогда потом вспомнить не могла.

Достигла своего города, пошла прямо в аптеку.

Аптекарь прочитал рецепт и говорит:

— Приготовить можно. Оба лекарства будут стоить рубль тридцать копеек.

Дал ей два пузырька: в одном вода черного цвета, в другом вода белого цвета.

Побежала скорей к себе.

А дома ее на прежнем месте и нет: оккупанты сожгли. И яблонька стоит обгорелая, черная, как монашечка.

Разгребла снег под яблонью.

Лежит Груня в снегу, нетлепная, как будто только-только уснула.

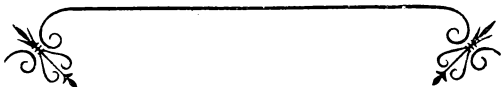
Попрыскала мать мертвой водой из черного пузырька. Почернела Груня, стала страшной. Попрыскала мать живой водой из белого пузырька. Сошла чернота, заиграл румянец на Груниных щеках, открыла Груня васильковые глаза и говорит:

— Фу! Долго же меня не будили, даже устала спать!

Скорей-скорей укутала ее мать в какую-то шубейку да задворками, за ригами, за овинами в лес увела. К партизанам.

КРЫЛАТАЯ СВИНЬЯ

Жил Умный Немец. Может, и не тот самый, что обезьяну выдумал и луну замест блина чуть было со сметаной не съел,— может, еще умнее.

Сидит раз Умный Немец у окна и слушает: поет соловей на липе... Свинья, по двору гуляючи, хрюкает... И влетела ему в лоб такая мысль:

— Поговорка есть: бог свинье не дал рог. А к чему рога свинье? Дал бы ей крылья — вот начудила бы! — взлетела бы сейчас на липу, где соловей поет, и сама бы запела-захрюкала. То-то было бы удивление на весь мир: птица-небылица!

С этой мыслью выбежал на крыльцо и кричит Дворовому Слуге:

— Волоки свинью в портаменты!

Тот сейчас же аркан ей на шею.

— Пожалуйте, ваше свинородие, в портаменты!

Оглядел Умный Немец свинью повсеместно, по всем стáтям, — ну, говорит, я не я буду, если подлая не полетит! И давай мудрить над свиной персоной. Пробует гусиные крылья — не приращиваются. Пробует журавлиные крылья — не приращиваются. Пробует крылья от ветряной мельницы — одно приросло, другое отваливается. Бился-бился, потел-потел, и — что бы вы думали? — достиг: сделал такие крылья, что приросли! Полетела!

Взвилась Крылатая Свинья под потолок, по портаментам покружила, вышибла оконную раму — и в облака.

Летит — понять не может: где она, кто она, что с ней? Глянула вниз — батюшки светы! Что тут визгу было! Заспешила обратно. И не в хлев к себе — от изумления прямо в сад бухнулась. А в саду, подаром его Умный

Немец посадил, самые невозможные деревья. Скажем, яблонь: на одной ветке яблоки, на другой дыни, на третьей пареная репа, на четвертой яйца всмятку, на пятой яйца крутые, на шестой пироги с ливером, на седьмой сосиски с капустой, на восьмой гороховые колбасы... О грушах и липах говорить нечего — на иных даже предметы ширпотреба, как-то: шевровые штiblеты, подтяжки, нейлоновые и капроновые носки, бумажные кальсоны... ну, не все успеет вызреть до первых холодов, зато теплые, например, фуфайки, — правда, грубошерстные, — случается, дают по два урожая в год.

Накинулась Крылатая Свинья на высококультурное садоводство — одним духом все объела, обломала, перепортила, обгадила. Нажравшись, облюбовала распреснейшую клумбу среди цветника — и завалилась на боковую.

Пока она дрыхнет, Умный Немец по ней сокрушается. Куда, думает, залетела? Где теперь искать?

— Ах, патент я не успел продать в Америку!

Да как глянет с балкона на свой невозможный сад, от которого только рожки да ножки остались, — сперва не поверил глазам, потом хлопнул себя кулаком по голове и — ноги к потолку. Тут его кондрашка хватил.

А Крылатая Свинья выдыхлась, зенки продрала, на крылья свои подивилась, рассудила, что у себя портить уже нечего, и полетела за тридевять земель: зуд в пяточке не дает ей покоя.

Летит — внизу земля, вода, — не сообразит, чего больше. Высоко под солнцем залетела, щетина задымилась, попахивать стала.

Поглядела под ноги: дом отменной белизны. В пожелании прохлады все двери и окна настежь. Сойдет, думает, за хлев!

Хлев не хлев, но помещение приличное, только вместо корыта большущий стол. За столом персоны сидят. Конечно, не задумывается, что стол банкетный и персоны за столом не кто-либо, а забубенные короли. Никто ей не объясняет, что один — Колбасный король, другой — Ветчинный король, третий — Селедочный король, четвертый — Мыловаренный король, пятый — С Большой Дороги король, ну и всякие другие. И вовсе не замечает, что при них, ближе к дверям пристроились, двое приبلудных ко-

ролишек; впрочем, эти больше ради услуг находятся: кому плевательницу подадут, кому за сигаретами в буфет сбегают.

Крылатая Свинья, не долго думая, в королевскую компанию влетает — и со всеми четырьмя ногами на стол. Намахалась крыльями за день, с аппетиту на все набрасывается: это жрет, это пьет, это набок валит.

Забубенные короли от удивления глазами хлопают, рты разинули.

Один закричал:

— Бейте свиню, она нам все кушанья перепортит!

Другие, однако, не потеряли соображения.

— Надо ли, — говорят, — сразу за дреколие хвататься? Может, — говорят, — она тоже королевского звания, с кем-нибудь в родстве состоит?

Колбасного и Ветчинного королей принимают во внимание.

А какой-то прямо говорит:

— Пускай питается! Такая превосходная Крылатая Свинья — диво дивное! Не удивлюсь, если она сюда залетела, чтоб наши великолепные королевства прославить!

— А то как же, — осмеливается один из приبلудных свое мнение подать. — Поглядите, сколько свинства в одно мгновение успела произвести!

— А ведь земля, — подтверждает другой из приبلудных, — преимущественно на свинстве держится!

— Верно! — соглашаются забубенные короли. — Займем такую Крылатую Свиню — все равно, что Колумбами стать, вторую Америку открыть!

В таких свиных разговорах обступили ее со всех сторон, пяточок ей щекочут, щетипку поглаживают, хвостик теребят, всем, что на столе, потчуют.

Крылатой Свинье того и надо.

«Шут с ним, с Умным Немцем! — думает. — На постных помоях держал! — а тут одних тушеночек ешь не переешь!»

Между тем отводят ей великолепные портаменты, всякое угождение оказывают, в газетах пропечатали, орден высшего свинства в честь ее изобрели, к пяточку ей привесили. И тут же смотр авиации объявляют — не сомневаются, что Крылатая Свинья на смотре покажет себя!

И точно, показала! Такие штуки в воздушном эфире пошла откалывать, что у тех, кто видел, глаза тараканами на лоб полезли.

— Необходимо как можно скорее в международном масштабе Крылатую Свиныю обнаружить, — решают забузвенные короли. Пускай все видят, какого успеха мы достигли в свинстве!

Маршрут ей прописали и посылают в повсеместный пробный перелет. Приблудных королишек для ее услуг прикомандировали в подвешенном виде. Но те вскорости где-то потерялись: возможно, некрепко держались за щетину; возможно, от головокружения; возможно, умышленно улизнули в свои королевства.

А Крылатая Свинья уже порядочно суши отмахала, через всевозможные моря перемахнула, приятную местность под брюхом обнаруживает. Веселенькие домики стоят. Веселый лужок расстилается: травка зеленая, цветочки разноцветные, птички с отличными голосами. Само собою, детишки на воздухе резвятся, нарядные и голосистые, — не сразу от цветочков и птичек отличить.

Один карапузик поднял голову, пальчиком показывает:

— Смотрите, какая большая птица!

Другая кроха разгоревалась:

— Ой, пролетит мимо! Не даст наглядеться на себя!..

Тут все закричали:

— Лети к нам, большая птица!

— Хрю-хрю, — говорит Крылатая Свинья, — пожалуйста!

Спустилась на лужок. Детишки ее, как пчелки улей, окружили. Кто цветочек подносит, кто пряник, кто игрушку дарит.

Крылатая Свинья будто бы цветочек хочет понюхать — ам! — детскую пухленькую ручку в пасть захватила, изжевала, только косточки выплюнула.

К прянику потянулась — у другой детки голубенькие глазки пятачком скосырнула, втянула в хайло, проглотила.

К игрушке рылом потянулась — на ходу тут носик, там щечки, там ушки, проклятая, объела.

Закричали детишки от страха, кинулись кто куда.

— Это не птица! — кричат. — Это бешеная свинья!

Мамы, бабушки, няни сбежались. Страсти такно увидели, что лучше бы никогда и никому их не видеть.

Все, кто тут близко был, на свинью накинулись.

Куда! Удержу окайнной нет. Разыгралась, развеселилась, по всему лугу носится, только косицы с лепточками да каблучками от башмачков кругом летят. Да красными цветочками, — может, гвоздикой? может, дремой? — весь луг зацвел...

Натешила свиное сердце, под облака поднялась...

«Вот, думает, весело я с хорошими ребятками поиграла! Почаще бы так». И улетать ей далеко не хочется.

А в нее уже камни летят, пистолеты и ружья стреляют — весь народ всполошился. Только для нее это вроде щекотки. Ни дробь, ни пуля до свиного сердца не доходит, в свином сале застревает. Летаёт себе над местностью, подлая, посмеивается — похрюкивает, аппетит себе нагуливает. Что придумать? Чем до свиного сердца до-
стать?

Оружейник один нашелся — говорит:

— Не может того быть, чтоб для Крылатой Свиньи определенной пули не нашлось!

Отлил свинцовую пулю.

Застряла свинцовая пуля в свином сале, до свиного сердца не дошла.

Отлил железную пулю. Застряла железная пуля в свином сале, до свиного сердца не дошла.

Сынишка Оружейника, этаким постреленок, говорит отцу:

— А я из пробки стреляю — хорошо в цель попадает!

Зарядил ружьецо пробкой, только в пробку уголек горящий воткнул. Застряла пуля из пробки в свином сале, уголек от сала сильнее загорелся. Стало свиное сало топиться — чем больше топится, тем больше огонь разгорается. Дошел огонь до свиного мяса, через все мясо прошел. Заметалась свинья по небу, хрюкает, визжит, как потушить огонь — не знает. Хотела бы на землю спуститься — там ее с кольями, с вилами ждут.

Дошел огонь до свиного ливера: от печенки на легкое, от легкого на сердце перекинулся, — человеческим голосом свинья закричала: «Батюшки, горю!»

Дошел огонь до свиных костей — затлелись свиные кости, сильный чад и смрад кругом пошел, даже забубенным королям на далеком расстоянии в нос ударило.

Сгорела Крылатая Свинья. Больше ей не летать!

**О СЛАВНОМ ПРУССКОМ КОРОЛЕ
ГИЛЬТЕРУСЕ,
КОРОЛЕВЕ МЕРЕНГЕ
И СВИНОМ ПРИНЦЕ**

Не то чтоб очень давно, в славном прусском королевстве жил-проживал славный прусский король Гильтерус. В супругах при нем на ту пору состояла знаменитая королева Меренга. Известное дело, красоты она была неслыханной, однако не имела полного удовольствия в своей королевской жизни: была бездетна. Сильно огорчалась и сокрушалась она о своем неплодородном, хотя и прекрасном чреве и, сокрушаясь, бывало, говорила своим фрейлинам:

— Не на радость мне моя неслыханная красота дана: не имею от нее достойного побега! Произрастаю я, как бесплодная в саду смоковница, которую напрасно окапывает и поливает усердный Гильтерус: не дожидаться ему, полагаю, хотя бы кочана капусты, а вернее всего, получит славный король Гильтерус фигу!

Так сокрушаясь, стала королева Меренга чахнуть и таять от собственного сокрушения. Понятно, король Гильтерус немало докторов, бабок и знахарей от своего королевского лица на тот свет услав, только большой пользы через это не достиг.

— Чем же мне, едят се мухи, разутешить бы, разуважить бы, раскручинить бы прекрасную мою Меренгу?— задумывался он.— Того и гляди, с чахотки помрет!

И додумался.

— Душа моя,— говорит однажды,— прекрасная Меренга! Нынче,— говорит,— доставили из города Веприха великолепного Борова, пудов на полтора ста,— глаз не отвести. Так не угодно ли, душа моя,— говорит,— велю я провести вышеназванного Борова перед твоими окопешком, чтоб ты на него своими прекрасными глазами поглядела,— чаю, получишь отличное удовольствие.

Известное дело, как услышала королева Меренга о таком чуде, всплеснула в ладоши — и к форточке. Смотрит в форточку: скирда не скирда, дом не дом, гора не гора. Точно, Боров! И ведут того Борова по двору на золотой цепи министры да генералы да дворовые дамы. А Боров важничает, на шее у него медали болтаются, хвостиком помахивает, главному министру в нос постреливает.

Ахнула королева Меренга, смотрит на Борова — и, точно, глаз отвести не может: такого чуда в прусской земле еще не бывало. Делались солнечные затмения и кометы с павлиньими хвостами, бывали фокусники: один трубку от месяца раскуривал, другой нос вытягивал клещами на большую длину, — кто хотел, мог верхом на нос сесть и уехать в Америку, третий в собственном брюхе карасей удочкой ловил, объявился как-то искусный шулер, что самого короля Плутуса Великого в карты обставил, но Борова на полтора пудов не бывало. И оттого, что Боров королеве так крепко полюбился и она на него целый день, не мигая прекрасными глазами, глядела, случилось то, на что славный король Гильтерус давно уже надежду потерял: перестала королева Меренга о чахотке своей думать, стала в полноту комплекции своей входить, и, первым делом, обнаружилось это с живота.

Король до того повеселел, что стал ходить гоголем, министрам подмигивает:

— Знаю, мол, фармазоны, имели вы на мой счет тайные мысли, фигой меня потчевали! Погодите, сякие-такие, лиха беда начало, доберусь и до ваших женушек!

И точно! Не за горами тот день, когда королеве пришло разрешиться от бремени! Батюшки! Какой тут случился переполох в прусском королевстве. Чтoб вы думали? — родился у прекрасной королевы Меренги, вместо красавца принца, поросенок! Рыльце с пяточком, повсеместно щетина, копытца, хвостик — все, как следует быть.

Король Гильтерус сперва своим глазам не поверил, долго гляделся во все зеркала, самовары и золотые блюда в рассуждении родственного сходства, потом сказал:

— Нет, принц не в мать, не в отца, а точь-в-точь в диковинного Борова. Видать, долго прекрасная Меренга на проклятого хряка зенки пялила, оттого и получилось такое свинство!

Созвал министров, объявил королевское заседание, предлагает министрам выработать резолюцию: как поступить с принцем-поросенком?

Стали министры думать-рядить.

Слово взял Министр Кулинарных дел:

— Поросенок,— говорит,— требует правильного подхода. Первое правило,— говорит,— ежели ты поросенок, надо зажарить тебя так, чтоб корочка хрустела и в то же мгновение таяла во рту. Второе дело: какого фаршу взять?— возможно — с гречневой кашей; возможно — с потрохом; опять же хорошо — собственную его персону с французской булкой перемолоть и в свою же шкуру в лучшем виде вернуть.

Однако Министр Первой Нужды заявил несогласие:

— Напротив,— говорит,— поросенок в наилучшем виде существует, когда его подают заливным, и тогда он требует преимущественно сметаны с хреном! Теперь насчет фаршу! С полной ответственностью обращаю внимание на поросенка голову: голова требует,— говорит,— культурного фаршу! С мозгами и тому подобными деликатесами! А не с гречневой кашей! Надо,— говорит,— ежели ты Министр Кулинарных Дел, иметь понятие в голове и хотя бы на сон грядущий читать поваренную книгу!

Слово за слово, чуть не дошло до драки. Спасибо, Министр Скотного двора образумил:

— Что вы,— говорит,— идола, шум подняли?! Нешто речь идет о простом поросенке?! Забыли, черти брюхатые, что данный поросенок — не просто поросенок, а самый настоящий прусский принц и, даст бог, в свое время будет королем прусской земли! А вы: «зажарить!», «подавать с хреном!». Экие лоботрясы, прости господи!

Сильно застеснялись Министр Кулинарных Дел и Министр Первой Нужды, а Министр Скотного Двора начал поддавать жару:

— Мое мнение,— говорит,— представить к нему семь нянек с тринадцатью дворовыми дамами! А дураками,— говорит,— прикидываться нечего! Что же делать, коли прусской земле выпала такая, прости господи, свиная плагида! Мало ли что бывает!

На том и порешили, приставили к Принцу-Поросенку семь нянек и тринадцать дворовых дам, стал он проходить полную королевскую науку. День-деньской няньки моют

его, скребут, щетинку на спинке ему приглаживают, пяточек зубным порошком начищают, копытца в золотую оправу оправили — ходит его поросычье высочество по всему дворцу, по паркетам копытцами постукивает-побрякивает, под платья дворовым дамам забирается — пугает щекоткой, министров истошным голосом будит, ежели который заснет над государственными делами, королевино материнское сердце умиляет, королю на радость и утеху растет.

Однако, чтоб в народе вольных мыслей насчет королевы Меренги не было, сделал король Гильтерус великолепному Борову незаслуженную неприятность: велел свести его в колбасное заведение. Колбасных изделий наготовили столько, что можно было бы всю прусскую нацию досыта наплатать. Только не довелось прусской нации колбасными изделиями полакомиться. Придумал король Гильтерус, досадуя на Борова, такое ему бесчестье: собрал еврейских раввинов со всех синагог и посадил их на колбасное питание: знал король Гильтерус, что еврейские раввины с давних пор привыкли без свинины обходиться и отнюдь не имели охоты кушать свиную колбасу.

Тем временем Принц-Поросенок понемногу подрастает, к государственным делам присматривается. Приучил его король Гильтерус печати на казенных бумагах пяточком ставить, обкусывать подошвы у министров, чтоб в совете зря не засиживались, даже под конец науке чистописанию обучил: обмакнет его высочество хвостик в чернильницу и давай по стене и на заборах писать, — только потом трудно бывало министрам написанное уразуметь, либо же получались слова похабные.

Но как ни прихочивали его к государственным поступкам, натурально, иной раз захочется принцу получить свое удовольствие, — недоглядят няньки и дворовые дамы, заахают, забегают, подымут переполох: где принц? — а принц, известное дело, на скотном дворе: в навозе роется. Не то выждет, чтоб пошел дождик, выберет среди двора самую большую лужу, ляжет в нее — и давай кувыряться через голову.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Подрос Свиной Принц, в зрелый возраст стал входить. Как-то раз сидит королева Меренга в горнице, вышивает бисером да жемчугами платочек — принцу сморкаться. А он сам тут как тут — на пороге.

— Хрю-хрю! — говорит. — Маменька, — говорит, — прекрасная королева Меренга! Прощу, — говорит, — слова!

— Говори, — говорит королева Меренга.

— Хочу, — говорит, — маменька, жениться!

— Что ты, — говорит, — как это можно!

— Очень просто, — говорит, — маменька! Все женятся, почему же и мне не жениться?

Подумала королева Меренга, пошла совет держать с королем Гильтерусом.

— Так и так, — говорит, — почему бы, — говорит, — ему и впрямь не жениться, если возраст его этого требует. Уже перерос он поросячий период времени и вступил в свиное летоисчисление, — так, следственно, заботы нам прибавилось: подыскать ему благородную супругу.

— Верно, — говорит король Гильтерус, — давно, — говорит, — замечаю: хвостик у него стал закручиваться сдобной баранкой и в носовом хрящике обнаруживается солидность. Только где же найти нам благородную девицу, чтоб на свинский брак согласилась?

Долго ломали голову, как поступить, и решили пропечатать в газете объявление, что, дескать, Свиному Принцу требуется по его возрасту благородная супруга со всеми, так сказать, последствиями.

А на тот случай жила себе в пригородной местности Вдова чиновного ведомства. У той вдовы было семейство: одна дочка постарше, другая помоложе, обе хорошего нрава, с лица — писанные красавицы, а замуж до сих пор не вышли по причине благородной бедности.

Вот в благородном вдовьем семействе стали думать-гадать: как им пойти навстречу королевскому объявлению в газете. Вдова и говорит:

— Прокормить мне вас, — говорит, — на старости дней решительно нечем, решайте — которая хочет на свинские королевские хлеба перейти.

— Понятно, — говорят дочери, — домашние наши харчи ничего не стоят, однако, — говорят, — хотели бы мы знать: как возможно спать в свиной компании: первое дело — щетина будет колотиться, второе дело — от хвостика получится щекотка, третье дело — перед людьми будет стыдно.

— Ах вы, — говорит, — недотроги, вошь вас заепы! Привыкли на моей шее лодырничать — вот вам и не хо-

чется королевской жизни! А каково,— говорит,— мне таких кобыл растить?!

— Да мы,— говорят,— ничего, маменька! Как вы скажете, так тому и быть!

— А скажу я,— говорит,— определенно: пускай старшая готовится в принцезы супруги, и кончен разговор!

Ну вот, пока в других семействах советовались да газету с королевским объявлением мусолили, Благородная Вдова всех опередила, прибежала во дворец, говорит:

— Согласно,— говорит,— объявлению в газете, решаюсь на такой поступок с моей старшей единоутробной дочерью, по имени Брюшильда,— хотя,— говорит,— имею и младшую, по имени Мальвинда, но та еще в несовершенном возрасте.

Король Гильтерус и королева Меренга оказали Благородной Вдове почет, напоили ее чаем с бузинным вареньем и стали готовиться к радостному событию. Пригласили во дворец обер-епископа, велют венчать. Тот смущается: никогда еще свиных свадеб не справлял, опасается соблазна. Да, не долго думая, цидулу римскому папе: пускай, дескать, сам, леший, рассудит, не нашего, мол, ума такое дело. Ну, римский папа, не будь дурак, сразу дело решил. Пишет обер-епископу на приличном латинском языке: «Сей свинтус,— пишет,— не какой-нибудь свинтус, а персона, и персонально, промыслом провидения в недолгом времени будет свинтус-рекс, сиречь всей прусской земли королем; эрго,— пишет,— венчайте, шут с ним, аминь».

Ну, раз так, пожалуйста!— в три счета обвенчали.

Принц сейчас же обер бисерным платочком пятак и — чмок Брюшильду в сахарные уста. Невеста чуть не сплюнула, в сердцах золотой туфелькой наступила принцу на хвостик, тот было завизжал,— а тут стали палить из пушек — и все обошлось. Только принц раскинул свинными мозгами и понял, что принцесса ему досталась злющая-презлющая. И точно: приходит принц к ней в светлицу,— щетинку ему вызолотили, пятак почистили зубным порошком так, что блестит, как самоварная конфорка, на хвостике завивку сделали в три колечка,— входит и говорит приятным голосом-баритоном:

— Хрю-хрю,— говорит,— дозвольте,— говорит,— драгоценная супруга-принцесса, опочить в вашей белоснежной постели.

А та ему пинка в зад.

— Ах ты,— говорит,— растакой-сякой! (это принцупто!) Рыло,— говорит,— твое неумытое (а рыло у него ярче солнца светится!). Чтобы мне,— говорит,— при моем благородстве в одной постели со свиньей спать (а какое благородство, когда иной раз каши к щам нету!). Ступай,— говорит,— и спи на навозе (это сразу после венцато, из-за чего было и огород городить, римского папу беспокоить!).

Ну, делать нечего. Отправился принц ночевать на навозе. Оно бы ничего, на навозе было бы даже приятнее, кабы с принцессой, а так — обидно. Да еще после пинка в зад!

Ворочается принц в навозе, на супругу злобится, уснуть не может. И чем больше ворочается, тем ему обиднее делается. Вот, дескать, я тут в навозе, как свинья, валяюсь (а правду сказать свинья и есть!), а она, дескать, на пуховиках валяжничает, не знает, как бы ей пошире раскинуться!

Эх, разобрало его ретивое, встал с навоза, отряхнулся, шасть в светлицу.

И, недолго думая, отъел ей голову.

— Теперь,— говорит,— не будешь больше, шкура ба-рабанная пинками потчевать!

На другой день, понятно, столпотворение вавилонское, ахи да охи,— в чем дело?— принц принцессе голову отъел! Первое дело, перед иностранными державами зазорно; второе дело, в народе пошел ненужный разговор. Королева Меренга на сей раз до такой степени огорчения дошла, что тут же богу душу отдала.

Похоронили ее честь честью.

Король Гильтерус с горя чуть было не запил, многих докторов и знахарей перевешал, что допустили королеву без всякой надобности помереть, и снова стал жить-поживать, хотя не припеваючи, но степенно.

Только раз прибегает к нему, по паркетам золотыми копытцами постукивая, принц.

— Хрю-хрю!— говорит.— Папенька,— говорит,— ваше королевское величество,— говорит,— прошу,— говорит,— слова!

— Говори,— говорит король Гильтерус.

— Хочу,— говорит,— папенька, жениться!

— Что ты,— говорит,— как это можно! Первой супруге голову отъел — и опять хочешь!

— В чем дело?— говорит.— Нешто отъесть голову — большой проступок? Важное дело,— говорит,— голова, чтоб ей дорожиться, как брюквой или какой-нибудь турнепсой!

Созвал король Гильтерус королевский совет.

Собрались министры, а что сказать — никому невдомек! Друг с дружкой переглядываются, с ноги на ногу переминаются, в мыслях смущаются.

Однако язык не проглотить. Встал Министр Кулинарных Дел. Пошевелил языком во рту — и вправо им повел, и влево им повел, слюну глотнул — и сел: понимай как знаешь!

«Ах, ты!» — думает Министр Первой Нужды и себе ту же программу составил: вправо-влево языком пошевелил, хочет слюну глотнуть — а слюна не глотается. Что ты будешь делать!

Король между тем смотрит, ждет.

Чувствует министр: трясение в поджилках началось, животом слабеет. Слава богу, Министр Толчения Воды в Ступе вывез. О чем говорил, неизвестно, но вопрос осветил.

Вырешили министры резолюцию: ежели охота Свиному Принцу по второму разу жениться, пускай его женится.

Не успел король Гильтерус в газете объявление пропечатать, а уже прибежала Благородная Вдова в хлопотах насчет второй своей дочки — Мальвинды.

Ну, понятно, римскому папе на этот раз пришлось гостинцев послать: карамели к чаю, полфунта изюму, мануфактуры холщовой на портки — само собою, все за счет прусской казны,— приходится расходоваться, ничего не поделаешь, папе тоже неохота за здорово живешь латынью мараться.

Вот венчают Свиного Принца с Мальвиндой, подходит дело к концу, принц, как полагается, чмок пяточком молодую в сахарные уста. Та ничего себе, подняла подол — деликатно губки обтерла, отнюдь на принцев хвостик не наступает.

«Видать, девица добрейшая!» — думает принц.

Все же после венца застеснялся войти к ней в светлицу — пошел на скотный двор. Добрая, мол, добрая — а пинком в зад, того гляди, понотчует!

Только принцесса посылает за ним слуг — навоз обыскать. Находят слуги принца в навозной куче, приводят в светлицу.

Принцесса так от доброты и тает.

— Миленький мой, — говорит, — свиненочек! Драгоценный мой супруг! Почему ваше высочество, — говорит, — в навозе валяется, вместо того чтоб лежать в моей белоснежной постели? Ах, ах, — говорит, — как нехорошо от твоей щетинки навозом пахнет!

Затопала ножкой на слуг:

— Почему, — говорит, — сякие-такие, не ведете королевица в баню?!

Натопили баню. Принцесса своими белыми ручками Свиного Принца намыливает, березовым веником парит, до полной чистоты довела.

«Вот, — думает он, — пофартило с супругой! Невозможно большей доброты требовать».

Понежился в баньке — побанился, на белоснежные перины переходит. Принцесса красоты свои от шелков-парчей освобождает, бок о бок с ним легла. На, мол, пользуйся моей добротой. Эх, милые мои!

Свиной Принц от радости даже обомлел. «Достиг я, — думает, — великолепного счастья. Супруга такой беспримерной доброты мне попала, что и малины не надо».

И такую любовь к ней в своих потрохах обнаружил, что в ту же минуту отъел и этой голову. Только не так, как Брюшильде, со злости, а от чистого сердца.

Прибегает на другое утро к королю Гильтерусу, падает ему радостно в ноги.

Так и так, мол, благодарю покорно за супругу — от счастья голову ей отъел.

Король Гильтерус, как услышал, с ног долой и преставился: вообразил себе полную картину события и в избытке чувств за свою голову стал опасаться — от страха и скапнулся.

Ну, преставился король Гильтерус — схоронили.

Несут министры Свиному Принцу королевскую корону. На темя прилаживают — не держится, на хвостик прилаживают — не держится, на пяточок прилаживают — держится.

Поставил он перед собой министров, пошевелил пяточком, говорит:

— Хрю-хрю,— говорит,— отчего недостаточно вижу перед собой свинства в вашем лице?

У тех душа в пятки.

Прокашлялся Министр Скотного Двора.

— Оттого,— говорит,— что неполная была,— говорит,— форма управления.

— А теперь,— спрашивает,— видите?

— Видим,— говорят.

— То-то же!

Вышли министры в большом смущении, на казенной квартире у Министра Скотного Двора поспешный совет составили. В ту же ночь всем искусным портным велено было явиться — министрам личности перешить. Тому нюхательную часть подправили, тому зад перелицевали, тому хребетный состав улучшили, тому уши пониже опустили, тому изъян в руках, в ногах аннулировали, тому иное что перефасонили.

Утром во дворец прибыли, перед крылечком собрались.

Выходит к ним.

— Хрю-хрю,— спрашивает,— ну, как?

А они добрыми голосами:

— Хрю-хрю, так и так!

Видит, вполне соответствуют.

Известное дело — Благородную Вдову на публичной площади распорядился высесть за то, что третью дочку иметь не постаралась.

Потом стали коронацию справлять.

БАРАБАНЫ И ФЛЕЙТЫ СЛАВЫ

(Из правдивых рассказов
о бароне Мюнхгаузене)

Однажды темной, холодной, ненастной осенней ночью, гудевшей ветром в облупленных и покосившихся трубах, царапавшейся ветвями старых яблонь в окна, безжалостно секшей розгами дождя бездомных котов, бегавших взапуски по крышам, голубятням, по дырявым чердакам флигелей и каретных сараев, где хорошо чувствовали себя только совы и филины, всхлипывавшей и хрипевшей в водосточных трубах, зевавшей от скуки во всю свою волчью пасть по дорогам — канавы, колеи, выбоины, ухабы, омуты и топи которых подстерегали путника, хватали его за ноги, за колеса, за обломки осей и рессор, топили в чавкающей, захлебывающейся, клокочущей пузырями, бьющей фонтанами, обратившейся в перевозданный хаос прусско-бранденбургской грязи, — однажды глубокой ноябрьской ночью, когда славный барон Мюнхгаузен в недлинном антракте своих знаменитых приключений вкушал сон и покой на плохо взбитых перинах, под балдахином из вылинявшего ситца, в одной из издавна не отапливаемых комнат древнего родового замка, ветхого замка с покосившимися башнями, с выветрившейся черепицей крыш, с флюгерами, изъеденными ржавчиной, как воротник старого камзола молью, — однажды ночью через обмелевший замковый ров, так как неожиданно разбуженный привратник замешкался опустить подъемный мост и кашлял, будучи простужен с прошлой недели, так старательно, что не хватало терпения дожидаться, когда он кончит это занятие, — через ров перелетела карета, в которую было запряжено три дюжины превосходных рысистых лошадей, высадила дышлами ворота и остановилась у крыльца.

Над спинами тридцати шести лошадей вздымались тридцать шесть столбов пара — откашлявшийся наконец привратник подумал было, что в замке затопили все каминны и печи и дым пошел из непрочищенных труб.

А из кареты выскочил фельдъегерь, в грязи с головы до ног, взбежал на крыльцо, чуть не сломал ногу на верхней, прогнувшейся ступеньке, пронесся, набивая кстати фонари под глазами, по неосвещенным лестницам, гардеробным, гостинным, залам,— и очутился в спальне барона.

— Господин барон, его величество эту ночь не ложился спать: его величество ждет вас в Потсдаме!

Барон Мюнхгаузен, как был в спальном колпаке и длинной ночной сорочке, спустил ноги в туфли и в следующую секунду уже сидел в карете и торопил фельдъегеря, хотя тот и сам отчаянно торопился, от нетерпения время от времени соскакивал с козел и, подавая лошадям пример, несколько раз их обгонял.

Досадная задержка произошла, когда уже подъехали к Потсдаму. Лошади так разгорячились, что не было никакой возможности их остановить. Пришлось объехать Потсдам тринадцать раз, пока удалось наконец сдержать тридцать шесть огнедышащих змиев,— на это ушло по крайней мере три минуты. У лошадей затлелись постромки, удила и подпруги, а дуги и дышла охватило огнем, и они сгорели, прежде чем подоспели пожарные.

— Барон, вы явились вовремя на выручку моей бессонницы!— сказал великий Фридрих, заключая Мюнхгаузена в объятия, обратил внимание на костюм барона и добавил:— Наденьте мои старые штаны!— и продолжал вадушевым тоном:— Пробыл час горьких испытаний для королевства: Пруссия может погибнуть, если вы, Мюнхгаузен, откажетесь ее спасти!

— Ваше величество!— воскликнул барон, застегивая последнюю пуговицу.— Если б моя шпага стояла сто талеров, а моя голова была кошельком, наполненным доверху червонцами из золота хорошей, не прусской, пробы, я и тогда сказал бы: располагайте ими, ваше величество, без всякого стеснения.

— Барон, садитесь немедленно на коня и скачите в Петербург!

— Но,— осмелился напомнить Мюнхгаузен,— Пруссия в настоящий момент находится в состоянии войны с Россией!

— Нам это хорошо известно,— с едва заметной горечью улыбнулся прусский король,— потому-то мы и обратились к вам, барон: вы единственный человек, способный выполнить наше поручение.

Мюнхгаузен низко поклонился, причем заметил, что штаны великого короля далеко не доходили ему до колен.

— Слушайте и хорошенько запоминайте, Мюнхгаузен! Хотя я веду войну с Россией, но наследник российского престола, бывший голштинский принц, а в будущем российский император, мой друг. Дружбе его я обязан многими секретными сведениями о состоянии русской армии и полезной деятельности многих прусских чиновников, состоящих негласно на русской службе. Я испытываю такую признательность к благородному принцу, что пообещал ему принять в подарок одну или несколько русских губерний, когда принц станет императором.

Король вздохнул, давая понять, как обременителен будет для него такой подарок: король был бесребренник; нестяжательность его, доходившая до полного отвращения ко всему, что не лежало в пределах его королевства или в его кармане, приводила в удивление как современников, так и потомков.

— Принцу удалось сообщить, что русские открыли замечательный пушечный секрет: стали делать пушки невиданной дальноточности и сокрушительности. Принц-наследник уже многих достойных людей снаряжал ко мне с этим пушечным секретом, но русские, по своему варварскому обычаю, ловят их на всех границах... Это меня просто бесит!

И король так широко раскрыл свои круглые, испускавшие, подобно солнцу, тысячи лучей-морщинок глаза, что бесстрашный Мюнхгаузен затрепетал: разумеется, не за себя, а за несчастных варваров.

— Итак, барон,— кратко закончил Фридрих.— Поезжайте в Петербург и возвращайтесь с пушечным секретом. Сейчас среда, три часа пополудни. Жду вас в пятницу в семь часов утра в Сансуси.

И, повернувшись к барону спиной, взял флейту, лежавшую на пюпитре, и начал разучивать приятные и благозвучные, но трудные для любого менее способного музыканта гаммы.

Мюнхгаузен, разумеется, понимал, что нет в мире коня, на котором можно было бы сделать в два дня такую поездку.

Однако, не смея ослушаться, сказал:

— Я готов, ваше величество!

— Хорошо,— сказал король, остановившись на прево-

сходном си-бемоль, — что вы еще не уехали! У меня обычай награждать за подвиги до того, как они совершены.

С этими словами он вынул из шкатулки голубую ленту и собственноручно повязал через плечо и грудь Мюнхгаузена, поспешившего опуститься на одно колено. Впопыхах оба забыли, что барону недоставало мундира.

Да и некогда было раздумывать.

Мюнхгаузен вбежал в королевскую конюшню, вскочил на первую попавшуюся кобылу и помчался к русской границе.

Доскакать до границы было легко: прекрасная прусская грязь летела веселыми брызгами во все стороны, превосходно пели галки и вороны, которые походили на пасторов, среди луж отлично маршировали, наподобие оловянных солдатиков, прусские солдаты, проходя науку «гусинога шага», и кричали Мюнхгаузену: «Es lebe der König!» — так как принимали его, благодаря голубой ленте поверх ночной сорочки, за какого-нибудь иностранного монарха.

Едва, однако, кобыла сделала два шага по русской земле, как сразу же обнаружилась дикость этой страны: два шага назад стояла прекрасная осень с серой грязью, серыми тучами, серым дождем — здесь бушевала свирепая зима. О галках и воронах не могло быть и речи: они замерзали целыми стаями. Насколько Мюнхгаузену удалось определить, не имея термометра, мороз доходил до 197° по Фаренгейту. Что бы вы сказали о таком морозе, если бы ваша одежда состояла из ленты, сорочки, штанов повыше колен и пары ночных туфель?

Как ни был закален барон, но, проскакав сотни две верст через буран, в котором не видно ни зги, он продрог и, зная обычай русских греться в сугробах, выбрал сугроб попросторнее и расположился в нем на ночлег, благо надвигалась ночь. Здесь произошло хорошо известное приключение барона Мюнхгаузена с колокольней, занесенной снегом до шпиля, который был принят им за коновязь: утром, лишь взошло солнце и снег растаял, бедная кобыла барона очутилась на верхушке колокольни.

Но это именно приключение оказалось счастливым для Мюнхгаузена. Когда он, взобравшись на колокольню, перерезал шпагой повод, на котором повисла кобыла, бедное животное грохнулось оземь с головокружительной высоты и упало на спину. От этого все ноги остались целы,

на спине же образовался горб. А так как в дальнейшем пути Мюнхгаузен принялся энергично прищипывать горбунью, из горба, в тех местах, где шпоры продырявили кобылью шкуру, выросло вскоре два крыла.

Это избавило барона Мюнхгаузена от необходимости ломать себе голову над вопросом: как выполнить приказ короля без опоздания?

Горбунья-кобыла неслась как черт. К полудню барон был уже в Петербурге, скакал по петербургским улицам, заставляя шарахаться в стороны прохожих и проезжих, чуть не переломал ребра петербургскому бургомистру, опрокинув его карету, и произвел немалый переполох среди солдат, которые выбежали из казармы и приветствовали его восторженными криками; так как в России самые восторженные приветствия считаются непечатными, барон не сумел их записать, хотя имел такое намерение.

Благородный принц-наследник был крайне обрадован приездом Мюнхгаузена. Он велел засыпать кобыле барона двадцать мер великолепного овса, предварительно распорядившись вызолотить его в мастерских лучших ювелиров, присоединил к голубой ленте барона другую, радужную и сказал:

— Я зачисляю вас, Мюнхгаузен, в свою свиту, чтоб вы могли свободно прогуляться по Петербургу и понаблюдать нравы северных медведей. Вечером мы отправимся к императрице на куртаг, и там я вручу вам пушечный секрет.

Мюнхгаузен, откланившись, отправился, прежде всего, к петербургскому бургомистру извиниться за свою кобылу.

Проезжая по улицам русской столицы, он наблюдал много удивительного. Например, узнал, что русские до сих пор не умеют носить башмаков и носят их, заткнув за пояс. Лошади там встречаются так редко, что за то лишь, чтобы поглазеть на недельного жеребенка, богатые люди платят огромные деньги. Мюнхгаузену удалось увидеть одного предприимчивого цирюльника из Гамбурга, который, втиснувшись в ослиную шкуру, выдал себя за бранденбургского жеребца и в короткое время заработал пятьдесят тысяч талеров; в увлечении своей жеребьячей ролью он погнался было за горбатой кобылой Мюнхгаузена и вскарабкался по хвосту ее на самый круп, но барон вовремя шепнул ему:

— Моя кобыла — старая дева и не любит этих шалостей!

Привлекла внимание барона также церковь, куда он въехал прямо на кобыле. В церкви в это время происходил обряд причащения, и русский поп охотно согласился причастить горбунью. Проглотив причастие, лошадка барона вежливо опустилась на колени и поблагодарила священника звонким ржанием. Вежливость бароновой кобылы так всем понравилась, что самому барону поднесли ради нее большую пивную кружку водки, зачерпнув прямо из купели, в которой крестили младенцев.

Бургомистр принял Мюнхгаузена приветливо, был польщен оказанной ему честью и, в ответ на изысканные извинения барона, пригласил гостя к обеду.

По обычаю русских, и хозяин, и хозяйка, и две их дочери, за которыми Мюнхгаузен с успехом приволокнулся, вышли к столу в медвежьих шубах на подкладке из горностая.

Мюнхгаузена не знали куда посадить. Кушаньев подавалось не меньше двухсот, но все было грубого свойства, вроде фазаньих мозгов, заячьих почек, свежей клубники в сливках из птичьего молока и тому подобное. Так как в числе двухсот блюд не оказалось ни гороховой колбасы, ни сосисок с кислой капустой, Мюнхгаузен пришел в дурное расположение духа и сказал:

— Вы, русские свиньи, не имеете понятия об изысканной еде!!

Чем привел хозяев в немалое смущение.

Когда же подали шампанское, барон, досадуя, что это не пиво, но не теряя своей обычной любезности, воскликнул:

— Предлагаю тост за великого Фридриха! Хотя шампанское дрянной напиток, оказывая вам честь, пью его за победы пруссаков над русскими!

Хозяин, искусно скрывавший до сих пор свою невежливость, теперь обнаружил ее в полной мере, отклонив тост под каким-то пустым предлогом.

Естественно, барон Мюнхгаузен взбеленился, обозвал его негодяем, перебил всю посуду на столе и вышел, ни с кем не простясь.

Так как дурацкий обед из двухсот блюд изрядно затянулся, было самое время ехать во дворец.

Дворец, в котором давался императрицей в тот вечер куртаг, представлял собой обширный сарай, лишенный каких-либо архитектурных достоинств: рябило в глазах от

колонн, мраморных лестниц, бронзовых статуй. Также скучна была внутренняя отделка стен, облицованных яшмой и янтарем, затянутых гобеленами, заплатанных картинами — правда, в золоченых рамах. Кичась богатствами России, русские цари и вельможи любят украшать свои многочисленные дворцы таким образом: во всех комнатах, начиная с передней, ставятся большие горшки и открытые бочонки с золотыми монетами и крупными ассигнациями до краев. Конечно, на иностранцев этот обычай производит сильное впечатление, однако служит причиною бесконечных международных осложнений. Так, Мюнхгаузену рассказали о нескольких прославленных курфюрстах, постыдно высеченных дерзкими вельможами за излишнее, по мнению грубиянов, любопытство к содержимому горшков и бочонков.

Барон Мюнхгаузен, в какое бы общество ни попал, вскоре становился его душою. Так было и здесь.

Через несколько минут ему буквально не было отбоя от хороших женщин, которые вешались барону на шею, делали недвусмысленные предложения и умоляли увести с собой на край света. То обстоятельство, что Мюнхгаузену в результате его необычайных приключений, недоставало одиннадцати ребер, теменной кости и некоторых костей таза, также части печени, нескольких пальцев на руках, одной брови и одной половины нижней челюсти, делало его особенно привлекательным в глазах петербургских дам.

Мужья, в свою очередь, хотя несколько и ревновали к барону своих жен, были очарованы изысканностью его манер и снисходительным обращением. А лакеи больше оказывали ему внимания, чем самой императрице, и непрерывно подносили барону напитки и сласти.

Вскоре государыня заметила Мюнхгаузена, выделявшегося своими двумя лентами среди раззолоченной, но однолентной толпы придворных. Поспешно подозвала великого канцлера.

— Кто этот великолепный мужчина, от одного взгляда которого первые петербургские красавицы падают в обморок? И почему я его до сих пор не встречала на куртагах? Представьте меня ему.

Мюнхгаузен вовремя вспомнил, что приехал в Россию инкогнито, и назвал себя владетельным немецким князем Шинкен-Вурст.

Оказалось, государыня к Шинкен-Вурстам, хотя этот двор был ничем не лучше любого немецкого двора, относилась с величайшим благоговением.

Выслушав Мюнхгаузена, она с чувством произнесла:
— Всякий Шинкен-Вурст найдет место в моем сердце!

И прижала руку барона, на которой, впрочем, отсутствовало четыре пальца, к своей полной груди. Мюнхгаузен не без удовольствия допустил эту маленькую вольность.

Государыня обожала танцы и танцевала до упаду.

Мюнхгаузену, которого она не отпускала теперь от себя ни на шаг, пришлось протанцевать с ней три гавота, семь джиг, тринадцать менуэтов, один котильон, семнадцать мазурок и несколько других тапцев: венгерский, польский, комаринский и даже турецкий танец карагёз. В последнем барон особенно отличился. Он танцевал так, что все разинули рот.

— Bravo, Мюнхгаузен! — шепнул ему на ухо принц-наследник.

У государыни наконец отнялись ноги. Мюнхгаузен усадил ее на трон и поспешил в соседнюю комнату, куда должна была последовать за ним красавица канцлерша, воспылавшая к барону такой страстью, что чуть не надавала пощечин своей коронованной повелительнице.

Очувтившись в комнате, которая содержалась специально для свиданий вельмож с придворными дамами, Мюнхгаузен подошел к зеркалу, чтоб полюбоваться своей наружностью и — о ужас! — сделал неожиданное для себя открытие: в вихре событий он совершенно забыл произвести пополнение своего более чем недостаточного костюма. Между тем в королевских штанах, с самого начала не соответствовавших соответствующим частям баронова телосложения, за время гавотов, комаринского и карагёза возникло несколько огромных прорех — в сущности, королевские штаны свелись к фиговому, из протертого сукна, листу.

Барон так сконфузился, что прекрасная канцлерша мигом вылетела из его головы.

Он стремительно выбежал в зал, отыскал принца-наследника и сказал ему:

— Ваше высочество, мне пора!

— Не знаю, Мюнхгаузен, как мне быть! — озабоченно произнес принц. — Дело в том, что пушечный секрет так многократно похищался из сената, что государыня по-

следнее время держит его при себе: он зашит в сиденье трона. Я все время размышляю, как его оттуда извлечь, и не могу составить пригодного плана.

— Черт возьми! — невольно воскликнул Мюнхгаузен: государыня сидела на троне, потирая колени, и, видимо, не в состоянии была встать на ноги.

Барон, однако, нашелся: галантно расшаркавшись перед троном, он предложил устроить игру в прятки.

Государыня не могла ему в этом отказать.

Поднялась невероятная кутерьма.

В суматохе игры Мюнхгаузен забрался под трон, отточенным ногтем указательного пальца продырявил сиденье трона и без труда завладел пушечным секретом. Правда, был момент некоторой опасности: не рассчитав длины ногтя, он проткнул сиденье насквозь: государыня подпрыгнула над троном и громко вскрикнула. Барон подумал уже, что все пропало. Но государыня, не вставая с трона, потрепала его за ухо и проникновенным голосом сказала:

— Какой вы шалун, мой друг!

С пушечным секретом под полотном сорочки Мюнхгаузен отвел принца-наследника в сторону, чтоб попогреться.

Принцу было грустно расставаться с бароном.

В напутственном слове он высказал несколько глубоких мыслей.

— Дорогой Мюнхгаузен! — сказал он между прочим. — Как я вам завидую, что вы уезжаете из этой ужасной страны, где меня ожидает царский трон! Передайте мой поклон великому Фридриху. От всей души желаю славы его оружию.

Помолчав немного, он добавил:

— Ах, Мюнхгаузен, Мюнхгаузен! Вы не представляете, как я страдаю от масштабов моей будущей империи! Здесь все необъятно. Если дороги, то на тысячи верст. Если реки — некуда девать воды. Если идет снег — белого столько, что будешь полгода ехать и никакого другого цвета не увидишь. Если маршируют солдаты, черт знает до чего они домаршируются. Хоть кричи караул!

Принц с тоской вытянул шею из узкого воротника.

— Как я тоскую по моему незабвенному Шлезвиг-Гольштейну! Как там было тесно и уютно! Как легко дышалось спертым, без сквозняков и простуд, воздухом крошеч-

ных рощиц и полей! В одном птичнике, выстроенном императрицей, поместилось бы три Шлезвиг-Гольштейна. Неудивительно, что некоторые немецкие принцы, приезжая сюда, женятся на курах и цесарках, принимая курятники за дворцы особ царской фамилии. От этих браков по недоразумению сильно портится кровь немецких государей. В результате порчи крови развиваются такие передающиеся по наследству болезни, как микроцефалия, куриная слепота и тому подобное. Я сам, — заключил принц, — страдаю припадками двух названных болезней, вследствие того, что мой дедушка, любитель «строить куры», попал в подобную куриную историю.

Их начали подслушивать, поэтому принц-наследник прервал интимную аудиенцию, и барон Мюнхгаузен незаметно вышел из дворца. Он сел на свою кобылу и, не мешкая, пустился в обратный путь.

На границе барону пришлось пережить несколько неприятных минут: отряд пограничной службы вздумал его задержать.

Впрочем, начальник отряда оказался честным малым, дворянином и кутилой. За приличное вознаграждение, после того как Мюнхгаузен сыграл с ним две партии в пикет, он согласился пропустить его через русскую границу.

На королевских часах было без одной минуты семь, когда барон Мюнхгаузен входил в кабинет Фридриха.

Король был еще в шлафроке и ночном колпаке и доигрывал последнюю гамму.

— Добро пожаловать, Мюнхгаузен! — такими словами встретил он барона. — Кладите пушечный секрет на стол и принимайте командование над всей прусской армией.

— Слушаюсь, ваше величество! — отвечал Мюнхгаузен.

Подражая немногословию государя, он сделал налево кругом, и не прошло пяти минут, как затрубили горны, забили барабаны, зашумели знамена, зафыркали лошади, закричали невесть что солдаты: Мюнхгаузен делал смотр всей прусской армии.

— Ну, Мюнхгаузен, как ты находишь моих солдатиков? — с гордостью спросил король. С этой минуты, в знак расположения и монаршей милости, он стал говорить барону «ты».

— Для завоевания всех пяти частей света нуждаются только в завершении «науки гусиного шага»!

— Увы, Мюнхгаузен, для этого надо им удлинить носки еще на два с четвертью вершка, — а между тем время не терпит: русские задирают нос выше облаков и оттуда начинают чихать нам на голову.

— Обещаю вашему величеству ко вторнику подтянуть наших славных солдатиков: вытянуть их носки так, что они, в этом смысле, натянут нос солдатам любого государства.

— Только не перетяни, Мюнхгаузен: ты слишком горяч и можешь, от чрезмерного усердия, втянуть меня в плохую историю. Разумеется, недотянуть так же плохо, как и перетянуть. Во всяком случае, не затягивай, не оттягивай и не растягивай этого дела, не тяни долго с «гусиным шагом», следи, чтоб его у тебя не стянули лазутчики противника, ибо «гусиный шаг» потянет за собой все будущее Пруссии.

— Не беспокойтесь, государь!

Для скорейшего прохождения солдатами «науки гусиного шага» Мюнхгаузен придумал способ простой и одновременно гениальный, как все, до чего додумывался этот полководец.

Всю прусскую армию вывели на большой плац. Велели солдатам рассчитаться на первый и второй. Затем каждому, назвавшемуся первым, дали в руки палку, и он всыпал пятьсот палок каждому второму. Точно так же, только в обратном порядке, вторые всыпали первым. А так как у каждого прусского солдата, без исключения, ноги начинались там, где и начинались и кончались палочные удары, то результат получился превосходный. Солдатские ноги сами собой вытянулись, сколько было нужно. Когда солдаты вновь зашагали, король, стоявший рядом с Мюнхгаузенем, прослезился от восторга: «гусиный шаг» такого совершенства мог довести до слез кого угодно. Даже настоящие гуси, барахтавшиеся в большой королевской луже, перестали глотать лягушечью икру, вытаращили глаза и закричали:

— Хайль, Мюнхгаузен!

Прусская армия была готова к победам.

Оставалось только добраться до русской границы. Это оказалось не так-то просто. Слух о невиданном прусском «гусином шаге» прошел по всей Европе. Короли и императоры затрепетали. Некоторые тотчас же сложили свои короны в сундуки и отправили их с курьерами к Фридриху

Великому в Потсдам. Эта поспешность королей и императоров сильно огорчала благородного короля.

— Низость и пресмыкательство — такие же пороки, как насилие, агрессия и корыстолюбие, — бывало, говорил он своим приближенным, среди которых первым был теперь барон Мюнхгаузен.

Русские также прослышали о чудесах «гусиного шага» и поспешно стали отступать. Это было в сущности бегство. Пруссак шли гусиным шагом, русские бежали журавлиным.

Король не мог придумать, как их догнать. Между тем пушечный секрет, добытый Мюнхгаузеном, не остался лежать на столе Фридриха: подоспели новые пушки. В самый раз бы перекинуться с противником словом-другим из пушечных глоток, — а противника нет как нет. Что делать?

— Ваше величество, — предложил барон Мюнхгаузен, — гусь за журавлем не угонится: давайте пошлем за ними вдогонку зайцев!

Король приказал егерям переловить всех зайцев в Бранденбурге, Пруссии, Саксонии и Силезии.

Зайцев переловили. Мюнхгаузен распорядился пустить первую сотню зайцев в погоню за русскими. Однако зайцы не побежали. Обнаружилось, что они были сделаны из сливочного крема: какой-то берлинский пирожник дал взятку интендантам и хорошо заработал на этом деле.

Пустили вторую сотню. Эти пробежали немного и тоже стали. Их делал каретник из войлока старых хомутов.

Король рассердился и потребовал настоящих зайцев.

На этот раз поставлены были настоящие зайцы. Но так как надо было дать заработать одному почтенному трактирщику с Вильгельмштрассе, зайцы оказались зажаренными и напигигованными и побежали прямо в желудки офицеров.

Мюнхгаузену пришлось крепко задуматься над заячьей проблемой. Но недаром он имел лучшую философскую голову после Канта. Если в вопросах «чистого разума» он и уступал последнему, то в вопросах «практического разума» мог заткнуть Канта за пояс. По его совету король написал приказ: ежели следующая партия зайцев не добежит до русских, придется бежать пирожникам, каретникам, трактирщикам и прочим лицам, зарабатывающим заячьи деньги.

Произошло то же самое, что случилось с Колумбовым яйцом, — то же самое, говоря метафизически, эмпирически, — как раз наоборот: яйцо стало, зайцы побежали.

И еще как побежали! Взапуски!

Русские, увидев заячью погоню, остановились, перестреляли зайцев, сняли с каждого семь шкур, нашпиговали, зажарили, съели и — с богом дальше.

Мюнхгаузен выпустил новых.

С новыми произошло точь-в-точь то же самое.

— Мюнхгаузен, — сказал король, — ты, кажется, поступил провиантмейстером к русским! Уж лучше б ели зайчатину мы! Но ведь едят русские, — у каждого из них в брюхе зайцев целый полк, а у моих солдат в брюхе щелк! Что же мы выиграли?

— Сражение, ваше величество!

— Но, Мюнхгаузен?!

— Подсчитайте, ваше величество, сколько понадобилось русским времени, чтоб стрелять по зайцам, снимать с каждого по семь шкур, шпиговать их, жарить! Желаемый результат налицо: русские у нас под самым носом, и нам остается только их разбить.

— Браво, Мюнхгаузен! — воскликнул восхищенный король.

Перед рассветом, углубившись на территорию противника, пруссаки настигли его у деревни Кунерсдорф, которую русские, отступая, унесли с собой в ранцах. Началось сражение.

Кунерсдорфская битва прославила Фридриха Второго, как ни одна из многочисленных битв с его участием. После Кунерсдорфа, как известно, история предложила ему носить титул Великого.

Сражение, начавшееся стремительно, столь же стремительно и завершилось победой пруссаков.

Недаром же русские дали Фридриху кличку Скоропостижного!

Скоропостижно возникнув перед глазами оторопелого противника, пруссаки на спинах его вступили в Кунерсдорф, наскоро вытряхнутый из ранцев, и, соединяя «гусяний шаг» с громом новых пушек, лишивших врага преимущества пушечного секрета, разбили русских наголову, не считаясь с тем, что впоследствии историки будут утверждать обратное.

— Остановись, Мюнхгаузен! — умолял король, удру-

ченный зрелищем истребления несметной армии. — Я не могу видеть бесславной гибели стольких людей.

Не так-то легко, однако, было остановиться Мюнхгаузену в пылу битвы! Его горбатую кобылу в самом начале дела разорвало ядром. От целой, оседланной кобылы остались всего-навсего хвост и уздечка. Но, сидя на хвосте и держа в левой руке уздечку, барон успевал быть сразу везде.

Правая, однопалая рука проделывала чудеса фехтования. Денщик его, славный парень Михель Клёцке, не успевал подбирать головы генералов — до голов ниже генерал-аншефских Мюнхгаузен не снисходил. Клёцке складывал их в тележку и отвозил в тыл, — оттуда развозил их по батареям взамен ядер.

Противник, которому тоже недоставало ядер, вскоре догадался, почему прусские пушки палят так часто, и, в свою очередь, пустил в ход головы прусских генералов. Этим он, к сожалению, нанес пруссакам чувствительный урон.

Славные крепкие головы прусского генералитета были только что заново отлиты Фридрихом из сплава, превосходящего своей крепостью чугун. Таким образом, артиллерия противника сразу получила сильный перевес над нашей. Одной головой генерал-вагенмейстера снесло девять домов, церковь и еврейское кладбище.

Но наибольшие опустошения произвела голова генерал-фельдцехеймейстера прусской армии фон Блитца, по несчастной случайности послужившая ядром для русской гаубицы. Ею было начисто сметено с лица земли три полка: прусский егерский, бранденбургский кирасирский и силезский пехотный. После чего генерал-фельдцехеймейстерская голова пробила холм Шпицберг, сбила голову какому-то зазевавшемуся генералу от инфантерии — и обе, перелетев границу, долетели до Берлина и упали в Тиргартене, где их стали показывать за деньги.

Такой же головой, к счастью всего лишь генерал-майорской, угодило в хвост покойной кобылы Мюнхгаузена. Хвост начал так брыкаться, что чуть не вырвался из-под барона. Еле удалось усмирить его плеткой. Барон заметил, что голова, которая могла бы оказаться роковой для него, принадлежала его другу, барону фон Шнель-Клопсу, вчера лишь обыгравшему Мюнхгаузена в пикет. Мюнхгаузен пожалел, что не придется ему теперь отыграться. Мир те-

бе, друг и сподвижник, рыцарь карточного стола, благородный барон фон Шнель-Клопс!

— Ради бога, Мюнхгаузен? Щади несчастных!

На Мюнхгаузена нашла удивительная глухота. Он не слышал ни слов своего короля, ни ужасного шума битвы, — знай себе скакал на кобыльем хвосте, словно под ним был не хвост, да еще кобылий, а сразу тысяча горячих жеребцов.

По возвращении из Петербурга он удосужился надеть не только мундир, но даже новые штаны, однако штыки, шпаги, сабли, пули, картечь и ядра противника произвели такой беспорядок в его костюме, что барон был скорее раздет, чем одет.

Бегство русских представляло картину неопишемую.

Фридриху удалось наконец удержать Мюнхгаузена, схватившись обеими руками за кобылий хвост.

— Ваше величество, еще четверть секунды — и от неприятельской армии не останется ни одного солдата!

— Довольно! — строго сказал король. — Приказываю начать отступление!

— Победителям отступить?!

— Да, и как можно быстрее!

— Но, ваше величество...

— Мое великодушие, Мюнхгаузен, не позволяет мне принять победу, которая так легка для меня и так ужасна для неприятеля. Я же не агрессор. Ни одной минуты на чужой земле: Кунерсдорф, слава богу, перестал существовать, — следовательно, нет смысла спорить, кому он принадлежит!

И победоносная прусская армия начала отступать.

— Быстрее! Прибавь шагу! — торопил король, хотя солдаты бежали во все лопатки, сбиваясь с «гусиного шага».

— Боюсь, — вздыхал Мюнхгаузен, — что русские на ваше великодушие ответят неблагодарностью.

Так и случилось.

Как только обнаружилось отступление пруссаков, противник повел себя с большой наглостью. Конница его стала топтать прусскую пехоту и совершенно испортила «гусиный шаг». Вражеские батареи словно взбесились, некоторые не могли даже устоять на месте и побежали, как гонимые псы, хватая зубами-картечью отступающих за икры и пятки. А пехота противника не на шутку размахалась штыками!

Если б не сознание своей победы, поддерживавшее бодрый дух пруссаков, черт знает чем бы все это кончилось.

Король послал Мюнхгаузена, в качестве парламентаря, к фельдмаршалу русской армии — разъяснить происшедшее недоразумение. Однако барон никак не мог вдолбить в голову непонятливого генерала, что бегство прусского войска — акт великодушия и зависит от доброй воли короля.

Глупый фельдмаршал, не говоря худого слова, послал барона к черту.

Ничего не оставалось, как продолжать бегство.

Мюнхгаузена, впрочем, радовало, что прусские солдаты оказались превосходными скороходами. Когда подоспела ночь и русские, отрезав, прекратили преследование, не менее семнадцати прусских солдат и генералов всех частей и родов оружия в полном боевом порядке укрылись в коровьем хлеву крестьянина неизвестной деревни. Прусская армия понесла некоторые великодушные потери, но сохранила главное: веру в своего великого короля.

Тут обнаружилась пропажа Фридриха. Его потеряли по дороге вместе с мешком сухарей и подошвами саног.

Барон Мюнхгаузен что есть духу поскакал обратно.

Кобылий хвост давно был утрачен, и скакать, в сущности, пришлось ему на тех конях, которые в просторечии называются «собственной парой».

Поверьте, ночью искать меж ухабов и в коленях размытой дождями дороги потерянного короля — дело не легкое.

Попалось несколько пар подошв, нашлась шпора барона, но мешок с сухарями и король как в воду канули.

Вдруг Мюнхгаузену пришла в голову мысль, что Фридрих Великий по своему великодушию мог попасть в плен.

Догадка вскоре подтвердилась.

Встреченный дезертир рассказал прекрасную историю пленения короля: когда было замечено отсутствие мешка с сухарями, в котором заключался весь армейский провиант, король потихоньку отстал. Его беспокоила мысль о солдатах: сухари он намерен был раздать на бивуаках в награду за победу — каждому солдату по сухарю.

В темноте король не заметил налетевших казаков.

Один из них схватил короля за шиворот и, так как король был легкого веса, поднял его над косматой головой.

— Ich bin der König! — возмутился король.

Грубый казак, не поняв его, крикнул:

— Коня тебе?! Пойдешь и пешком!

И к этим словам прибавил несколько других, которые не стоит повторять.

Короля повели пешком по скверной дороге. Грязь выше колен. Темно, хоть не смотри. Холод собачий.

По приходе в лагерь, Фридриху отвели палатку и к палатке приставили часовых. Он попросил дать ему флейту. Флейта нашлась у полкового музыканта. Король беззаботно принялся насвистывать гаммы.

Это было удивительнейшее дело: победитель в плену у побежденных.

Что же делал в это время Мюнхгаузен?

Мюнхгаузен думал и не мог придумать, как освободить короля из плена.

Проезжавшая мимо крестьянская телега, толкнув его в бок, дала правильный толчок его мыслям.

— Слезай с телеги! — сказал он строго вознице.

Тот, разумеется, слез.

— Что везешь?

— Дрова.

— Стой здесь и жди моего возвращения! — приказал Мюнхгаузен, сел в телегу, въехал в русский лагерь, отыскал палатку Фридриха и сказал часовым:

— Главнокомандующий прислал меня с дровами отопить палатку пленника. Это важная персона. Сторожите получше!

Король был поражен, увидев Мюнхгаузена, таскающего в палатку дрова охапку за охапкой.

— Мюнхгаузен, — сказал он тихо. — Я вижу, ты опять что-то придумал!

— Мерзавец! — вскричал барон и отвесил королю пощечину, эхо которой прокатилось по всему лагерю. — Ты меня хочешь подкупить?!

И добавил грозно:

— *Es lebe der König!*

Когда все дрова были перенесены в палатку, Мюнхгаузен спохватился:

— Слишком много! Одна охапка лишняя!

И, взяв в охапку короля, вынес его из палатки и бросил в телегу.

Часовой был в полной уверенности, что выносят лишние дрова. А Мюнхгаузен принялся нахлестывать крестьян

янскую лошадку так, что она чуть не выскочила из собственной шкуры.

В коровьем хлеву произошла торжественная встреча короля с Мюнхгаузенom. Недоставало иллюминации, но Мюнхгаузен велел солдатам высечь искры из ружейных кремней. Нашлась и музыка: сам король сыграл на флейте гамму *sis-tol* в темпе марша.

Среди церемонии Мюнхгаузен упал перед королем на колени и вскричал:

— Ваше величество, прошу помилования!

— За что же?

— За оплеуху.

Король рассмеялся.

— Мюнхгаузен, многие короли были бы счастливы, если бы все оплеухи, ими получаемые, отвечивала такая славная рука!

Неожиданно в дверях коровника появился русский офицер и, откашлявшись, без дальних слов потребовал сдачи Берлина.

Король сделал страшно круглые глаза.

— Сударь, — сказал он, — вы это говорите серьезно?

— Совершенно серьезно. Русскому фельдмаршалу очень хочется погулять под Липами.

— О, это вполне законное желание! — произнес король. — Я сам люблю Берлин и часто гуляю под Липами.

— Вот видите, ваше величество! Что же касается фельдмаршала, он приказал мне без Берлина в кармане не возвращаться.

Фридрих, подходивший ко всем вещам трезво-практически, возразил bravому офицеру:

— Мне кажется, сударь, для вас будет удобнее, если его упакуют в ящики. Берлин не носовой платок и не карманные часы, чтоб класть его в карман: во-первых, карман ваш слишком оттопырится, во-вторых, наиболее хрупкие части могут побиться.

Офицер поклонился.

— Я удовольствуюсь клочком бумаги с подписью вашего величества. Упаковать сумеем мы сами.

Любезность офицера подкупала.

— Не знаю, найдется ли здесь перо!..

Мюнхгаузен почтительно дернул короля за обшлаг рукава.

Фридрих понял его без слов.

— Дорогой Мюнхгаузен, ты видишь, как приспичило русским получить наш прекрасный Берлин! Если я не отдам, меня потом замучит совесть: с одной стороны, этот любезный офицер, которому не придется вернуться домой, — а куда же он денется в такую ненастную ночь? — с другой стороны, не находишь ли, что было бы неучтивостью в отношении русского фельдмаршала отказать ему в таком одолжении: фельдмаршал, видимо, человек хорошего вкуса и с головой, если предпочел Берлин другим столицам Европы. Будь он легкомыслен, он мог бы мечтать о Париже. Будь он тупица и нахал, он мог бы пожелать Лондон. Будь он совсем идиот, он мог бы потребовать...

Король обернулся, так как Мюнхгаузен продолжал дергать его за обшлаг, и дергал так энергично, что оторвал с обшлагом весь рукав.

— Мюнхгаузен! — воскликнул король, пораженный удивлением, и схватил рукой теплую и мокрую коровью морду, с аппетитом дожевывавшую монарший рукав.

Щедрость Фридриха Великого взяла перевес над соображениями мелочной политики. Через два дня русские получили Берлин и расположились в нем, как дома.

Фридрих предполагал поначалу, что русский фельдмаршал, будучи человеком порядочным, погуляет-погуляет под Липами и, поблагодарив за променад, уедет, не загуливаясь.

Но фельдмаршал гулял себе да гулял, несмотря на то что липы давно осыпались и торчали на них только унылые галочки гнезда, да и гнезда стали пустеть одно за другим: галки переселились на чердаки. Гулял фельдмаршал, помахивал тросточкой и в ус не дул.

— Черт его знает! — пожимал плечами король. — Когда же он наконец нагуляется!

Мюнхгаузен вызвался поехать в Берлин и спросить об этом самого фельдмаршала.

— Поезжай, Мюнхгаузен! — обрадовался король. — А то у моих славных солдат начинают чесаться руки: слишком долго сидят без сухарей.

— Ваше величество, даю слово, завтра Берлин будет на месте и в нем на пфенниг не останется русского духу!

Мюнхгаузен приказал семнадцати солдатам всех родов оружия (с включением троих генералов) привязать к затылкам по семнадцати косиц, к каждому ружью приде-

лать по семнадцати штыков, вырезанных из толстого картона, каждому солдату в каждую ноздрю заправить по семнадцати понюшек нюхательного табаку — и выступать в поход.

Таким образом, каждый солдат и каждый генерал мог легко сойти по крайней мере за семнадцать солдат и семнадцать генералов. Прусская армия представляла внушительное зрелище.

Когда же, после команды: раз-два! — солдаты и генералы сами себя испугались. Над головами их поднялось густое табачное облако.

Действие чоха было гораздо разительнее, чем ожидал барон: не сделали и полпути, как увидели русского фельдмаршала, своей собственной персоной выехавшего им навстречу.

Поздоровавшись с Мюнхгаузен, фельдмаршал спросил:

— Куда его величество прусский король прикажет доставить Берлин?

И, чтоб не оставалось недоразумений, добавил:

— Кроме того, его величество новый русский император, бывший голштинский принц, жалует его величеству прусскому королю Пруссию со всеми находящимися в ней русскими солдатами.

Так Мюнхгаузен узнал о происшедшей в России желаемой перемене.

Не отвечая фельдмаршалу, барон повернул своего коня, и не успела подняться пыль, как очутился на другом конце дороги.

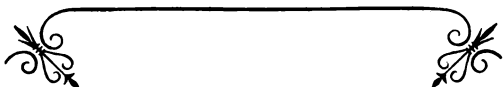
Пока русский фельдмаршал озирался по сторонам, недоумевая, куда мог деваться прусский главнокомандующий, Мюнхгаузен уже успел сделать подробный доклад королю.

— Поздравляю тебя, Мюнхгаузен, с величайшей победой прусского оружия! — сказал Фридрих Великий и поцеловал барона в половину щеки, уцелевшую на его лице после Кунерсдорфа.

Кругом гремела барабанная дробь. Семнадцать солдат (с включением троих генералов) проходили церемониальным маршем. Падал снег, пахнувший табаком.

**МУХАММЕД,
ПОКУПАЮЩИЙ НЕСЧАСТИЯ**

Тут были царств отблеставших столицы — о Вечность!
Только царей позабытых гробницы! — о Вечность!

Башнями белые стены венчались надменно,
Белые в золоте звонкой пшеницы,— о Вечность!

Жажду полей утоляли колодцы, что были
Светлы и свежи, как свежесть денницы,— о Вечность!

Влаге прохладных бассейнов томясь отдавали
Тел полноцветных душистость царицы,— о Вечность!

Землю, алевшую пламенем мук,— как папирус,
Рвали в кровавых боях колесницы,— о Вечность!

Храмы, дворцы в ожерельях садов изумрудных —
Нет их, погасли, как гаснут зарницы,— о Вечность!

Мрачно камней обветренных высятся глыбы,
Гнезда свивают в их щелях орлицы,— о Вечность!

Так в кратковременных сменах века отсверкали,
Судьбы их в камне вещают таблицы,— о Вечность!

Тот, кто любовь и страданье измерил, пусть знает;
Лгут нам слова, и кирпич, и страницы,— о Вечность!

Сны разноцветные святся земле, пока солнце
В днях и столетиях метит границы,— о Вечность!

— Довольно тебе, несносный поэт, дергать себя за кончик языка, чирикающая газели, которых никто не хочет слушать! Посмотри лучше на восточные ворота и скажи: что напоминает это солнце?

Солнце, восходившее над восточными воротами Багдада, напоминало украшенный бесценнейшим алмазом тюрбан великолепного халифа.

Сам Багдад, если посмотреть на него с вершины облака, — только Аллах мог это сделать! — был прекрасен, как лучшая из невольниц Харуна-ар-Рашида, подаренная им недавно поэту Умейру-ибн-Джубейру за стихи, в которых тот назвал халифа «сотрапезником Аллаха за столом Мудрости».

Дворец халифа в этот час пылал румянцем: видели вы лицо юной Зумурруд? Две главные мечети уподоблялись белоснежным грудям несравненной Зумурруд. Дворцовые сады цвели и благоухали, словно умащенный розовым маслом и миррой живот неподобной Зумурруд. Улицы, обсаженные кипарисами, пестревшие лавками торговцев, звеневшие фонтанами, нельзя было сравнить ни с чем, кроме ног красавицы Зумурруд, — взглянувший на них мог только пожелать смерти, чтоб ничего больше не видеть.

А солнце в чалме халифа, украшенной бесценнейшим алмазом, смотрело, пылая желанием, через ворота и все больше и больше разъярялось, пока наконец, не в силах сдерживать ярость своей крови, перепрыгнуло через ворота, как обезумевший от похоти бык, и...

Багдад пробудился.

Жители Багдада вскакивали с постелей — кто с ложа жены, кто с ложа рабыни, кто с ложа одиночества и печали, — совали ноги в туфли, совершали на скорую руку омовения и молитвы и спешили к базару.

— Пойдем и мы туда, куда идут другие, — сказал поэт Умейр-ибн-Джубейр, глаза которого были всегда печальны и походка петороплива, — таким образом, мы закончим базарным шумом нашу тихую ночную прогулку.

И великий ученый Хуссейн-аль-Бекр последовал за ним, решая дорогой вопрос, оставшийся нерешенным: на какой из звезд было бы приятнее поселиться, если бы повелитель правоверных приказал ему сделать выбор? Колебания его касались, главным образом, Сириуса и Альдебарана.

Базар гудел, как тридцать тысяч встревоженных шмелиных гнезд. Все толкали друг друга и кричали, потому что всем хотелось услышать, что говорит купец из Дамаска, прибывший вчера под вечер в Багдад.

А дамаский купец, стоя посреди базарной площади и накручивая па палец концы чересчур длинной и чересчур белой бороды, говорил тем, кто его мог слышать:

— Жители Багдада, слушайте! Я, Мухаммед-волшебник, покупаю несчастья! Если кому-нибудь не пужна болезнь его, или бедность его, или он недоволен сварливой женой, я, Мухаммед-волшебник, куплю его несчастье! У жен покупаю бесплодие, у мужей — бессилие, у стариков — лишние годы, у расточительных — расточительность, у скупых — алчность, у гневливых — гневливость, у неудачливых — неудачливость... Эй, слушайте все: я, Мухаммед-волшебник, покупаю несчастья!

— Да благословит тебя Аллах! — сказал Али-купец. — О чем ты кричишь, незнакомец?

— Я — Мухаммед-волшебник и покупаю несчастья. Если Аллах сделал кого-нибудь собственником проказы, слабоумия, злой жены или беспутного сына, я, Мухаммед-волшебник, могу купить его несчастье по справедливой цене. Чесотка — три дирхема. Проказа — сорок динаров, слепота — по десяти динаров с глаза. Вывих в плече — шесть дирхемов. Потеря невинности — пятьдесят динаров. Дурная совесть — четыре дирхема...

Салим-горшечник удивился:

— В первый раз слышу, чтоб за чесотку платили как за хороший горшок!

— Кто находит, что моя оценка не соответствует его несчастью, пусть скажет свою цену: я могу заплатить и дороже. Ибо продавцу лучше известны достоинства его товара.

Долго, однако, никто не решился поверить услышанному, пока одна робкая женщина не подошла к приезжему купцу, говоря:

— Если ты не обманываешь нас, торговец, я имею продать нечто...

И пошептала ему что-то на ухо.

— Пятьдесят динаров!

— Я согласна, — сказала женщина, — но как же ты получишь с меня, что тебе следует?

— Пришлю за покупкой к тебе на дом, — не беспокойся!

И Мухаммед-волшебник, развязав большой мешок, стоявший у его ног, отсчитал на глазах у всех пятьдесят динаров.

Это вызвало большое изумление среди окружающих.

Али-купец, завидую женщине, которая, взяв деньги, поспешно удалась, сказал:

— У тебя, кажется, много золота, чужестранец, и ты бросаешь его на ветер!

— Не на ветер, но в уплату за купленное.

— Тогда купи что-нибудь и у меня! Вот кисей из Моссула — очень тонкой работы. Вот сафьяновые изделия, полученные из Диарбекира... Не могу, к сожалению, предложить тебе шелка: эту почку ко мне в лавку зашли воры и унесли весь мой шелк — двадцать кусков лучших тканей! — да поможет им Аллах продать его без убытка!

— Я заплачу тебе за эту кражу семьдесят золотых динаров.

— Мне было бы приятнее получить семьдесят пять. Уверяю тебя, это был отличный шелк!

— Хорошо.

Али-купец спохватился:

— Ты хочешь воспользоваться моей глупостью! Одно лишь место, которое этот шелк пролежал, стоит вдвое больше!

— Сто пятьдесят динаров, — согласился Мухаммед-волшебник.

— Да поможет Аллах! Я был бы еще глупее, если бы не подумал о том, что черви, прявшие коконы, съели листьев тутового дерева на двести динаров...

И Али-купец поспешил добавить, пока Мухаммед-волшебник не успел открыть рот:

— И этого хватило на один лишь кусок ткани! А ты помнишь, что кусков было двадцать?

— Пять тысяч пятьсот динаров.

У Али-купца лоб стал мокрым.

— Да поможет Аллах! Ай-ай, как нехорошо, чужестранец! — ты не подсчитал, во что обошелся бы мне этот шелк, если б его было не двадцать кусков, а сорок!

— Одиннадцать тысяч динаров.

И Мухаммед-волшебник вручил деньги Али-купцу, который на некоторое время онемел.

— Следовательно, я могу теперь думать, что шелк украли у тебя, а не у меня? — вымолвил он наконец.

— Да.

— Так-то оно и лучше! — сказал Али-купец, взвешивая на руке полученное золото, но его вновь начали мучить сомнения: не продешевил ли он на этой продаже?

Через толпу продрался Салим-нищий.

— Неужели, чужеземец, ты захочешь и мне заплатить за то, что я беден?

— Да, если ты продашь мне свою бедность.

— С большой охотой!

— Но я не дам тебе больше ста золотых динаров!

Салим-нищий подпрыгнул чуть не выше минарета базарной мечети.

— Сто золотых динаров?! Разве такие деньги бывают!

— Да.

Мухаммед-волшебник полез в мешок.

— Получи!

И не успел Салим-нищий запихнуть деньги за пазуху, как вбежал черный раб, громко крича:

— Господин! Прибыл караван из Каира с товарами твоего дяди Ибн-Согара! Твой дядя скончался — один Аллах бессмертен! — и пожелал перед смертью сделать тебя наследником всех своих богатств!

— Хвала Аллаху! — отвечал Салим-нищий, охотно примиряясь и со смертью своего дяди, о котором никогда ничего не слышал, и со своим богатством, в которое успел уже поверить.

И все вокруг воскликнули:

— Хвала Аллаху! Ты выгодно продал свою бедность, Салим!

— Хвала Аллаху, — хотел было уже сказать Салим-нищий, когда вбежал второй раб.

Раб упал перед ним на колени, оглушая базар воплями:

— Господин!.. Ради Аллаха!.. Загорелся хан, куда мы сложили твои товары, прибывшие сегодня из Каира! — Ты ведь знаешь: твой дядя помер и сделал тебя наследником!..

— Ко всем шайтанам моего дядю, который помер! — закричал Салим-нищий, ударил раба и пустился бежать чуть не по головам. — Горе! Горе! Спасайте мое богатство!

Только что все заинтересовались судьбой Салима-нищего, как протиснулась к Мухаммеду-волшебнику женщина, закрывая лицо свое изаром.

Это была Зубейда, жена муэдзина базарной мечети.

Она была красива, но красота ее не имела цены: она была женой Исхака-ибн-Халдуна.

— Кто здесь покупает несчастья?! — закричала она, разрывая на себе конец покрывала. — Это ты, добрый человек? Заклинаю тебя Аллахом, купи мое несчастье!

— Я его не вижу,— сказал Мухаммед-волшебник.

— Ах, почтенный иноземец, мое несчастье — мой муж! Это самый безобразный человек в Багдаде! Ах, ах, ты не знаешь еще Исхака-ибн-Халдуна?! Муэдзина базарной мечети?! Тебе не показывали человека, у которого уши растут чуть не под мышками, нос доходит до колен, на спине два горба, а ступни ног так велики, что, если ему случится встретиться с верблюдом, один другому непременно оттопчет ногу? Ты мог бы заметить, что у него во рту вместо зубов сушеные финики, глаза смотрят один на Багдад, другой на Арарат, лицо же только для того и дано ему Аллахом, чтобы он мог разводить на нем прыщи,— зато прыщей столько, что будь это звезды, я бы стала богаче самого Аллаха!.. Тьфу! тьфу! Такое уродство невозможно даже описать! Если ты, иноземец, в самом деле, как говорят, покупаешь несчастья, купи у меня, сделай милость, безобразие моего мужа!

— Не знаю, согласишься ли ты взять триста тридцать три динара!

— И ты купишь его безобразие, как если бы это был мешок фиников, или халат, или пара туфель, или ослиная шкура?

— Да.

— И не он, а кто-нибудь другой будет носить его безобразие?

— Он станет самым красивым человеком в Багдаде. А его безобразие, может быть, согласится получить в подарок мой осел.

— И я еще получу триста тридцать динаров?!

— И три.

— Давай же скорее!.. О Аллах!..— вскричала Зубейда и получила деньги.— Бегу взглянуть, что случилось с моим косоглазым шайтаном!

И убежала.

Тут все осмелели и набросились на чужеземного купца с предложениями.

— Купец! Купец!— кричал погонщик верблюдов.— Продаю уши! Отличного качества! Во всю спину и даже более того! Триста пятьдесят палок!

— Купи лучше у меня: я третьего дня получил пятьсот палок! — предлагал главный повар визиря.

Какой-то старик дергал Мухаммеда-волшебника за пол, надсаживая гортань:

— Не нужна ли тебе, купец Аллаха, женская болтливость? Возьму недорого!

Вокруг чужеземца стоял шум и гам, как в гусином хлеве, куда забралась собака. Шум стал еще больше, когда вошел вали с несколькими стражниками, которые несли на головах куски шелковой ткани.

Обратясь к Мухаммеду-волшебнику, вали сказал:

— Господин, нашлась твоя пропажа! Все двадцать кусков, что украли у тебя этой ночью!

Али-купец, не успевший уйти, потому что его все больше и больше мучили сомнения, не предостерегал ли он на шутке, воскликнул:

— Аллах!.. Мой шелк!..

— Вор не пойман, — продолжал вали, по-прежнему обращаясь к Мухаммеду-волшебнику, — но ему не уйти. Известно, что это Али из Басры...

Али-купец вскипел:

— Да поразит тебя Аллах! Это я вор, которого ты ищешь?! Я?! я?! Это я обокрал самого себя?!

— Вот он вор! Держите! — крикнул вали.

И стражники схватили Али-купца.

— Разбойники! Я пойду к самому халифу!..

— Нет, ты пойдешь в тюрьму, — сказал вали, и Али-купца увели, потчуеть подзатыльниками.

— Отнесите шелк в хан, где я остановился, — приказал Мухаммед-волшебник.

В это время на другом конце базара поднялся такой неистовый шум, что многие бросились туда, на минуту забыв о Мухаммеде-волшебнике.

На этот раз шум вызвало появление юнони небывалой красоты.

Он шел по базару — и казалось: молодой месяц плывет по небу. Сама пыль под его ногами становилась серебром Млечного Пути. Все, даже корзины и блюда с сырой и жареной рыбой, связки чеснока и лука, мясные туши, — все, на что падал взор прекрасного юноши, начинало издавать благоухание роз, жасмина, цветущего миндаля и амбры.

Те из толпы, кому удавалось коснуться хотя бы края одежды его, считали себя осчастливленными на всю жизнь.

Восклицания окружали его, как жужжание ульев:

— Взгляните, правоверные, какую красоту сотворил Аллах!

— Живущие под солнцем не видели подобной красоты!

— Жители Багдада, не послал ли Аллах к нам прекраснейшего из своих ангелов?!

Ангел же был до чрезвычайности разгневан: отплевывался и отмахивался руками от толпы, брыкался, как лошак, из уст его, свежих, как вода Земзема, струились гневные слова:

— Отвяжись, рваная борода, закрой дыру своего рта!.. Съешь свои слова — и лопни, тухлое яйцо!..

Благообразный старец, шейх племени бедуинов, гость в Багдаде, восхищенный красотой юного незнакомца и его голосом, в котором звуки лютни и танбура соединились, чтоб заглушить смысл слов, приветствовал красавца стихами:

Юноша нежный, юноша стройный, стебель нарцисса!
О солнцесветлый, о солнцезнойный стебель нарцисса!
Благоуханней речь твоя мяты, тмина, аписа!
Руки, ласкайте лаской пристойной стебель нарцисса!..

При этом шейх бедуинов коснулся обеими руками упругих ног юноши, но получил такого тумака, что едва не очутился в своем дальнем оазисе, в Неджде.

А юноша еще больше разъярился и стал кричать на весь Багдад:

— Что вам от меня надо, бездельники багдадских базаров?! Моя ли вина, что я безобразен?! Разве я просил Аллаха дать моей спине два горба, а моему лицу верблюжью ногу вместо носа?!

Никто не мог понять его слов.

— О чем говорит месяц Ирака?

— Он пил вино, да прости его Аллах, и ему стало казаться, что его подменил джинн!

— Смотрите: он затыкает уши, когда ему говорят о его красоте!

— Возьми ее себе, будь ты проклят! — взревел красавец. — Дарю тебе все мои бородавки, прыщи, лишай, парши и опухоли! Тебе и детям твоим, и внукам твоим, и правнукам твоим до двенадцатого колена!..

— Может быть, это Исхак-ибн-Халдун, у которого купили его безобразие? — догадалась какая-то женщина.

Муэдзин базарной мечети — потому что юноша-красавец действительно был тот, кого назвала женщина, — вытаращил глаза:

— В Багдаде перестали узнавать Исхака-ибн-Халдуна?!

— Как! Ты не знаешь еще, что жена твоя Зубейда продала твое безобразие приезжему купцу? Теперь в Багдаде нет человека красивее тебя!

— О чем ты болтаешь, самка скворца?! Если б я был твоим мужем, я поступил бы с тобой, как один воробей с кобылой, которая не хотела есть пшеницы!

— А как он с ней поступил?!— спросили все, заинтересовавшись поступком воробья.

Он заставил ее снести дюжину яиц!

— Но женщина говорит правду: жена твоя Зубейда продала твое безобразие и получила за него триста тридцать три динара.

Муэдзин базарной мечети едва сдержался, чтоб не ударить старика водоноса.

— Удивляюсь, почему ты не продал своей белой бороды, которая не умеет скрыть ни твоей глупости, ни твоего бесстыдства!

Водонос, вздохнув, сказал:

— Я и хотел это сделать, да не успел. Молодые во всем опережают стариков, не только в непочтительности!

Затем поднес к лицу муэдзина медный кувшин с водой и сказал:

— Посмотри на себя — и ты увидишь, что никто над тобой не смеется.

Исхак-ибн-Халдун увидел себя в кувшине и не поверил своим глазам.

— Это не я!..

Протер глаза и снова посмотрел в кувшин, и снова им не поверил.

— Где мой нос?! Куда он девался?!

Потрогал свой нос, попробовал измерить его закладкой из Корана и отшвырнул ее в сторону.

— Аллах свидетель, на моем лице не мой нос! Это только половина моего носа! Что я говорю! Только пятая... только восьмая часть моего носа!.. К тому же, вы знаете: у меня на носу было три бородавки — каждая с порядочную навозную кучу, — на этом ни одной!

— Ах, ах, твой нос теперь — как спелый персик, — подтвердила женщина.

— А прыщи? Их было больше, чем букв в Коране!.. Где же они?! Ни одного, разрази меня Аллах!

— Это так, благослови тебя Аллах!

— А два горба?! Ну-ка, водонос, хлопни меня по спине медным кувшином!.. Ух! Верно!— моя спина!..

— Твоя спина тоньше финиковой косточки и прямее моего пальца!

— Женщина говорит правду!

— Посмотрите же мне в рот!— это зубы, или влили в него кувшин молока?.. Чудеса!.. Пусть еще какой-нибудь ротозей ударит меня коленкой пониже спины: думается, я сплю... Ух! Ох! Вот так!.. И еще раз!.. Язычник! Мог бы полечче!.. Нет, значит, не сплю! Подавиться мне четырьмя минаретами моей мечети, ни одним глазом не сплю!..

Пока он тер свою поясницу, подошла новая толпа: чудесная история муэдзина Исаака-ибн-Халдуна успела облететь весь базар.

— Не это ли Исаак-ибн-Халдун Красивый? Мы пришли увидеть тебя!

— Смотрите, если полагаете, что я — еще я, или, вернее, если вы уверены, что я — не я!

— О Аллах!— вскричали пришедшие.— Тюльпаны в садах халифа блекнут перед твоей красотой, посланник Эдема и светила небесные меркнут перед ней!

Пирожник же из Иерусалима добавил:

— Не жалко было бы заплатить сто дирхемов, чтоб посмотреть такое! Ай-ай! Этого человека Иегова украсил, как храм Соломонов!

Исаак-ибн-Халдун убедился наконец, что над ним не смеются, но понять, что с ним произошло, не мог.

— Во имя пророка! Растолкуйте мне, правоверные, что случилось с этим пройдохой, обжорой и вралем,— я хотел сказать: с этим превосходным человеком — Исааком-ибн-Халдуном, муэдзином базарной мечети, по прозвищу: Косоглазый, Верблюжья Нога, Плевок Шайтана? Сорок семь лет мы с ним были в такой дружбе, что один без другого, бывало, на двор не сходит. А сегодня — еще утро, уже ссоримся то из-за носа, то из-за спины, то из-за прыщей...

Он мог бы говорить еще долго по своей привычке болтать часами со всеми базарными бездельниками, которых ему случилось заметить с высоты минарета, но вдруг поперхнулся на слове: появился огромного роста негр-невольник, который вел на поводе безобразнейшего горбуна.

И муэдзин базарной мечети Исхак-ибн-Халдун увидел, что горбун — не кто иной, как муэдзин базарной мечети Исхак-ибн-Халдун!

— Сто палок сатане! — закричал он. — Вот он я!

Окружающие удостоверили:

— Да, это Исхак-Косоглазый!

— Да, это Исхак-ибн-Халдун — Верблюжья Нога!

— Да, это муэдзин базарной мечети Плевок Шайтана!

— Я! Я! Я, разорвись моя печень! — завопил Исхак-ибн-Халдун. — Кто на свете, кроме меня, захотел бы походить на меня?! Стой, черная рожа, куда ты меня ведешь?!

Негр-неводьник почтительно отвечал:

— Я не понимаю, о чем ты меня спрашиваешь, алмаз Аллаха! Я веду осла моего господина Мухаммеда-волшебника с покупкой, которую он сделал в Багдаде. Или ты хочешь узнать: куда я его веду? — Веду я его в Дамаск, хотя и не спросил на то у тебя разрешения!

— Врешь, язычник! Этот осел — я!

— Прости меня, господин, я не называл тебя ослом!

— Правоверные! — вскричал Исхак-ибн-Халдун. — Этот черный ифрит смеется мне в глаза! Посмотрите на осла и скажите: узнаете ли вы его?

— Конечно, это Исхак-ибн-Халдун! — воскликнули все, кто его слышал.

— Слышишь, язычник?!

Негр возразил:

— Поверь мне, господин, это осел, а не ты. Но я могу объяснить тебе твою ошибку. Мой господин Мухаммед-волшебник купил у одной женщины безобразие ее мужа и поручил мне отвезти покупку на осле в Дамаск. Очевидно, ты муж этой женщины — и узнал свое безобразие, увидев его на моем осле.

И, низко поклонившись, потянул горбуна за повод.

Но Исхак-красавец выхватил из рук его повод:

— Стой! Никакого Мухаммеда-волшебника я не знаю и думаю, что он такой же мошенник, как и ты!

Тут горбун стал на четвереньки, повернулся задом к муэдзину, лягнул его и стал реветь действительно как осел:

— Ио! ио!

— Чума на тебя! — вскричал Исхак-ибн-Халдун и выпустил повод.

Негр вскочил на горбуна, ударил его пятками в бока и уехал.

Исхак-ибн-Халдун долго смотрел вслед самому себе, недоумевая, кто же он в конце концов: муэдзин базарной мечети, первый красавец Багдада или осел?

Его размышления прервала старуха:

— Красавчик, я имею к тебе поручение...

И стала что-то нашептывать Исхаку-ибн-Халдуну на ухо.

Тот выслушал старуху и охотно позволил ей увести себя.

Не успели они исчезнуть в толпе, как вбежала, запыхавшись, Зубейда.

— Не видел ли кто моего мужа Исхака-ибн-Халдуна, муэдзина? Все в Багдаде только о нем и говорят, а я его ищу целый час и не могу найти! Говорят, он стал таким красавцем, что женщины бегают за ним, как куры за зерном!

— Ты опоздала: его увела какая-то старуха!

— Это Фатима-сводница! Не иначе как она повела его в сераль халифа!

— Замолчи, скверная женщина! Ты хочешь, чтоб за твои слова нам всем всыпали по сотне палок!..

Между тем мешок с деньгами, стоявший у ног Мухаммеда-волшебника, за это время значительно похудел.

В конце концов великий ученый Хуссейн-аль-Бекр смог дожждаться своей очереди.

— О купец, покупающий несчастья!— сказал он.— У меня есть одно сомнение, от которого я не сплю уже тринадцать месяцев. Чтоб разрешить его, мне бы надо было держать в одной руке звезду Сириус, в другой руке звезду Альдебаран. Этого я не могу сделать, и это мое несчастье. Во сколько оно тебе обойдется, почтеннейший Мухаммед-волшебник?

Мухаммед-волшебник начал мысленно взвешивать звезды Сириус и Альдебаран.

В этом занятии его прервал поэт Умейр-ибн-Джубейр, спутник великого Хуссейна. Он стал перед Мухаммедом-волшебником и, глядя на его бороду, произнес:

Нет, чересчур, клянусь, бела и длинна! — здесь плутовство!
Шербет из белых роз, но муть в нем видна, — здесь плутовство!
Не доверяю я ни белым скворцам, ни молоку,
Что пьяница порой пьет вместо вина, — здесь плутовство!

И, произнося эти стихи, дернул дамасского купца за бороду.

При виде такой дерзости багдадцы и даже сам великий Хуссейн-аль-Бекр закричали от страха и закрыли лица руками и полами одежд, чтоб не быть свидетелями дальнейших ужасных событий.

Поэтому никто, кроме поэта Умейра-ибн-Джубейра, не видел, как белая и длинная борода Мухаммеда-волшебника упала на землю, обнаружив другую — покороче, цвета эбенового дерева.

Но и сам Умейр-ибн-Джубейр недолго был зрителем этого удивительного зрелища. Когда багдадцы открыли свои лица и глаза, поэт сидел уже на земле и обливался слезами, а Мухаммед-волшебник исчез. Однако Умейр-ибн-Джубейр оплакивал не его исчезновение, а свои глаза, источавшие вместе со слезами перечную пыль.

В то утро халиф Харун-ар-Рашид проснулся раньше обычного, потому что ему приснился скучный сон, после которого уже не хотелось спать.

Он привез своего визиря Джафара и сказал ему:

— Сон мой испорчен какой-то заповедью Корана, которую толковал какой-то имам, стоя на голове. Пойдем пройдемся по базару: может быть, нам подвернется любопытное происшествие! В крайнем случае съедем свежих фиг!

— Слушаю и повинуюсь! — отвечал Джафар.

И они вышли, переодевшись богомольцами, прибывшими из Мекки: халиф, его визирь и палач его мести Мас-рур.

Едва они подошли к базару, как из-за угла выбежал человек и, чуть не сбив с ног халифа, стал вопить:

— Дайте мне Мухаммеда-волшебника, жители Багдада! Пусть он вернет мне мою бедность!

Это был Салим-богач, бывший прежде Салимом-нищим.

Халиф потер шишку, вскочившую на его лбу, и удержал человека за руку.

— Благословен Аллах! Что ты ищешь или что хочешь потерять, почтенный человек?

— Я ищу мою бедность, богомалец, с которой прожил шестьдесят лет в мире и согласии, пока не продал ее какому-то обманщику, — будь проклят час, когда я с ним встретился!

— Разве бедность такая ценная вещь, чтоб о ней следовало жалеть? — удивился халиф.

— Бедность — лучшая вещь, какую можно пожелать человеку, которому хочешь пожелать не плохого.

— Люди привыкли считать бедность величайшим злом!

— Я прежде был глуп — и думал, как ты. Но теперь думаю совсем иначе. Рассуди сам! Пока я был беден, я не имел забот ни о доме, которого у меня не было, ни о поле, которого у меня не было, ни о рабах, которых у меня не было, ни о верблюдах, которых у меня не было, ни о кораблях с товарами, которых у меня не было, ни о женах и наложницах, которых у меня не было. Наоборот, обо мне заботились другие — чтоб я имел пропитание, одежду и кров. Будь я умен, я бы не поменялся своей долей с халифом!

— Почему же так плохо быть халифом, что ты отказываешься занять его место?

— Это большой разговор!.. Потому, во-первых, что это обременительно: у халифа столько забот, сколько у всех его подданных вместе, так как он должен заботиться о каждом, иначе он плохой халиф! Потому, во-вторых, что нет человека, над которым любой дурак мог бы посмеяться, как над халифом; все его обманывают, начиная с его визиря и кончая его цирюльником. Потому, в-третьих, что халиф круглый невежда: даже о самом себе знает он меньше, чем последний его поваренок, — он не знает, умен он или глуп, добр или зол, красив или дурен, так как слишком много при нем льстецов, одевающих его, вместо портных, в самые лучшие платья! Потому, в-четвертых... Но ни ты, богомолец, ни я не собираемся стать халифами! К тому же я очень спешу: некто продает свой дом — и я хочу его купить. Будь проклят Мухаммед-волшебник!

И он побежал через базар на другой конец Багдада.

Халиф пошел дальше и остановился перед плачущей женщиной.

— Какова причина твоих слез, о женщина?

— Та, что я имею мужа, которого считают первым красавцем в Багдаде.

— Ты видишь в этом несчастье?

— Да, когда у халифа есть жены, любящие красивых мужчин!

— Что ты болтаешь?!

— Что знаю! Эта негодница Фатима недаром нарядила его женщиной перед тем, как повести в гарем халифа.

— Почему же ты не пошла за ним вслед и не вернула его!

— Ты думаешь, богомолец, что дворец халифа такое место, куда каждый может зайти по своей нужде?

Халиф, смутившись, промолвил:

— Мой спутник знаком со старшим евнухом халифова гарема: он пойдет разузнать о твоём муже!

И пошептался с визирем, тотчас поспешившим во дворец.

И Зубейда, плача, стала ждать.

Тут халиф увидел человека, за которым гналась стража. Халиф стал на пути беглеца и помог страже задержать его.

— Мошенник!— вскричал один из стражников.— Убежал из-под самой виселицы!

— С каких это пор стали вешать честных людей в Багдаде?!— стал кричать Али-купец — это был он.— Нет закона в Багдаде!

— Есть закон в Багдаде! — рассердился халиф.— И ты в этом убедишься сам, когда тебя повесят!

— Подавись своим языком, красноречивый бык! Вешают тех, кто украл, а не тех, кого обокрали!

— Я исполнил твой приказ, повелитель правоверных!— сказал запыхавшись Джафар, и пот капал с его лица на пыльную землю.

Исхак-ибн-Халдун следовал за визирем.

— Халиф!— вскричали все, повергаясь ниц.

Зубейда широко раскрыла глаза, которые были как два индийских сапфира: если б их оправить в золото, это были бы лучшие перстни на руке халифа.

— Неужели это мой муж?! О аллах! Я ослеплена!

— Злоумышленника поймали на пороге сераля,— доложил визирь.— Однако он утверждает, что его призвала мать правоверных: прослышав о его красоте, она сама прониклась любопытством и пожелала на него взглянуть.

— Хорошо. Из его спины будет вырезано столько ремней, сколько ступеней в минарете, на который ему придется всходить.

— Слушаю и повинуюсь,— сказал визирь и сделал знак Масруру, взявшему с этих пор на себя попечение о муэдзине базарной площади.

Зубейда стала рвать на себе покрывало и волосы.

— Что я наделала, безумная!.. О, повелитель право-

верных, ты должен казнить меня! Это я продала безобразие моего мужа проклятому язычнику!

— В своем ли ты уме, женщина?

— Позволь, повелитель правоверных, рассказать тебе об этом деле! Я, муэдзин базарной мечети Исхак-ибн-Халдун, был самым безобразным человеком в Багдаде. Но моя жена, не посоветовавшись со мною, продала мое безобразие какому-то Мухаммеду-волшебнику, которого я в глаза не видел. И вот я стал самым красивым человеком в Багдаде. Поэтому многие пожелали меня видеть, в том числе твоя достойная мать. Если за это полагается снять с меня сто шкур, да будет на то воля Аллаха!

— Опять я слышу о Мухаммеде-волшебнике! — сказал халиф. — Разыскать его!

Али-купец возвысил свой голос:

— Повелитель правоверных! Тот же самый дамасский купец Мухаммед-волшебник, будь он проклят, купил у меня кражу, которую я потерпел, а потом вышло так, что меня же обвинили в ней! Если за это полагается меня повесить, да будет на то воля Аллаха!

— Разыскать Мухаммеда-волшебника!

Из базарной сутолоки вышел великий ученый Хуссейн-аль-Бекр, на этот раз ставший поводырем поэта Умейра-ибн-Джубейра, продолжавшего проливать потоки слез, одновременно с потоками стихов:

Вещей немало горьких знает свет, — что всего горче?

Какая горечь, что сильнее нет? — что всего горче?

«Измена друга — горечь больше всех», — так мне сказали, —

Друзей ты не терял, поэт? — что всего горче?

«Любовь-страдание, если ты любим, — если ж отвергнут? —

Не в смерти ли горчайший есть ответ?» — что всего горче?

«Смерть брата, матери, отца или любимой,

Не в смерти ли горчайший есть ответ?» — что всего горче?

Нет, не измена, не любовь, не смерть — перец толченый,

Что бросил мне в глаза плут Мухаммед, — он всего горче!

Еще раз услышав имя Мухаммеда-волшебника, халиф в третий раз обратился к визирю Джафáру:

— Разыскать Мухаммеда-волшебника!

— Слушаю и повинуюсь, — сказал визирь. — А как поступить с этими?

— Держать в тюрьме до завтра, чтоб казнить вместе с дамасским купцом! Одного за побег из-под стражи, другого за любопытство матери правоверных!

И стража увела Али-купца вместе с муэдзином Исхаком-ибн-Халдуном.

К полудню того же дня обнаружилось, что Багдад ограблен. Случилось это в то время, когда Мухаммед-волшебник скупал на базаре у багдадцев их несчастья.

Воры обошли все опустевшие дома и взяли все, что могли унести.

Кто были воры? Как они сумели ограбить весь Багдад? Куда они скрыли награбленное? Где были глаза Аллаха, что он не видел, как это злое дело совершалось среди бела дня?

Что касается глаз багдадцев, их глаза были закрыты на все, кроме чудес Мухаммеда-волшебника.

— О повелитель правоверных! — доложил к концу дня визирь. — Ни Мухаммеда-волшебника, ни воров, ограбивших Багдад, поймать не удалось!

— Казню тебя, если они не будут пойманы до утра! — сказал Харун-ар-Рашид.

И распорядился пораньше запереть все городские ворота, чтоб никто не мог уйти ночью из Багдада.

Однако, сделав это распоряжение, он подумал:

«И дамасскому купцу и ворам легко подкупить стражу, имея столько золота, сколько они имеют. Пожалуй, на эту ночь мне самому надо посторожить багдадские ворота!»

Подумав так, он призвал Джафара и Масрура, на которых мог положиться, как на самого себя, и сказал им:

— Пойдемте за мной! Плохой халиф, плохой визирь и плохой палац могут оказаться хорошими сторожами!

Переодевшись в одежду сторожей, они пошли: Харун-ар-Рашид — к западным воротам, Джафар — к северным воротам, Масрур — к южным воротам. И ни один человек в Багдаде, кроме их троих, об этом не знал. Что касается восточных ворот, их не надо было стеречь, так как замок на них давно заржавел и не отпирался.

Уже прошла четверть ночи, когда к южным воротам прибежал человек и, задыхаясь, обратился к сторожу ворот (а это был Масрур) со словами:

— О привратник ворот неправды! Вот все золото, какое я имею, — возьми его и открой мне ворота — и завтра в Багдаде одним беззаконием станет меньше!

Человек этот был не кто иной, как Али-купец, убежавший вторично из тюрьмы.

Но Масрур не решился приобрести золото ценой своей жизни и, наложив руки на Али-купца, сделал его своим пленником до утра...

Кончалась вторая четверть ночи, и визирь начал впадать в дремоту, как вдруг над самым ухом услышал голос муэдзина базарной мечети:

— О привратник дурных дел! Вот мое серебро,— возьми его и открой мне ворота,— и у багдадцев завтра будет чище их совести!

Но серебро не могло прельстить визиря, рука которого снисходила только к золоту. Однако узнав Исхака-ибн-Халдуна, бежавшего из тюрьмы вместе с Али-купцом, он взял его серебро, его же самого заключил в оковы и сделал своим пленником до утра. После этого ни у него, ни у Масрура во всю ночь не было никаких приключений.

Зато с Харуном-ар-Рашидом приключились удивительные дела.

С наступлением третьей четверти ночи он крепко уснул, прислонясь к воротам. Возможно даже, что ему снились сны, но если и снились, их прервал увесистый удар кулаком по шее и грубый голос:

— Сторож детей шайтана! Не пора ли тебе проснуться и открыть ворота ловким вора! Нам не хочется красть ни ворот, ни тебя!

Пробудившись таким неожиданным образом, халиф увидел большое количество всадников и еще больше верблюдов, мулов, лошаков и ослов, нагруженных всякой всячиной. Ночь была не слишком темна, и он мог даже разглядеть лицо человека, говорившего с ним, сидя на белом жеребце. Жеребец как две капли воды походил на халифова Неджрана. У всадника была эбеновая борода, а у седла болтался не то пучок ковыля, не то пучок белых волос из конской гривы.

— Стойте, разбойники!— вскричал халиф, отпрянув в сторону, и, видя, что их много и они могут отнять у него ключ от ворот, хотел его швырнуть через стену.

Человек на белом коне не на шутку испугался: открыть железные ворота без ключа — непростое дело!

Он поспешил удержать руку сторожа словами, одобренными медом:

— О, почтеннейший сторож превосходных солнечных закатов! Сделай милость, прими от нас на память пять ты-

сяч динаров за труд открыть эти красивые ворота, которые нам понравились больше других ворот в Багдаде!

Халиф рассмеялся:

— Пять тысяч динаров! Когда мне бывает скучно, я разбрасываю по базарам и дорогам не такие деньги! Ради того лишь, чтоб посмотреть, как из-за них дерутся!

— Ты еще не проснулся как следует, почтенный сторож! — сказал человек на белом коне и пожалел, что не дал в свое время халифу второй затрещины.

Халиф же крикнул:

— Знайте, воры и разбойники, что не сторож западных ворот, а повелитель правоверных поймал вашу шайку!

Пришла очередь вора́м рассмеяться над словами халифа.

— За такую длинную ночь, сторож ворот, тебе могло бы присниться, что ты стал самим Аллахом!

Многие из воров от смеха попадали с коней и верблюдов и начали кататься по земле.

Потом заржали кони. А конь первого всадника даже стал на дыбы и, фыркая, принялся бить себя копытами передних ног по животу.

Потом разразились хохотом верблюды, причем оплевали халифа с головы до ног.

Потом дошла очередь до лошаков, мулов и ослов. Эти стали, как люди, кататься по земле, задрав ноги кверху.

Один из погонщиков ослов, нетр, сквозь смех произнес, обратясь к халифу и скаля зубы, такие стихи:

Когда бы всякий мог халифом стать,
Халифов было б некуда девать, —
Ослы — и те в халифы бы пошли,
Решив, что должность эта им под стать.
Но видишь, все багдадские ослы
Смеются над тобою — не унять!

Такой дружный и всеобщий смех возбудил сомнения в душе самого халифа.

Неужели он был халифом только во сне?

Харун-ар-Рашид посмотрел на ворота, посмотрел на свою одежду сторожа и, так как неожиданное пробуждение от тумака спутало его мысли, заколебался, кем считать себя: сторожем или халифом?

Предводитель разбойников сдержал наконец свой смех.

— О привратник безумия и сторож глупых снов! Возьми десять тысяч динаров — и пусть твоя жена и твои дети

вечно поминают словами благодарности Мухаммеда-волшебника!

И положил в руку халифа туго набитый кошелек. Весы сомнений, обуревавших халифа, сильно закачались, и чашка, на которую упал кошелек, потянула вниз.

Он подумал:

«Если я не халиф, а бедный привратник, глупо будет с моей стороны отказаться от такого богатства!»

Подумавши так, он положил кошелек за пазуху, отпер ворота — и девять десятых богатств Багдада очутилось за стенами города.

Прошли резвые кони, гарцуя под всадниками. Прошли верблюды с домашней утварью и тюками товаров. Прошли мулы, лошаки и ослы, сгибаясь под тяжестью хорасанских ковров, мосульской кисеи, дамасских клинков, азербайджанских изделий из серебра и золота. Прошла пыль, которую подняли копытами кони, верблюды, мулы, лошаки и ослы.

Сторож-халиф снова запер ворота и снова уснул, радуясь, что за пазухой у него десять тысяч динаров.

На рассвете его разбудили Джафар и Масрур:

— Повелитель правоверных! Мухаммед-волшебник и воры не пойманы, хотя, по-видимому, остались в Багдаде!

— Как! — воскликнул халиф. — Вы называли меня повелителем правоверных! Значит, я все-таки халиф, а не сторож городских ворот?

— Прости, о повелитель правоверных! — сказал визирь, думая, что халиф еще не совсем проснулся. — Мы осмелились разбудить тебя, потому что уже светло и настало время моей казни.

— Как так? — не мог вспомнить халиф.

— Ты же обещал казнить меня, если я не поймаю багдадских воров и Мухаммеда-волшебника до рассвета!

Говоря это, он поцеловал землю меж рук халифа. И тот понял, кто он, и сильно смутился.

— Видишь ли, Джафар, я сам выпустил воров из Багдада.

И, отменив казнь Джафара, рассказал о своих происшествиях.

— Боюсь, — сказал Джафар, — что Мухаммед-волшебник сидел на твоём Неджране!

Предположение его оказалось верным.

За ворами и Мухаммедом-волшебником была снаряже-

на погоня, в которой приняли участие многие из ограбленных. В том числе поэт Умейр-ибн-Джубейр, узнавший горечь толченого перца. Умейр-ибн-Джубейр считал себя ограбленным из-за потери памятью тринадцати тысяч двустий, вылетевших из головы, когда поэт чихал, вдыхая перечную пыль. Он перестал плакать и мог уже смотреть на мир раскрытыми глазами, но они были краснее рубинов и печальнее, чем всегда. Через два дня погоня вернулась ни с чем. Воров и след простыл.

Только Умейр-ибн-Джубейр, отбившийся от других и заночевавший в пустынном месте, рассказывал потом о каком-то караване, который он будто бы видел.

Об этом он рассказал стихами:

Белой пустыней прошел караван,— в белом молчанье.
Месяц был в тучах — как медный тимпан, в белом молчанье.

Белые были верблюды и все белым покрыты.
След их курился, как дымом кальян, в белом молчанье.

Шли без вожатых и клади одни, тихо ступая.
Быстрый их путь был из полночных стран,— в белом молчанье.

Сердцу был сладостен нежный испуг,— запах струился.
Словно невидимый цвел гюлистан,— в белом молчанье.

Тщетно пытался я мыслью постичь тайну виденья:
Сердце дрожало, как белый тюльпан,— в белом молчанье.

Из газели Умейра-ибн-Джубейра явствовало, что караван, замеченный им в отдалении, никак не мог быть караваном воров и Мухаммеда-волшебника.

Все, что удалось обнаружить багдадцам, это была пара старых стоптанных туфель. Они три дня стояли посреди базара — и никто не признавал себя их хозяином. Наконец стали вспоминать, что эти самые туфли были и на ногах Мухаммеда-волшебника в злополучный день продажи багдадцами несчастий и утраты имущества.

Между тем поэта Умейра-ибн-Джубейра постигла беда, оказавшаяся горше толченого перца и потери тринадцати тысяч двустий: он потерял невольницу, которую любил больше души своей, прекрасную Зумурруд — подарок халифа. В то время как он ловил Мухаммеда, Зумурруд покушала фиг, присланных визирем Джафаром со стола халифа и тут же скончалась.

Целые сутки поэт лежал без чувств у ложа умершей, и видевшие их затруднялись решить, в ком из двоих больше жизни.

Пока длились вторые сутки, поэт рвал на себе волосы, бился головой обо все стены, косяки дверей, углы сундуков, решетки окон.

На третьи сутки он сочинил стихи, которые впоследствии правитель Герата и поэт Хуссейн-Мирза Байкара включил в свою знаменитую газель:

Почему цветут гранаты — не цветет лишь мой сад?
Почему ячмень на нивах — на одной только сжат?
Почему на небе звезды, как и прежде, горят?
Почему луне и солнцу я один лишь не рад?
Почему для бед и горя нет надежных преград?
Почему моя утрата всех ужасней утрат?
Почему не умер друг мой, ни отец мой, ни брат?
Почему я, обреченный, должен жить, рад — не рад?

Затем он сказал:

— Не хотят мои глаза смотреть на Багдад, лучший из городов мира!

И, выйдя среди ночи на берег Тигра, увидел два корабля, готовых к отплытию.

— Куда пойдут корабли? — спросил он корабельщиков.

— Вниз, к слиянию с Евфратом, оттуда, минуя Басру, в море.

Умейр-ибн-Джубейр сказал хозяину одного из кораблей:

— Я нанимаю корабль, если ты согласишься отвезти меня на Острова Разлук, ибо я познал вечную разлуку, — и плата моя будет не деньги, а стихи: ежедневно я буду сочинять газели тебе и твоим спутникам, и вам не покажется скучным долгое плавание.

Корабельщики с великой радостью приняли предложение Умейра-ибн-Джубейра. Но кораблей было два, и оба хотели взять его. Согласились, что он будет день плыть на одном, день — на другом. Он велел нарубить ветвей терна на берегу и украсить ими мачты кораблей: боль его сердца была так сильна, что его влекло все, причиняющее боль.

На рассвете корабли отплыли. На палубе первого корабля стоял Умейр-ибн-Джубейр и читал стихи:

Вечной правдой осужденные, — в пламени любви,
Мы стоим, испепеленные, — в пламени любви.

Корабельщики, вам грезятся ль в даях берега?
К ним стремят свой путь влюбленные, — в пламени любви.
Жгучим тернием повяли мы мачты кораблей, —
Плещут паруса червленые, — в пламени любви.

Смерть наш кормчий вновь в изведанных бедами морях:
Ждите час свой, истомленные,— в пламени любви!

И загорелые корабельщики с грубыми руками и громкими голосами, слушая его, вместе с ним плакали.

Острова Разлук, к которым стремилась омраченная душа поэта, были те самые острова, где некогда побывал Синдбад-мореход. От Синдбада и узнал о них Умейр-ибн-Джубейр. Там находят мир и забвение те, кто не мог забыть разлуку с любимым или любимой.

Побывавшие на Островах Разлук описывали их так:

Орошены росами Острова Разлук,
Скованы утесами Острова Разлук.

Якоря потоплены в безднах голубых.
Грезят альбатросами Острова Разлук.

Много бурь вы встретите, и найдут не все
Корабли с матросами Острова Разлук.

Там искать полюбите золотой янтарь,—
Разлучат вас с грозами Острова Разлук.

Как друзей на пиршествах, как любимых дев,
Мы венчали розами Острова Разлук.

В печальной истории поэта Умейра-ибн-Джубейра не все было печально. Так часто в мире печальное соединяется с забавным! Здесь забавным было то, что прекрасная Зумурруд, которую не в силах был похоронить Умейр-ибн-Джубейр, спустя несколько часов после его отплытия проснулась от глубокого сна, принятого за смерть. Харун-ар-Рашид, жалевший о своем подарке, сообразовал вернуть Зумурруд снова в свой гарем.

Визирь Джафар предстал пред очи халифа.

— О повелитель правоверных! Али-купец и муэдзин Исхак-ибн-Халдун ждут своей участи. Ты повелел казнить их вместе с дамасским купцом, — но ищи ветра в поле: Мухаммеда-волшебника в Багдад не заманишь теперь и медовой лепешкой!

— Хорошо. Пусть завтра Али-купца и муэдзина Исхака-ибн-Халдуна выведут на базарную площадь, чтоб повесить. И пусть все жители Багдада придут посмотреть их казнь. И пускай Масрур накинет обоим сетлю на шею и подольше повозится с веревками. И когда те натерпятся

вдоволь страха, я их помилую. И потом о Мухаммеде-волшебнике и ворах не будем больше вспоминать.

— Слушаю и повинуюсь.

На завтра не осталось в Багдаде ни одного человека, кто бы не пошел на базар. Привели Али-купца с Исфаком-ибн-Халдуном. Масрур накинул каждому из них веревку на шею и стал ждать халифова приказа. Халиф же с приказом медлил.

Вдруг, откуда ни возьмись, подул сильный ветер.

Все посмотрели в сторону западных ворот и увидели вдали маленькое облачко. Облачко, приближаясь к базару, обратилось вскоре в дромадера, на горбе которого важно восседал не кто иной, как сам Мухаммед-волшебник.

Все разинули рот.

Дромадер стал посреди базара, поплевал по сторонам и опустил морду в корзину с финиками, оказавшуюся рядом.

Неторопливо оглядевшись, Мухаммед-волшебник обратился к багдадцам с такими словами:

— Эй, жители Багдада! Я забыл у вас свои туфли. Они изрядно поношены, но я к ним давно привык и люблю их, потому что в них столько дыр, сколько на ногах у меня мозолей, и каждая дыра пригнана лучшим из сапожников — временем — точно к каждой мозоли. Во всяких других туфлях мои мозоли чувствуют себя, как раки в кипятке или каштаны под горячей золой. Ради них, жители Багдада, пришлось сделать мне несколько сот верст на верблюде, который, как видите, и устал и проголодался. Ага! они стоят на прежнем месте, мои превосходные старые туфли!

И, сойдя с дромадера, Мухаммед-волшебник, поднял свои рваные туфли, любовно прижал их к груди и затем надел.

Не успел он это сделать, как, по знаку халифа, стража набросилась на него и схватила под мышки.

— Дарю жизнь Исфаку-ибн-Халдуну — муэдзину и Али-купцу! — сказал халиф. — А шейху воров Мухаммеду-волшебнику отруби, Масрур, голову!

И палач его мести взял на свое попечение Мухаммеда-волшебника.

Этот же, пока его держали, сердито топал ногами в дырявых туфлях и кричал:

— Что вам надо от меня, глупцы Багдада? Я скупил ваши несчастия, с которыми вы не знали что делать, и заплатил за них золотом и серебром, — а вы хотите мне отрубить голову! Пускай же ваши несчастия обратно вернутся к вам!

Едва он сказал это, как Исхак-ибн-Халдун, муэдзин базарной мечети, стал снова двугорбым, и со всеми другими произошло подобное.

— А мое золото и серебро, что Вы получили, пусть обратится в насекомых, чтобы вы неустанно чесались и вспоминали Мухаммеда-волшебника!

— Ай! — вскричал Исхак-ибн-Халдун и начал чесаться.

— Ай! — вскричал Али-купец и начал чесаться.

— Ай!.. Ай!.. — вскричали многие другие, и всем стало казаться, что у них чесотка.

— Руби, Масрур! — сказал халиф.

Но Мухаммед-волшебник оттолкнул Масрура, говоря:

— Дай мне сесть на мой ковер — и тогда руби!

И, стянув с горба дромадера ковер; попотчевал верблюда ударом ноги, от которого тот вылетел из Багдада, поверх домов и ворот, как пушинка одуванчика.

Затем разостлал ковер, сел на него, подставил шею Масруру, дал отрубить себе голову и улетел без головы на ковре, быстрее, чем мог бы улететь на дромадере.

— Улететь без головы?! — удивился халиф — Первый раз в жизни вижу такого мошенника!

— Повелитель правоверных, это не голова! — сказал визирь и нагнулся, поднять голову Мухаммеда-волшебника.

— А что же?

— Это выдолбленная сухая тыква, наполненная горохом!

И Джафар встряхнул отрубленной головой, отчего поднялся оглушительный треск.

Халиф от души рассмеялся.

— В таком случае вы действительно глупцы, жители Багдада, если позволили водить себя за нос человеку, у которого на плечах была вместо головы тыква с горохом! Аллах! Что я вижу?! В этом году, должно быть, урожай на тыквах?!

Если б каждый из багдадцев мог посмотреть на себя, он увидел бы то же, что увидел халиф: и у визиря, и у Масрура, и у всех других вместо голов были тыквы, — они

пскачивались из стороны в сторону, производя треск десяти тысяч барабанов.

Халиф еще смеялся, когда Джафар, всплеснув руками, воскликнул:

— О повелитель правоверных! Этому Мухаммеду-волшебнику нет достойной клички!

И отвернулся, чтоб не видеть головы халифа, которая была такой же тыквой, как и головы других, только немного побольше.

И это было так смешно, что все багдадцы схватились за живот.

Недаром Аллах научил людей смеяться! У человека, когда он смеется, проясняется ум, проясняется сердце, проясняются глаза.

Когда багдадцы перестали смеяться, все в Багдаде было так же, как до первого появления Мухаммеда-волшебника. Тыквы лежали только в корзинах нескольких огородников.

И каждый думал:

«Существовал ли в действительности Мухаммед-волшебник или я про себя выдумал эту историю?»

Мудрец над тем смеется, что смешно.

Глупцу над чем бы ни смеяться — все равно.

ЮТЬ-УЯНТАЙ—НЕЖНАЯ,
КАК МОЛОКО

(Якутская сказка)

Сызз! сызз! Хурррр! Хо-о-о!.. На белых оленях Вьюги, запряженных в ледяные нарты, — Хуртан-ху-у-у! — на белых, как сон черемухи, на быстрых оленях Вьюги — из Витима в Лену! Дым и огонь в чаще ветвистых рогов, дым и огонь под полозьями нарт! Через ночь, через снег, над верстами Лены — в черную стужу Океана! Только б не сломались полозья! — пусть скрипят, свистят и высекают искры из голубого льда, только б не сломались!

Уже с правой руки — аю-гуль! — Олекма! — горбы сугробов взлетают над вершинами лиственниц, становятся облаками!

Джурр! джурр!
Буртан — ху-у-у!

Уже машет над берегами снежною бородою Алдан, — в бороде его много сора: целые кедровые и сосновые, и лиственничные, и живет в ней серебристо-серая рысь, — он машет бородою, как пьяный, и голосом бурана кричит оленьей упряжке Вьюги. «Капсе!»¹ — кричит он вслед, — но оленей Вьюги не остановить!

Зурр! зурр!
Суртан — ху-у-у!

Уже с левого берега — улю-улю! — намечает сугробы Виллюй.

Хурр! Хурр!
Хуртан — ху-у-у!

Через сугробы! Топчите копытами толстый лед! — чтоб звенел, как бубен из шкуры сохатого, натянутой на полынью!

¹ «Рассказывай!» — якутское приветствие, как наше «Здравствуй!».

Через тайгу! Ломайте рогами, рушьте трехсотлетние
лиственницы! Сдувайте храпом поздрей каменные берега!

Через северные сияния! В снежное небо! Сбивайте
грудью гроздь звезд! Ху-ху-ху-ху-у!

Слу-у-у-шай, Тайга-а-а!

Джурр, джурр!
Буртан — ху-у-у!
Зурр, зурр!
Суртан — ху-у-у!
Хурр, хурр!
Хуртан — ху-у-у!

— Слушай, как Вьюга поет свою песню,— сказал Хотой-Тоён из-под трех медвежьих шкур. — Подбрось в огонь сучьев, Ють-Уянтай! Огонь замерзает на саже очага и становится льдом.

А корова, лежавшая в юрте, послушала вой Вьюги, и ей захотелось иметь теленка под голым выменем, и она сказала, подняв кверху морду:

— Спать не могу-у! Почему-у лает собака на дворе? Лучше бы в юрте жевала, как я, жвачку! Му-у-у!

2

По Тайге, истоптав, как траву, чащи сосен и лиственниц, пришел из-за Колымы злой дух Ан-Аджырга. У него было дело к прекрасной Ють-Уянтай. Вьюга была в его сердце — и он подумал о теплых ласках Ють-Уянтай.

Обеими ноздрями понюхал дым из юрты Хотой-Тоёна. Горький запах хвои и теплоту человеческой берлоги вдохнул обеими ноздрями.

Удивился:

— Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох?!

Присел на корточки за юртой, чтоб стать невидимым.

Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох стоял перед юртой Хотой-Тоёна и говорил сам с собой, потому что никого, кроме себя, не видел, а злого духа Ан-Аджыргу он не захотел увидеть.

— Я сильный и могучий богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох. Из всех женщин, которые рожали, ни одна не была славнее Сырдык-Сырылымы, что зовется матерью богатыря Эрь-Соготоха. Я прошел Тайгу от восхода солнца до заката и видел все, что видит солнце. Но нигде не

встретил богатыря, мне равного. Девяносто искали моей смерти — всех победил я в открытом бою. Один был — как гора Ураканча. Глаза ледяные и волосы, цвета желтой глины. Когда он говорил, изо рта его вылетал огонь, и кто слышал его голос, должен был оглохнуть. Я, богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготх, сразился с ним и убил его и ледяные глаза его бросил собаке, и она их съела.

Чтоб лучше себя слышать, он ударил копьём в переднего сохатого Вьюги:

— Хурр, хурр! — Упряжка стала, и Вьюга перестала петь.

— Все девушки любят меня за красоту и статность, за удаль и славу. Я же люблю одну лишь Ють-Уянтай, потому что она прекрасна. Вот я пришел к ней, чтобы взять ее любовь и стать ее мужем, но злой дух Ан-Аджырга вышел на распутье наших дорог. Он прячется за юртой, хотя голова его больше юрты, — должно быть, распухла от глупости. Сейчас мы сразимся, и кто победит, тот возьмет себе прекрасную Ють-Уянтай, дочь Хотой-Тоёна. Однако я думаю, что мне удастся одолеть его. Гей! Злой дух Ан-Аджырга, довольно тебе прятаться, выходи!

Ан-Аджырга вышел из-за юрты.

— Гей! Богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготх, выходи!

Поднял голову над плечами, чтоб она стала еще больше.

— Я пришел, чтоб убить тебя, злой дух Ан-Аджырга, потому что люблю Ють-Уянтай!

— Я пришел, чтоб убить тебя, богатырь Эряйда-Буруйда, потому что люблю Ють-Уянтай!

И оба натянули тетивы луков.

— Ат-ззу-у!

Каждый поймал на лету стрелу врага и послал ее обратно.

— У тебя плохие стрелы, злой дух Ан-Аджырга!

— У тебя плохие стрелы, богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготх.

— Хорошо. Значит, я убью тебя копьём!

— Хорошо. Значит, я убью тебя копьём!

И оба метнули копьё.

Но копьё сломались. Каждое на шестьдесят кусков.

— У тебя копьё, как утиное перо, злой дух Ан-Аджырга.

— У тебя копье, как сухая солома, богатырь Эряйдах-Буруйдах Эр-Соготох.

— Я знал, что мне придется прибить тебя дубиной!

— Я знал, что прибью тебя дубиной!

Полночи бились дубинами. Полночи было светло в Тайге, как днем, потому что от ударов дубин сыпались искры и рождался огонь.

Когда до исхода ночи оставалось не больше четверти ее длины, Ан-Аджырга прислушался к стуку своего сердца — и едва его расслышал.

— Подожди, богатырь Эряйдах-Буруйдах Эр-Соготох, я хочу осмотреть свою дубину, — крепка ли она.

Но ему надо было отдохнуть.

— Хорошо. Я подожду.

И пока тот осматривал свою дубину, оба отдыхали.

— Теперь я вижу, что дубина моя крепка, богатырь Эряйдах-Буруйдах Эр-Соготох! Я выдернул из земли сто столетних кедров, прежде чем сделать выбор.

— Я вижу, твоя дубина крепка. Но своей я убил девяносто богатырей!

Еще бились четверть ночи и четверть дня.

Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эр-Соготох напряг дыхание груди и не мог поймать его звука.

— погоди, злой дух Ан-Аджырга, я хочу подвязать свои кюрьмя!

— Хорошо. Я подожду.

И пока тот подвязывал на ногах свои кюрьмя, оба отдыхали.

— Уже ночь и четверть дня бьемся мы, злой дух Ан-Аджырга! После полудня я тебя убью.

— Прежде чем вечер, я убью тебя, богатырь Эряйдах-Буруйдах Эр-Соготох!

Полдня было темно в Тайге, как ночью, потому что солнце, испугавшись стука их дубин, спряталось в медвежью нору.

Далеко за рекой Яной Великий Олень, вожак всех оленей Нижней Тундры, посмотрел на свои передние ноги и сказал:

— Упала самая большая гора на земле: мои ноги дрожат, оттого что дрожит земля.

А Голубой Песец, бежавший от Индигирки к Колыме, обернулся на бегу, спрашивая:

— Не упал ли с неба огненный камень?

И понюхал кончик своего хвоста — но паленым не пахло.

В Тундре не знали того, что знали в Тайге: что это упал Ан-Адджырга. Хотя он упал на одно только левое колено.

— Ты бахвал и враль, злой дух Ан-Адджырга! — крикнул ему в уши богатырь Эряйда-Буруйда-Эрь-Соготох и выбил из рук его дубину.

— Ты сломал мне только ногу, богатырь Эряйда-Буруйда-Эрь-Соготох! — возразил Ан-Адджырга. — Но это все равно, как если б я оступился!

— Хорошо. Если хочешь, я добыю тебя, злой дух Ан-Адджырга!

Ан-Адджырга потер рукой колено.

— Нет. Лучше возьми себе Ють-Уянтай, богатырь Эряйда-Буруйда-Эрь-Соготох!

— А ты бери свою дубину, чтоб не искать костыль!

И злой дух Ан-Адджырга ушел, хромя.

На Майе жил шаман Калакан. Он вылечил ушиб, но не сумел излечить хромоту. Ан-Адджырге было стыдно после этого ходить по Тайге. И он ушел к Охотскому морю, а оттуда по льду на Курильские острова. Там у него была родня: мужья трех его сестер, три японских демона Рокуро-Куби, у которых головы могут отделяться от плеч и летать по воздуху. У каждого из них было по два острова, и на каждом острове Ан-Адджырга прожил по три месяца. Но не следует рассказывать об этом прежде времени.

Когда Тайга перестала хрустеть под ногами Ан-Адджырги, из юрты вышла прекрасная Ють-Уянтай.

— Здравствуй, Ють-Уянтай, дочь Хотой-Тоёна, похожая на красивую кукушку, — сказал богатырь Эряйда-Буруйда-Эрь-Соготох.

Ють-Уянтай отвечала:

— Здравствуй, славный богатырь Эряйда-Буруйда-Эрь-Соготох, подобный сохатому, которого считают хозяином Тайги!

— Что ты делала Ють-Уянтай, когда сидела в юрте?

— Я пила теплое коровье молоко, потому что от него грудь становится белой и мягкой, как масло.

— Позволь мне посмотреть, Ють-Уянтай, бела ли твоя грудь.

— Посмотри,

— Позволь мне потрогать рукой, Ють-Уянтай, мягка ли твоя грудь?

— Потрогай.

— Я хочу войти к тебе, Ють-Уянтай, чтоб стать твоим мужем.

— Войди, славный богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох.

Хотой-Тоён крикнул с порога, — и левый глаз его подмигнул правому:

— С хорошей победой, славный богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох! Погоди входить, пока дочка подоит корову и собьет масло. Она сегодня что-то ленится.

Ють-Уянтай вошла одна в юрту, а Хотой-Тоён начал кашлять. Он кашлял так долго, что Бурундук, прыгавший по сосне, подумал: «Не сидит ли сосновая шишка в горле Хотой-Тоёна?»

Когда прошло много времени, Хотой-Тоён сдержал свой кашель: он захотел сплюнуть — и посмотрел на землю, — и правый глаз его подмигнул левому:

— Ты думаешь, богатырь Эряйдах-Буруйдах, что на снегу оленьи следы? Нет, это следы моей собаки.

— Я вижу, Хотой-Тоён, что это следы собачьих лап.

После этого они оба так долго молчали, что Бурундук, перебежавший на другую сосну, начал догадываться:

— Должно быть, Хотой-Тоён выплюнул свой язык вместе с кашлем, а богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох не хочет ему отдавать свой.

Хотой-Тоёну первому надоело молчать. Он громко перевел дыхание, — и оба его глаза стали перемигиваться.

Наконец он сказал:

— Хорошо, когда человек имеет много оленей. Мясо их сладко и молоко очень вкусно.

Но богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох ничего не ответил.

Они снова много времени молчали.

Потом Хотой-Тоён начал вздыхать и вздыхал так же долго, как прежде кашлял. А с последним вздохом сказал:

— Я имею корову. Должно быть, ты коровьи следы принял за оленьи!

— Я пригоню тебе в шесть раз больше шестидесяти оленей к весне, Хотой-Тоён, — сказал богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох.

Тогда Хотой-Тоёи открыл дверь и радостно крикнул:
— Ють-Уянтай! Ють-Уянтай! Куда же ты ушла? Ведь ты недавно подоила корову, а масло сбила еще утром!

И оба вошли в юрту.

Ан-Аджырга тогда еще только шел к шаману Калакану и, хромя, не успел отойти далеко. С досады выдернул он с корнем несколько лиственниц и швырнул их через плечо. Лиственницы падали на крышу юрты Хотой-Тоёна, а богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох думал, что это падает снег.

3

Дни бежали, как легконогие олени в упряжке. Много было дней. Но богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох думал, что это все один день, потому что он принимал пламя очага, зажженное Ють-Уянтай, за солнце, и оно никогда не гасло. Но вот однажды, выйдя из юрты за малой нуждой, он увидел Бурундука на сосне и удивился, что у него такой пушистый хвост.

— За две зимы у тебя самого, богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох, отросли волосы на голове до пояса, — сказал Бурундук, — только ты этого не замечаешь, потому что забыл уже, как, бывало, стягивал свой стан поясом.

Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох измерил свои волосы пальцами. И, войдя в юрту, снова лег возле Ють-Уянтай и лежал три дня, а через три дня сказал:

— Выйди и посмотри, прекрасная Ють-Уянтай, что делается в Тайге!

А когда узнал, что Тайга запела песню льда, ломающегося на Лене, обнял Ють-Уянтай и девять дней не выпускал из своих объятий. Потом стал собирать оружие. Снял лук со стены и пересчитал стрелы. Вынул нож из ножен и посмотрел: не заржавел ли? Осмотрел дубину: нет ли трещин?

Ють-Уянтай спросила:

— Разве славный богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох не ляжет больше в мою теплую постель?

Эрь-Соготох отвечал:

— Вот уже зима прошла, Ють-Уянтай, и весна прошла, Ють-Уянтай, и лето было, Ють-Уянтай, и осень была,

Ють-Уянтай, и еще зима была, Ють-Уянтай! А ты все держишь меня в доме Хотой-Тоёна и не хочешь, чтоб я принес тебе шестьдесят медвежьих шкур, или тюленьего жира в пузыре трески, или кюрьмя из тюленьей шкуры, какие видел я у тунгусов: вышитые тонкими нитками из кишок. Но ты сказала мне, Ють-Уянтай, когда выходила узнать, что делается в Тайге, и потом легла около моего правого плеча,— ты сказала, Ють-Уянтай, что в Тайге снова весна, и духи рек начали перекликаться друг с дружкой через холмы, и солнце вышло из своей юрты и засмеялось тебе в лицо. Тогда я сказал себе: «Богатырь Эрьядах-Буруйдах Эр-Соготох, ты долго ласкал мягкие груди Ють-Уянтай, а теперь тебе стало скучно, и ты хочешь бродить по Тайге. И ты пойдешь к Тас-Хая-Хталу и оттуда к Джутджуру и походишь по высоким хребтам. И ты пойдешь к морю и поживешь у моря. А когда увидишь, что прошла весна и прошло лето, вернешься к Ють-Уянтай и пригонишь ей стадо оленей с медвежьими шкурами и тунгусской рыбой». Вот как говорил я себе, Ють-Уянтай, когда ты грела мне спину теплым дыханием. Осень будет на исходе, и вместо хвои инеем будут покрыты лиственницы,— и тогда я постучусь к тебе, Ють-Уянтай, и теплый дым выбежит мне навстречу, теплый, как твоя постель и как твое дыхание, греющее мне спину и груди!

— Я сошью тебе рубаху и рукавицы из шкуры сохатого, пока буду ждать тебя. Но я буду много плакать, потому что ты не будешь со мной, славный богатырь Эрьядах-Буруйдах Эр-Соготох!

— За то, что ты будешь много плакать, я принесу тебе пояс из желтого золота, которое пьют в Лантаре сохатые вместе с водой, и серьги, прекрасные, как твои уши, которые подобны листьям тополя, растущим за Алданом. И если глаза у тебя будут черные, надену пояс на твои нежные бедра. А если глаза у тебя будут красные,— прибавлю к поясу серьги, чтоб и уши твои блестели, как бедра.

— Глаза у меня будут краснее крови дикого голубя, славный богатырь Эрьядах-Буруйдах Эр-Соготох, потому что я буду плакать каждый день, пока на дворе будет весна и лето, пока кончится осень.

Выйдя из юрты, Эр-Соготох услышал крик кукушки. Голос ее был нежен, как голос Ють-Уянтай.

Когда кукушка перестала петь, запел богатырь Эрья-
дах-Буруйдах Эрь-Соготох:

После зимних вьюг — лето,
После темных дней — солнце.
Дикий гусь летит в тундру.
Добрый путь тебе, ворон!
Теплой стала кровь кедра.
Вот кукушки крик слышу:
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»
Хорошо в тайге летом,
Хвоя — словно мех белки.
Для оленя корм свежий.
Дальше тундр летит солнце.
Как стрела летит солнце.
Нежно мне поет птица:
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»
Пой, кукушка, мне песню!
Пой о том, что нет ночи,
Что зажгло очаг лето,
Что земля теплей меха,
Что меняет шерсть белка,
Что прекрасна жизнь, пой мне!
«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»
Слышишь, южный ржет ветер!
Самки лося зов слышишь?
«Здравствуй!» — крикнул гусь солнцу.

«Мир красив!» — сказал
Мне сказать ли: «Жизнь — ^{дядел.} радость?»
Радость — петь в тайге ^{песню:}
«Ку-ку!
Ку-ку!
Ку-ку!»

4

В Тайге скоро стало известно, что богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготох вышел из юрты Хотой-Тоёна и пошел к Тас-Хая-Хталу. Шаман Калакан послал утку Чирка рассказать об этом на Охотском море. Слух дошел до острова Шикотана, где жил один из Рокуро-Куби, у которого на ту пору гостил Ан-Адджырга. Тогда Ан-Адджырга захотел вернуться в Тайгу. Но на Охотском море сломался лед, и он не мог вернуться пешком. Рокуро-Куби повезли его в лодке.

Хотой-Тоён, увидев прихрамывающего Ан-Адджыргу, сильно испугался, и глаза его забегали, как собака, потерявшая хвост.

— Что делает прекрасная Ють-Уянтай? — спросил Ан-Адджырга.

— Она сидит у очага и плачет, закрыв лицо рукавом и не ждет твоего прихода, злой дух Ан-Адджырга.

— Не могу ли я ее утешить?

— Утешить ее мог бы только славный богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготох, но он не думает о доме, пока еще лето.

— Хорошо! Значит, я могу войти в твою юрту, Хотой-Тоён!

— Нет, злой дух Ан-Адджырга, будет гораздо лучше, если ты пройдешь мимо моей юрты!

— Я принес тебе капкан для песцов и лисиц и сеть, чтоб ловить рыбу в реках, Хотой-Тоён! — сказал Ан-Адджырга. — Впрочем, я их подарю шаману Калакану!

— Сделай милость, входи! — поспешил сказать Хотой-Тоён. — Но не засиживайся, прошу тебя, злой дух Ан-Адджырга, — как знать, когда пожелает вернуться богатырь Эр-Соготох!

Ють-Уянтай перестала плакать и уронила рукавицы, которые шила богатырю Эр-Соготоху. Спряталась за шкуркой сохатого, увидев на пороге Ан-Аджырга.

— Капсе! — сказал злой дух Ан-Аджырга. — Ють-Уянтай, подобная прекрасной самке медведя, одна! Это хорошо.

— Эн капсе! — отвечала Ють-Уянтай, и голос ее дрожал, как ноги кузнечика. — Я одна, и это плохо, потому что я боюсь тебя, злой дух Ан-Аджырга!

— Ты не должна бояться меня, Ють-Уянтай! Я пришел, чтоб ты расчесала мои волосы: в волосах у меня много хвои и кедровых шишек.

— Я расчесу тебе волосы, если ты уйдешь и не тронешь меня, злой дух Аджырга!

— Я уйду, Ють-Уянтай, когда ты расчешешь мне волосы своими пальцами, быстрыми, как вечерняя комариная пляска.

Он сел на пол и положил голову на колени Ють-Уянтай.

— Но ты должна петь, чтоб я мог выспаться у тебя на коленях, Ють-Уянтай!

— Хорошо.

И хотя Ють-Уянтай была неприятна голова Ан-Аджырги, с которой падали шишки и хвоя, как с утеса, поросшего кедрами, она запела песню, чтоб не так было страшно расчесывать волосы злого духа:

— Муж у тебя — славный богатырь Эрйдах-Буруйдах Эр-Соготох, прекрасная Ють-Уянтай, — почему же ты одна, прекрасная Ють-Уянтай?

— Я одна потому, что мой муж ушел на Тас-Хая-Хтал, — и я одна.

— Ты не одна, прекрасная Ють-Уянтай: на коленях у тебя голова злого духа. Она страшнее головы медведя, и коровий хвост тоньше, чем каждый волос на ней.

— Я расчесываю ему волосы, и он спит — злой дух Ан-Аджырга. А потом он проснется и уйдет, не сделав мне ничего плохого.

— Я проснулся, Ють-Уянтай, и уйду, но не прежде, чем один раз поцелую твой рот, который поет так сладко.

Ють-Уянтай подумала:

«Почему у меня не растет на губах колючий можжевельник?»

Однако сказала:

— Поцелуй, только не крепко: мои губы потрескались от морозов...

Это была неправда.

— Ай! Ты поцеловал меня дважды, злой дух Ан-Аджырга! Это очень плохо. Теперь уходи, как можно скорее!

— Я уйду, Ють-Уянтай, красивая, как полная горсть брусники, но прежде хочу поспать на твоей постели: уже вечер, и комары в Тайге стали злее волков.

— Ты обманешь меня в третий раз, злой дух Ан-Аджырга!

— Нет, я не обману тебя, Ють-Уянтай, но позаботься, чтоб постель была помягче.

— Постель будет мягкая, и ты будешь спать до утра, и я отдам тебе весь мой сон, и сама буду бодрствовать, — только прошу тебя, не обманывай меня больше, злой дух Ан-Аджырга!

Ан-Аджырга, как только лег в постель, закрыл сперва один глаз, потом другой и начал свистеть в обе ноздри. От его свиста потух огонь в очаге. Комары со всей Тайги слетелись послушать свист Ан-Аджырги, устроили большую пляску перед юртой Хотой-Тоёна.

А спавший на сосне Бурундук подумал, проснувшись:

«Не горит ли Тайга?» — так как принял комариные хороводы за дым.

Ють-Уянтай от свиста Ан-Аджырги сделалось еще страшнее. Она спрятала свою голову под медвежьи и оленьи шкуры, только бы тише стал его свист. Под шкурами было темно и не так страшно. Только не на что было смотреть — и глаза ее закрылись. А когда закрылись глаза, то закрылись и уши: Ють-Уянтай перестала слышать свист Ан-Аджырги, потому что уснула.

5

Богатырь Эряйда-Буруйда Эрь-Соготох пришел на Тас-Хая-Хтал, поднялся на гору Медвежьей Охоты, обратился лицом к Солнцу и спел призывную охотничью песню на медвежьем языке.

Все медведи, которые жили в Тайге между Индигиркой и Яной, вышли на песню и пошли к горе Медвежьей

Охоты. Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох выбрал из них шестьдесят самых красивых и задушил на своей груди, не желая портить шкуры. Остальным же велел вернуться в их берлоги.

Шкуры он повесил на верхушках лиственниц, чтоб сохли. Потом разложил большой костер, сел у костра на мягком, как медвежья шкура, мху и шесть дней ел мясо шестидесяти медведей. Так наедался он, чтоб не чувствовать голода до поздней осени.

После этого он расщепил своим ножом двадцать шесть лиственниц на тонкие щепы. Из щеп-досок сшил челнок «ветку», сел и поплыл вверх по Индигирке.

Он плыл уже несколько дней. Солнце целые дни не сходило с неба, а на ночь только пряталось в вершинах сосен, поэтому и по ночам было светло, почти как днем.

Однажды в полдень он с удивлением увидел, что Солнце начало прыгать с неба на землю. От этого становилось то темно, то светло, то опять темно. В глазах у Эрь-Соготоха зарябило, и он чуть не опрокинул «ветку», наскочив на подводный камень.

Сошел на берег, отыскал то место, куда прыгало Солнце, и увидел на болотной кочке шамана Калакана, который шаманил Солнце, стараясь поймать его в большой мешок из моржовой шкуры. Калакан скакал над кочкой, обливался вонючим потом и, скосив глаза так, что они стали совсем белыми, без зрачков, вертелся на одной ноге. При этом бил в бубен и протяжно, то громко, то тихо, выл. Когда очарованное Солнце падало с неба, он хватал его обеими руками, чтоб засунуть в мешок. Но обжигался и снова выпускал, и Солнце снова взлетало кверху. Калакан же дул на руки и принимался еще усерднее бить в бубен и выть.

Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох окликнул его. Но Калакан ничего не слышал. Тогда Эрь-Соготох взял мешок из моржовой шкуры и сунул в него шамана. Завязав мешок, бросил на середину топи. Мешок с Калаканом тотчас же утонул.

Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох крикнул, запрокинув голову кверху:

— Солнце, мой брат, пойдем вместе! Нам по пути до первого привала!

И они пошли вместе и шли до Алдана. Солнце показывало ему таяжные тропы. А богатырь Эряйдах-Буруй-

дах Эр-Соготох обкуривал тлеющей гнилушкой мошкар, слепившую Солнце. На первом же перевале на берегу Алдана они расстались. Эр-Соготох опять построил «ветку» и поплыл в Маю. Он не знал, что шаман Калакан, пролежав в болоте пять дней, прогрыз мешок из моржовой кожи, подманил к себе бульканьем утку Чирка, и она помогла ему вылезти из топи.

6

После ухода Ан-Аджырги прошло немного дней, но каждый из них равнялся месяцу для Ють-Уянтай.

На девятый день пришла Повитуха, поставила в углу юрты два коротких столба и поперек столбов положила палку. Ють-Уянтай стала на колени, взялась за палку обеими руками и застонала.

— Кровь горит в твоих щеках, Ють-Уянтай, — сказала Повитуха. — Ты увидишь — это будет мальчик!

Приплыли в большой «ветке» женщины из дальнего наслег.

Заслышав шаги их, Ють-Уянтай стала громче стонать:

— Мой муж пришел, славный богатырь Эряйдах-Буруйдах Эр-Соготох! Откройте ему дверь... о-о-о!..

— Это пришли женщины, — ты разве забыла, Ють-Уянтай, как звучат шаги мужа? — сказал Хотой-Тоён за дверь.

Заглянул в юрту через окно, затянутое рыбьим пузырем.

— О! Мне очень трудно! Пусть бы лучше Бухар-додар взял мою душу! Мне очень трудно!..

Хотой-Тоён сказал через рыбий пузырь:

— Ничего, Ють-Уянтай, тужься, тужься! Ты слишком ленива!

И сам присел под окном: начал тужиться, думая этим помочь Ють-Уянтай.

— Мне кажется, я должна буду родить большую гору!..

Повитуха качала головой:

— Ах-ах! Когда привыкнешь, Ють-Уянтай, увидишь, что это так же легко, как птице снести яйцо.

Вошли женщины. На полу перед пылающим очагом сели в круг. Стали смотреть на огонь, как на большое чудо. Ють-Уянтай заслонили своими спинами.

Повитуха сказала:

— Ну, теперь тебе незачем кричать, Ють-Уянтай!

И Ють-Уянтай сразу утихла.

А женщины стали лить масло в огонь. Огонь сильнее запылал. Женщины хлопали в ладоши, оглушительно хохоча и причитая просьбы богине Аигыть, помогающей при родах:

— Добрая Аигыть, пусть то, что родилось, будет красивым и сильным! Милость твоя с ним, добрая Аигыть!

Повитуха сказала:

— Ты увидишь, что это мальчик, Ють-Уянтай! Я никогда не обманываю.

Пламя в очаге поднялось вверх, над крышей юрты рассыпалось искрами. Женщины громче забили в ладоши, оглушительнее захохотали:

— Добрая Аигыть, пусть то, что родилось, будет славным и прекрасным богатырем, как его отец!

Повитуха протянула через головы женщин к очагу большое, косматое, черное и страшное чудовище и, сама испугавшись, бросила его на пол.

Женщины от страха закричали. Опережая друг дружку, выбежали из юрты.

7

Три демона Рокуро-Куби, которые в лодке привезли Ан-Аджыргу с острова Шикотана, остались ждать его в бухте Тюленьей. У них был уговор с Ан-Аджыргой: вместе искать Эр-Соготоха в Тайге, чтоб сразиться с ним.

На ту пору сам богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготух ушел уже с Маи. Перевалил Джугджур, держа путь к Охотскому морю ради Тюленьей Охоты.

Шаман Калакан, поставивший свой чум на реке Челасине, видел, как Эр-Соготух переходил быстрый Челасин вброд. Послал шаман Калакан Лесную Мышь, которая жила с ним в чуме, предупредить Рокуро-Куби. Чтоб Лесная Мышь могла опередить богатыря Эр-Соготоха, отдал он ей на несколько дней всю прыть своих ног, сел посреди чума и уже не мог встать на ноги.

Лесная Мышь обежала Эр-Соготоха и прибежала к бухте Тюленьей до его прихода. Она увидела вдали от берега лодку и в ней трех безголовых гребцов. Головы их лежали над берегом, оглядывая таежные тропы.

Не могла Лесная Мышь, несмотря на всю прыть шамана, ни доплыть до лодки с безголовыми гребцами, ни допрыгнуть до летающих под облаками голов Рокуро-Куби. Начала она бегать по всему берегу, не зная, как ей быть. Богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготох наступил на нее и раздавил, не заметив.

Никогда больше шаману Калакану не выйти из чума на своих ногах!

Богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготох увидел трех птиц над своей головой.

— Если это утки, они слишком высоко залетели, — сказал он и положил стрелу на тетиву лука.

К ногам его упала голова Рокуро-Куби. Она стукнулась о землю и подскочила, и тогда один из безголовых гребцов свалился за борт лодки — тот, который навсегда потерял свою голову.

Две головы Рокуро-Куби испустили громкий вой. Его услышал Ан-Аджырга, хотя был далеко в Тайге.

— Братья Рокуро-Куби, я иду!

По вершинам лиственниц помчался, хромя, к месту битвы.

Головы Рокуро-Куби кружили над головой Эр-Соготоха. Щелкали зубами, брызгали слюной, выли и старались вцепиться в его горло. Пришлось ему вертеться не хуже шамана Калакана на болотной кочке, пока, изловчившись, не угодил он по одной из голов дубиной.

Голова взвилась выше самого высокого облака и упала по ту сторону моря на японский остров Хоккайдо. Ударившись о землю, она разбилась с треском, как тухлое яйцо.

Второй безголовый гребец свалился в воду.

Спеши, злой дух Ан-Аджырга, спеши!

Видишь: остался один только Рокуро-Куби!

Спешит, прихрамывая, Ан-Аджырга и поспевает вовремя: богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготох выпустил из рук дубину, схватил за волосы голову демона, хочет швырнуть ее далеко в море.

— Я здесь, богатырь Эряйда-Буруйда Эр-Соготох, обернись! — кричит Ан-Аджырга. Отломал обеими рука-

ми большой утес от берега, поднял над головой, однако не успевает бросить.

— Ты пришел вовремя, злой дух Ан-Аджырга! — говорит богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох. Бросает в него головой Рокуро-Куби.

Хромой Ан-Аджырга, ты стал кривым на правый глаз!

— Не довольно ли с вас обоих! Я пришел сюда не для драки!

Ради Тюленьей Охоты пришел богатырь Эрь-Соготох.

Но Ан-Аджырга и третий Рокуро-Куби продолжают битву: два против одного.

Голова Рокуро-Куби кидается под ноги Эрь-Соготоху, чтобы он оступился. Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох мизинцем ноги, через кюрьмя, выбивает демону три зуба. Зубы желтые и длинные, как бивни мамонта.

Пришло время Ан-Аджырге бросить свой утес, — он уже торжествует победу: богатырю Эрь-Соготоху не устоять перед каменной горой! Хо, хо! Перед летящей горой Эрь-Соготох не больше раздавленной Лесной Мыши Калакана!

Однако богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох поднимает дубину. Против летящей горы поднимает дубину. Бьет со всего плеча.

Гора летит обратно — придавила Ан-Аджыргу. Злой дух Ан-Аджырга визжит и воет, стараясь выкарабкаться из-под нее. Он выкарабкался и убегает, горбясь и хромая, смотря одним глазом под ноги. Забывает о третьем Рокуро-Куби. К чуму Калакана спешит, на Челасин.

Хромой и кривой Ан-Аджырга, теперь ты стал еще и горбатым!

Бьются один на один.

Голова Рокуро-Куби не видит бегства Ан-Аджырги. Не думает о лодке с безголовым гребцом. Не думает об острове Шикотане. Она думает только об одном: как бы укусить богатыря Эрь-Соготоха.

Как взбесившийся овод, вьется вокруг Эрь-Соготоха. Глаза ее перекосились и стали узкими, как лезвие ножа. Все зубы, которые не выбил богатырь Эрь-Соготох, обратились в рогатины и остроги — готовы выскочить изо рта, чтоб поскорее вонзиться в его тело.

Рокуро-Куби знает: когда пожелаешь чего-нибудь ценою жизни, непременно достигнешь.

Пусть это будет твое предсмертное желание, Рокуро-Куби: попробовать мяса Эрь-Соготоха!

Кружись, пока закружится его голова! Лязгай зубами попеременно над каждым его ухом, чтоб он перестал отличать правое ухо от левого! Заставляй глаза его перебегать со лба на затылок! Рычи, вой, свисти — и ему станет казаться, что вас снова три: что та, которая пронзена стрелой, не пронзена стрелой; что та, которая разбилась, как яйцо, не разбилась!

Вот уже закружилась голова богатыря Эряйда-Буруйда Эрь-Соготоха. Уже перестал он отличать правое ухо от левого. Уже глаза его устали бегать по сторонам. Уже ему кажется, что целый рой Рокуро-Куби вьется над его головой, как рой оводов или слепней.

— Пора! — говорит голова демона и, выплюнув язык, чтобы не мешал во рту, всеми зубами впивается в руку Эрь-Соготоха.

Прокусила три рукава медвежьих рубах, три рукава оленьих рубах, три рукава рубах из шкуры сохатого. Прокусила кожу и мясо, до кости вгрызлась в тело богатыря Эрь-Соготоха. Как большая кедровая шишка на ветке, повисла на его руке.

— Хочу посмотреть, если в этой кедровой шишке орехи, — говорит богатырь Эряйда-Буруйда Эрь-Соготох.

Большим камнем ударил по ней. Камень крошится, как лепешка из сосновой коры. В перекошенных глазах Рокуро-Куби блестят лезвия ножей: глаза смеются.

— Это крепкая шишка! — говорит богатырь Эряйда-Буруйда Эрь-Соготох.

Вгоняет в ствол упавшего двухсотлетнего кедра большой клин, просовывает в щель голову Рокуро-Куби и выбивает клин. Но голова не плющится. Только глаза лезут на лоб от злобного смеха.

Безголовый гребец подъезжает ближе к берегу. Богатырь Эряйда-Буруйда Эрь-Соготох видит, что шея и грудь его покрылись кровавой испариной. Когтистая рука машет веслом, другая рука вцепилась в борт лодки.

— Лодка ждет тебя, Рокуро-Куби! — не хочешь ли уехать домой? Я не звал тебя в гости — и больше мне нечем тебя угощать!

Глаза Рокуро-Куби запрыгали от смеха, и зубы скрипят, встретившись в теле Эрь-Соготоха.

— Хорошо, — говорит богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох, — оставайся!

И толкает ногой лодку от берега.

Потом разводит костер. Валит в костер целые стволы лиственниц и сосен. На Челасине видит дым Ан-Аджырга, которому шаман Калакан, сидя посреди чума, лечит горб. Комарам неприятен дым — большой тучей летят они, спасаясь, за Джугджур.

Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох вынимает нож из ножен и точит его на камне. Наточив, распарывает он рукава девяти своих рубах, вырезает из руки своей кусок мяса с головой Рокуро-Куби и бросает в костер. И видит, безголовый гребец свисает над бортом лодки, которой нога Эрь-Соготоха дала попутный ветер; падает гребец в море, и лодка над ним опрокинулась — поплыла вверх дном к острову Шикотану.

— Большая кедровая шишка сгорела, — говорит богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох, — только дым от нее скверный!

Поднес руку к огню — и кровь в ране запеклась, и рана покрылась хорошим струпом.

Далеко по берегу разносится его песня Тюленьей Охоты. Богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох поет ее на тюленьем языке — и тюлени слышат ее у берегов Камчатки и на Тюленьем острове за Сахалином.

И дикие олени думают, что скоро время Оленьей Ловли.

8

Когда выпал снег и покрыл белым мехом сучья голых лиственниц, и мороз закрипел по таежным тропам, и дым поднялся над юртой Хотой-Тоёна, Ють-Уянтай сказала:

— Скоро должен вернуться мой муж, славный богатырь Эряйдах-Буруйдах Эрь-Соготох. Он придет и увидит сына злого духа Ан-Аджырги и убьет его. Но я буду плакать, потому что он мой сын и мне трудно было его рожать.

Она стала прислушиваться, но слышала только шаги Хотой-Тоёна, который пошел ставить капкан на лису.

— Если б он был мал, я бы могла его спрятать, но он — как большая сосна.

Собака залаяла.

Заскрипел снег под ногами трехсот шестидесяти оленей, запахло медвежьими и тюленьими шкурами, и нерпим жиром в пузырях трески, и тунгусской рыбой.

— Вот пришел славный богатырь Эрьйда-Буруйда Эрь-Соготох, — сказала Ють-Уянтай. — Спрячься, Сын злого духа, потому что он убьет тебя!

Сын злого духа спал со вчерашнего дня и теперь проснулся и захотел спрятаться. Ють-Уянтай села ему на колени, чтоб закрыть его собой. Но голова его поднималась, как дым очага, упираясь в крышу.

Богатырь Эрьйда-Буруйда Эрь-Соготох сказал, войдя в юрту:

— Здравствуй, прекрасная Ють-Уянтай, подобная очагу, согревающему путника! Почему ты не хочешь встать, чтобы встретить меня?

Ють-Уянтай сказала:

— Я не встаю, чтобы встретить тебя потому, что прячу Сына злого духа Ан-Аджырги. Если я не буду его прятать, ты увидишь его и убьешь.

— Я не убью его, Ють-Уянтай, твоего Сына от злого духа, потому что он сосал твою грудь, которая прекрасна. Но вид его отвратителен для моих глаз, и в глазах его горит ненависть к врагу его отца. Он так велик, что нам уже тесно в одной юрте. Не прогнать ли его в Тайгу? Нет, если прогнать его в Тайгу, всем живущим в Тайге он будет делать зло, как его отец, злой дух Ан-Аджырга.

— Значит, я сама должна буду убить его! — сказала Ють-Уянтай и взяла лук Эрь-Соготоха и одну стрелу из его колчана. Иди за мною, Сын злого духа!

Пошла к берегу реки, и Сын злого духа шел за ней.

Однако дорогой опять стала думать о том, как трудно было ей рожать его.

И вот опять жалость подступила к ее сердцу, и она сказала:

— Ты идешь за моей спиной, Сын злого духа, и, если захочешь, легко сможешь убежать в Тайгу, потому что нет глаз в моей спине.

— Я иду по твоему следу и не хочу убегать в Тайгу, потому что ты мне мать.

— Но если ты не убежишь, я убью тебя из лука славного богатыря Эрь-Соготоха, стрелою его.

— Я ненавижу богатыря Эр-Соготоха, мужа моей матери. Пойдем и убьем его же стрелой, мать Сына злого духа!

Ють-Уянтай сказала:

— Будь ты проклят, Сын злого духа, за эти слова! Я напрасно тебя жалею!

Но Сын злого духа схватил ее сзади за косу и сказал:

— Отдай мне лук и стрелу, моя мать, и я сам убью богатыря Эр-Соготоха!

Ють-Уянтай стала с ним бороться и вырывать из рук его свою косу и отбросила лук в сторону.

Сын злого духа рассердился:

— Будь ты проклята, моя мать! За то, что ты не хочешь дать мне лук, я задушю тебя твоей косой!

И стал обматывать косой ее шею. Но подпрыгнул на месте и громко вскрикнул от боли и выпустил косу матери: нога его попала на лисий капкан, поставленный Хотой-Тоёном.

Пока он визжал, освобождая ногу, Ють-Уянтай подняла лук с земли, вложила в него стрелу и прострелила сердце Сыну злого духа.

Потом вынула стрелу из груди сына, переломила на своем колене пополам и каждую половину еще пополам. Бросила обломки стрелы на четыре стороны, перекинула лук через плечо и вернулась домой.

— Много ли ты плакала, Ють-Уянтай, думая обо мне, пока я был на Медвежьей Охоте, и на Тюленьей Охоте, и на Оленьей Ловле?

— Я много плакала, славный богатырь Эрийдах-Буруйдах Эр-Соготох!

Эр-Соготох вынул пояс из желтого лантарского золота.

— Дай мне измерить твои бедра, прекрасная Ють-Уянтай!

И надел пояс на ее бедра.

— Твои бедра стали толще, Ють-Уянтай, это хорошо. Ють-Уянтай сказала радостно:

— Это хорошо. Твой пояс мне в самую пору.

— И эти серьги, — сказал богатырь Эрийдах-Буруйдах Эр-Соготох. И привесил серьги к ушам Ють-Уянтай, прекрасным, как листья алданского тополя.

— Пила ли ты теплое молоко, Ють-Уянтай?

— Я пила его каждый день, потому что от него грудь становится белой и мягкой, как масло.

— Позволь мне посмотреть, бела ли твоя грудь.

— Посмотри.

— Позволь мне потрогать рукой, Ють-Уянтай, мягка ли твоя грудь.

— Потрогай.

— Помоги мне, Ють-Уянтай, снять мои кюрьмя. Я хочу поспать с дороги в твоей теплой постели.

Ють-Уянтай села на пол и развязала кюрьмя на ногах мужа.

Вошел Хотой-Тоён. Принес большую охапку сучьев. Сучья весело запели песню Огня в Очаге:

Джилл, джилл!

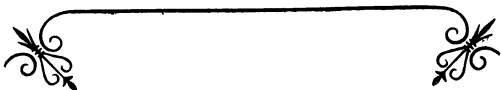
Келе-кью!

Жаш, жаш!

Хиле-хью!

**ЛЕТАЮЩЕЕ
ВИШНЕВОЕ ДЕРЕВО**

Храбрый самурай Инамурайа Такетсура спал, просто спал, как спят не одни храбрые самураи, но все имеющие дыхание существа: верховые лошади, индейские петухи, жуки-носороги, муравьи, — и даже при этом изрядно храпел. Слуга Сэйки сторожил его сон, отгоняя молитвами Демона Дурных Снов. Увы, самого Сэйки одолевала дремота. Он перебирал четки, почесывался тонкой камышовой палочкой, зевал во весь рот — и в конце концов пришел к тому заключению, что спать — дело более легкое и приятное, чем слушать чужой храп и бормотать молитвы. Поэтому, чтобы не сломать себе челюсти и не задохнуться от зевоты, он, в свою очередь, уснул в углу циновки, подложив под голову собственную пятку. Вот тут-то и произошло самое главное. Демон Дурных Снов выглянул из-за ширмы, на которой была нарисована гора Фудзияма и в некотором от нее расстоянии — водяная мельница, а еще дальше — стая летящих к югу журавлей, увидел, что господин и слуга довольно искусно подражают грохоту водяной мельницы и даже крику журавлей, пролетающих мимо Фудзиямы, ухмыльнулся, подвезал четки Сэйки себе под хвост, прошелся по комнате, заглянул в кувшин с водой, отчего в ней тотчас стали плавать лягушки и головастики, помахал пушистым, как тростниковая метелка, кончиком длинного хвоста под носом Инамурайи и сказал, хихикая:

— Когда-то, должно быть, славный самурай проглотил дюжину барабанов, от этого такой у него гром в брюхе! А может быть, в левой ноздре у него спрятался тайфун, недавно перенесший остров Кошкики-шима по воздуху на девяносто девять ри? Спи, спи, сын землетрясения и циклона! Я насыплю тебе в нос пыли с моего хвоста — и ты увидишь такой скверный сон, какого не пожелал бы своему дворовому псу, лающему сейчас на луну!

И, исполнив свое намерение, он удалился. Однако, уходя, задел хвостом гору Фудзияму, нарисованную на ширме. Отчего она опрокинулась верхушкой вниз и журавли пришли в замешательство, не зная, куда теперь лететь.

До того как все это произошло, Инамурайа успел во сне стать знаменитым завоевателем, переплыть Желтое море, покорить всю Небесную империю, построить большой корабль, погрузить на корабль большой город Бейнин с дворцом императора и со всеми домами, какие в нем были, и благополучно отплыть в Страну восходящего солнца. Плавание подходило к концу, когда Инамурайе пришлось в голову пересчитать пленных китайцев, которых он вез в трюме корабля. Все они сидели на полу трюма, связанные друг с дружкой за косы, и походили на связки чеснока или бананов. Ноги их были в деревянных колодках, по которым они постукивали концами пальцев: получалась очень приятная музыка, еще более приятная оттого, что китайцы пронзительно свистели. Инамурайа едва успел досчитать до трех миллионов семисот семидесяти тысяч ста одиннадцати — и вдруг сбился со счета: что-то в носу у него защекотало, захотелось чихнуть. Но он понимал, что чихать в трюме нельзя, потому что, если он чихнет так, как ему хотелось бы, корабль разлетится на части и пойдет ко дну. Зажав рот и нос пальцами, Инамурайа побежал наверх. С этого места сон его принял дурной оборот. Китайцы вскочили с полу, замотали головами, отчего косы их стали отрываться, как будто были только прилеплены к макушкам, а сами они сбросили колодки с ног и побежали за Инамурайей. Вместо того чтобы щелкать пальцами по колодкам, как молоточками по клавишам цимбал, они схватили вылезавшего из люка самурая за ноги, стащили вниз, сняли с него штаны, разложили его на полу, наскоро сплели из своих оторванных кос бичи и.... Никогда потом наяву у Инамурайи не поднялся язык, чтоб рассказать, как невежливо поступили с ним негодяи китайцы. Самурай не выдержал, разжал нос — и чихнул. Корабль разлетелся в щепки. Поднялся водяной смерч, швырнувший Инамурайю так высоко и так далеко, что он очутился у себя в комнате: сидя на корточках, он отчаянно чихал. Против него, так же на корточках, сидел Сэйки и в свою очередь чихал, подпрыгивая чуть не к потолку: несколько пылинок с хвоста Демона Дурных Снов, разумеется, досталось и на его долю.

Оба они наскакивали друг на друга, как дерущиеся петухи, пока с последним «апчи» не столкнулись лбами. Тут, перекувырнувшись через голову, Сэйки вылетел за дверь, а Инамурайа стал головой на опрокинутую гору Фудзияму и распугал всех журавлей.

— Будь проклят Китай! — вскричал он, утвердившись наконец на ногах. — Вот мерзкий сон!

Схватил меч и ударил им по кувшину с водой. Лягушки заквакали и упрыгали, а головастики, как ни в чем не бывало, обратились в брызги воды.

На этом неприятности не кончились. При падении на Фудзияму Инамурайа выпустил лучшую часть своего сна, которая вылетела из головы его, как розовая стрекоза в окно.

Он морщил свой лоб так, что волосы его, торчавшие колючками чертополоха, сходились с бровями, но вспомнить не мог ни славных битв, ни завоеваний Небесной империи, ни города Бейнина, который он унес было на своей спине.

Инамурайа Такетсура дважды рассердился: за потерю хорошего сна столько же, как за дурной сон, то есть как должен был рассердиться храбрый самурай.

— Я могу проглотить свой меч, если не отрублю кому-нибудь головы, чтоб немного успокоиться! — сказал он.

Но в комнате никого не было.

Помахав некоторое время мечом в воздухе, он стукнул им об пол.

— Даю клятву: тот, кто войдет ко мне первым, станет короче в своем росте на собственную свою голову.

На стук меча вошла в комнату О-Теи, дочь самурая.

О-Теи была в том возрасте, когда девушек сравнивают с цветами: одни бывают похожи на цветок кореопсиса, другие на цветок гвоздики, третьи на цветок подснежника, четвертые на цветок резеды, пятые на цветок шиповника, шестые на цветок хризантемы, — О-Теи походила на цветок вишни.

Войдя в комнату, О-Теи спросила:

— Отец, кем нарушен твой сон? Ты так громко бранишься!

— Несчастная! — сказал Инамурайа. — Не в добрый час пришло к тебе твое любопытство!

— Как, отец? — не поняла О-Теи.

Инамурайа поплевал на меч и вытер его своей ладонью.

— Я должен буду отрубить тебе голову, О-Теи, ибо такую клятву я дал!

— Ты не сделаешь этого, отец! — возразила О-Теи. — Посмотри, какая у меня красивая голова: три лучших художника, выписанных из Иедо, три дня трудились над ней: когда ты станешь рубить мне голову, ты непременно испортишь мою прическу.

— Я дал клятву, О-Теи!

— Кроме того, когда ты отрубишь мне голову, я не буду слышать пения птиц в нашем саду, не буду видеть бабочек с золотыми крылышками, которые так любят садиться на мое кимоно, не буду, как подобает почтительной дочери, целовать твои щеки, колючие, как репейник.

— Я дал клятву, О-Теи!

— И неужели мне придется покинуть мое милое Вишневое Дерево, что растет у порога нашего дома? Я люблю его, как мою мать. Каждый вечер я поливаю его водой из канала. Я подвязываю шелковыми нитками его ветви, чтобы они не ломались от тяжести цветов и ягод. На зиму я укутываю его соломенными циновками, чтоб оно не зябло. Посмотри, как оно сейчас прекрасно, когда все в цвету. Оно похоже на снежное облако. Милое Вишневое Дерево, защити меня!

— Я дал клятву, О-Теи! — сказал Инамурайа и занес над головой ее меч.

Но Вишневое Дерево протянуло через порог свои ветви, как руки, подхватило О-Теи, оторвалось от земли и, стряхнув землю с корней на голову самурая, поднялось над крышей дома.

— Стой! — вскричал Инамурайа и ударил его мечом.

Вишневое Дерево опустило самую нижнюю свою ветку, усыпанную цветами, и хлестнуло ею самурая по лицу так, что рот, уши и ноздри его наполнились лепестками, как фарфоровая чашка рисом.

Пока Инамурайа отплевывался, вбежал испуганный Сэйки со словами:

— Господин! Вишневое Дерево, что росло перед домом, улетело, унося нашу маленькую госпожу!

— Тьфу! — сказал Инамурайа, сплюнув в последний раз.

Он был в таком гневе на Вишневое Дерево, что забыл в эту минуту стихи прекрасного поэта:

Цветущей вишни
Дыхание — подобно
Улыбке нежной,
Что на устах любимой
Порою расцветает.

Сэйки, упав на колени, продолжал:

— Боясь твоего гнева, я хотел удержать ваше Вишневое Дерево, но ветка зацепила за мое левое ухо и оттянула его на три четверти от головы: оно теперь гораздо длиннее ослиного! А Вишневое Дерево унеслось, как облако, в сторону Нагасаки!

— Я тебе второе твое ухо сделаю таким же длинным! — проревел самурай, уподобясь тигру, на шкуре которого перед этим спал.

Но исполнить свою угрозу не сумел: он слишком сильно потянул второе ухо Сэйки — и оно оторвалось.

2

Вишневое Дерево действительно понеслось было в сторону Нагасаки, однако вскоре оно свернуло вправо и село на цветущем и пустынном острове Цзушима.

Здесь О-Теи прожила целых три года. Доброе Вишневое Дерево и впрямь стало ей нежной матерью. В беззаботном счастье прошли эти три года, и еще многие годы прожила бы она счастливо на острове Цзушима, если б однажды под вечер не проплыли мимо острова два рыбака в красной лодке. Они везли на рынок в Нагасаки камбалу и разговаривали меж собой.

Один сказал:

— В этом году много новостей. Японский император умер от холеры. Землетрясением разрушен город Иедо. Три самурая в Хакодате поспорили, кто из них съест живую акулу, но акула проглотила всех троих. В Кьюшу монахи выкрали из храма серебряную статую будды, чтобы продать ее монахам Киобаши, а те перелили ее на кружки, из которых пьют рисовую водку, — и ни у тех, ни у других не отсохли руки.

Другой сказал в свою очередь:

— На Хондо в этом году не уродился рис — бедняки пекут хлеб из глины. В Ийю один крестьянин осмелился съесть помет, оставленный на дороге лошадьё даймию, — за это крестьянина закопали живым в землю. Хорошо, если нам удастся продать камбалу в Нагасаки за деньги: ее

могут взять бесплатно для стола настоятеля храма Сайходжи, который считает, что душа одного из его предков живет в камбале.

Первый опять сказал:

— Я слышал, что храбрый самурай Инамурайа Такетсура, которому однажды приснился такой скверный сон, какого еще не снилось никому в Стране восходящего солнца, тяжело болен. Через три дня он умрет, если ему не удастся умилостивить Демона Болезни. Но для этого есть одно лишь средство: кто-нибудь из его близких должен отрубить себе руку. Так сказал знаменитый врач, лечивший от холеры покойного императора. Все же родственники медлят, никому не хочется стать безруким. Если нам удастся продать камбалу в Нагасаки и настоятель храма Сайходжи пожалеется на это даймио, у нас отнимут деньги, а нас заставят работать на храм.

Рыбаки поплыли дальше.

Но О-Теи, спрятавшись в бамбуке, слышала их разговор. В слезах бросилась она к Вишневому Дереву:

— Нежная мать, что мне делать? Кто отвезет мою руку моему бедному отцу? Ах, почему я не остановила рыбаков, дала им проплыть мимо острова Цзушима?! Почему я не плыву теперь с ними в красной лодке с голубым парусом, чтоб вернуть моему отцу здоровье?

Вишневое Дерево опечалилось.

— Разве ты не была счастлива со мною три года на острове Цзушима, О-Теи?

— Да, милая мать. Я была счастлива три года, пока не было в Нагасаки спроса на камбалу: ни один рыбак не проплыл за это время мимо острова Цзушима; ничего я не знала о болезни моего отца. Добрая мать, вернемся домой!

О-Теи обняла Вишневое Дерево, целуя его серебристую кору, на которой тушью времени были нарисованы красивые морщины; вглядываясь в эти морщины, можно было прочесть стихи, сочиненные в разное время теми, кому случалось сидеть в его цветущей тени: большей частью это были влюбленные; они и не подозревали, что стихи их сохраняются для потомства; оттого так прекрасна старость, что память ее хранит живые события. Почти над самой головой О-Теи триста семнадцать лет назад была запечатлена танка, над которой О-Теи часто размышляла, не вполне еще понимая ее содержание:

В полях и рощах
Ловлю весенний ветер.
Любовь, помедли,
Не улетай так быстро —
Вслед за весенним ветром!

— Как странны люди! — сказало, вздохнув, Вишневое Дерево. — Они бывают злы и добры, глупы и мудры, сварливы и кротки, ленивы и деятельны, но очень редко счастливы. Ни от чего вы так не убегаете, как от счастья. Милая О-Тей, прошу тебя, останься здесь, на счастливом острове Цзушима!

— Почтенная мать, я уже не могу быть счастливой, когда у меня две руки, из которых одна нужна Демону Болезни; ведь он гость моего превосходного отца!

— Хорошо, — сказало Вишневое Дерево, подумав. — Пусть будет по-твоему, О-Тей!

О-Тей положила руки на цветущую ветвь — и в ту же минуту очутилась на вершине Вишневого Дерева. Птицы подняли крик, когда оно взвилось над островом Цзушима и с быстротой ласточки полетело на восток.

3

Самурай Инамурайа Такетсура лежал в постели среди притворно опечаленных и непритворно смущенных родственников. Он тяжело стонал и требовал свой меч, чтобы сразиться с Демоном Болезни.

— Меч под твоим левым боком, храбрый самурай Инамурайа Такетсура! — сказал врач, приготавливая в ста тринадцати бутылках сто тринадцать различных лекарств. Если бы Инамурайа выпил их все, он стал бы бессмертен; только, к сожалению, желудок его был меньше, чем дно озера Бивы. — Твой меч у твоего сердца, но он теперь не страшнее соломинки!

— Мой меч стал тяжелее горы, я не могу его поднять! — прохрипел Инамурайа, и все вышли из комнаты, уступая место смерти, нетерпеливо стучавшей в потолок.

Тогда из-под циновки, на которой пред этим сидел врач, вышел Демон Болезни, подошел к изголовью самурая и помахал огненным веером над его лицом.

Инамурайа услышал его голос, шелестевший, как сухие, шершавые листья, уносимые осенним ветром:

— Ху! Ху! ш! ш! ссс! Сейчас ты перестанешь жить, самурай Инамурайа Такетсура! Еще даю тебе шестна-

дцать вдохов, а потом закрою тебе горло, и ты не будешь больше дышать. Ху!

В это время как бы порыв бури налетел на крышу дома. Стены задрожали, и послышался голос Сэйки:

— Ах, наше старое Вишневое Дерево, улетевшее три года назад, вернулось!

Демон Болезни забегал по комнате, не зная, куда ему спрятаться, и влез в одну из бутылей с микстурой, которую врач забыл закупорить.

Инамурайа привстал на постели, понюхал гору Фудзияму на ширме и сказал:

— Как пахнет вишневым цветом! Как мне легко стало дышать! Неужели это значит, что я умер?

— Господин! Вишневое Дерево принесло тебе жизнь и здоровье!

Сэйки поспешно внес в комнату корзину с цветами вишни, на которых лежала прекрасная рука О-Теи. В открытую дверь самурай увидел Вишневое Дерево — на старом месте, у порога.

На вершинах гор
Вишен ароматный снег,—
Как зима опять! —

произнесла всем известные стихи всем известного поэта старшая из родственниц, которая, впрочем, сама походила на вишневую косточку.

Инамурайа легко встал с постели и побежал навстречу О-Теи.

— Наконец ты вернулась к послушанию, дочь моя! — сказал он радостно.

Взмахнул мечом — и голова О-Теи, как большая красная ягода, упала к его ногам.

— И взбунтовавшееся Вишневое Дерево также обрадовалось! Срубите его и бросьте в очаг... кстати, пусть повар зажарит мне парочку журавлей, я проголодался!

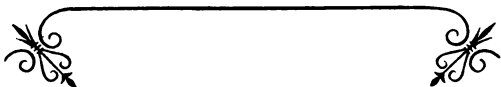
Пока Вишневое Дерево рубили, родственники с притворно-радостными лицами снова собрались в комнате. Инамурайа позволил им принести поздравления в благополучном исходе болезни и сделал еще одно распоряжение: выписать из Киото наилучшего писца, который на длинном ухе Сэйки записал бы эту великолепную историю.

СТРЕЛОК ФЕДОТ И КОРОЛЬ ДОЛМАТ

(Шах королю и мат)

Занимательное, ради смеха и потехи, представление,
с волшебными превращениями,
с шутками и прибаутками,
с пословицами в лицах,
с былями в небылицах,
с музыкой, барабанным боем, пушечной пальбой,
несусветной кутерьмой

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ПЕРСОН, УЧАСТВУЮЩИХ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Долмат-король — король Беспардонного королевства.
Шалтай-Болтай-министр — министр полезных и бесполезных советов.
Алупа-министр — министр королевского пропитания.
Бухтан-министр — министр неизвестных дел.
Фалей-министр — министр того-этого, к сожалению, заика.
Федот-стрелок — стрелок неслыханной меткости, невиданного удалства, небывалой удачливости.
Аксеика — невообразимая красавица, бывшая Горлица.
Урза-Мурза — невидимка.
Отставной козы барабанщик — теребень кабацкая.
Вертодуб — вроде лесника или лешего.
Кудесная теща.
Пустолай-пес.
Заплечный мастер.
Бодай-бык.
Бегунец-жеребец.
Куролес-петух.
Свинка — Золотая щетинка.
Поющее дерево.
Говорящие пешеходные дубы, березы, осины и ели.
Хлюсты-скороходы.
Купленные солдаты и кудесные солдаты.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Королевский задний двор. На часах Федот-стрелок.

Федот-стрелок (*ходит по двору, помахивает ружьем, слушает утренних петухов, отбивает ногами песню*).

Король Долмат — гроза царей!

Всех грозней!

Всех сильнее!

Всех умней!

Семи саженьей

в горбу!

Семи пядей

во лбу!

Сидит — горой гора!

Встанет — чур нас, чур!

Ура! Ура! Ура!

Глупая песня — а петь надо!.. Эх, служба-службица! У голоштанского короля Дурандала хоть спал в свое удовольствие! Кабы не продал он меня в Беспардонное королевство королю Долмату, задал бы я теперь доброго храпу, чем этак-то всю ночь шагать, зенки кулаком подпирать! Понятно, и служить у Дурандала не велик барыш, да умная пословица говорит: «Худое — плохо, худшее — плоше...»

Пустолай-пес

(*высунулся из конуры*)

Гав-гав! А я слышал!

Федот-стрелок

Что, Пустолай-пес, слышал?

Пустолай-пес

Не скажу!

Федот-стрелок

Не скажешь, пес с тобой! Ступай,
не держу!

Пустолай-пес

А вот как Долмату набрешу,
узнаешь!

Федот-стрелок

Зря лаешь!

Вот тебе косточка, Пустолай!

Пустолай-пес
То-то же! Давай!..
В другой раз, гав-гав,
про косточку не забывай!
(*уходит в конуру.*)

Федот-стрелок
Чтоб тебе ею подавиться!
Пустолай-пес
(*из конуры*)

Рррр, говори потише:
опять слышу...
Могу озлиться!

Громко запела на дереве Горлица.

Бухтан-министр (*выбежал на крыльцо*). Чшш!..
Кто велел горлицам на королевский задний двор залетывать?! Хорошо, что богатырский сон у Долмата, однако может и проснуться... Окороти ее, Федот-стрелок!

Федот-стрелок. Вольная птица! Жаль безо времени...

Бухтан-министр. Какой может быть разговор! Купленный солдат — а рассуждаешь!

Федот-стрелок стреляет. Подбитая Горлица падает к его ногам.

Горлица (*человечьим голосом*). Спасибо тебе, меткий стрелок, что пожалел меня, в крыло целил!..

Выбежали прочие министры.

Шалтай-Болтай-министр. Это что! Горлица — а человеческим голосом заговорила! Птичье свое положение забыла! Да как она смеет?!

Фалей-министр. С... сс... ссе...

Бухтан-министр (*помогает Фалею-министру договорить*). Сверни ей шею!

Федот-стрелок. Сдуру чего не сделаешь! (*Прячет Горлицу за пазуху.*)

Шалтай-Болтай-министр

Эй, Федот-стрелок, завираться стал!

Алупа-министр

Умял

каши полгоршка —

вот и удал!

Бухтан-министр

Засиделась на плечах башка —

не дорожишь!

Шалтай-Болтай-министр
Долмату доложить —
за тридевять земель улетишь
от одного его щелчка!

Бухтан-министр
В игольное ухо тебя, стрелка,
проденет — и петли тобою же на жилетке
промечет!

Алупа-министр
Не ходя далече,
ершовую уху делает из дурака!
Шалтай-Болтай-министр.
Отойди к сторонке пока!

Федот-стрелок отдалается.

Господа министры, портится Федот-стрелок: либо вольного духу где-то хлебнул, либо собственное геройство в голову ударило.

Алупа-министр. Медалей чересчур олуху навешали! За каждое геройство медаль — с ума сойти!

Бухтан-министр. По примеру Шалтай-Болтай-министра знаем: как сел на первое место, так и ноги на стол.

Шалтай-Болтай-министр. Не обо мне речь, Бухтан-министр!

Алупа-министр. О Федоте-стрелке речь, Бухтан-министр!

Фалей-министр. О... оо... ооо...

Шалтай-Болтай-министр (*соглашаясь с Фалеем-министром*). О чем же я говорю! Пора окоротить стрелка!

Бухтан-министр. Молодечеством большую силу взял!

Алупа-министр. Молодец среди овец!

Бухтан-министр. Не говори, Алупа-министр! Подсчитай-ка: палку-самобойку достал; утку с золотыми яйцами достал; молодильных яблок три штуки достал; топор-саморуб достал; самопечную печь достал; самопишущее перо из хвоста птицы Моголь достал!..

Шалтай-Болтай-министр. Палку-самобойку достал — медаль ему и чарку! Молодильных яблок достал — медаль и чарку! Самопечную печь достал — медаль и чарку!..

Алупа-министр. И довольно с него!..

Истощный голос Долмата. Министры! Слуги неверные! Куда все разбежались?!

Шалтай-Болтай-министр. Гроза проснулась!! Господа министры, прошу всех находиться на месте!.. Пустолай-пес, куды прячешься?!

Алупа-министр (*крестится*). Что-то ему нынче приснилось.

Бухтан-министр. Федот!.. Заснул?!

Федот-стрелок (*замаршировал по двору*).

Король Долмат — гроза царей!

Всех грозней!

Всех сильней!..

Долмат вышел на крыльцо. Сверх ожидания, видом не грозен: мал, плюгав, разбит на ноги, сморклив.

Долмат (*первым делом смотрит, как марширует Федот-стрелок*). Правой ногой без усердия отбиваешь! Помнить должен, что большие деньги голоштанскому королю Дурандалу за тебя заплачены!.. Министры, какое на сегодня геройство для Федота-стрелка придумали?

Шалтай-Болтай-министр. Еще думаем, ваше величество!

Долмат. Как там царь Еремей Про Себя Разумей? Кусает локти, поди, что небывалый стрелок у нас находится?

Шалтай-Болтай-министр. Не только локти — коленки себе обглодал!

Долмат. В некотором царстве, в некотором государстве таких стрелков во сне, поди, не видывали?!

Шалтай-Болтай-министр. Что им хорошего может сниться!

Долмат. Так что же царь Еремей хорохорится! О чем он думает?!

Шалтай-Болтай-министр. Своим умом жить думает! Говорят, завел у себя такие порядки, каких ни у кого нет: господа, говорят, землю пахут, а мужики на боку лежат.

Долмат. Это как же получается? Кого теперь господами считать, кого мужиками?

Бухтан-министр. Неизвестно. Сам, говорят, Еремей Про Себя Разумей разобраться не может.

Долмат. Должен бы нам покланяться, чтоб мозги ему причесали! Так нет! Мало того что дани нам платить не

хочет, как иные прочие, так еще порядками своими удивляет!

Министры. Охальник!

Долмат. Пора мне на него войной пойти!

Министры. Не миновать того!

Долмат. Один Федот-стрелок на войне чего будет стоять!

Федот-стрелок. А для чего мне воевать?

Долмат. Тебя не спросили!

Федот-стрелок. Это точно.

Долмат. Что же ты без спросу скажешь?

Федот-стрелок. А то: Еремей Про Себя Разумей сидит себе в некотором царстве, в некотором государстве, что делает — не знаю, а никого не трогает, — живите, как хотите. И нам бы так!

Долмат. Твое ли нахальное дело рассуждать?

Федот-стрелок. Мое.

Долмат. Твое?

Федот-стрелок. Мое.

Долмат. Это почему же?

Федот-стрелок. Чать, на плечах голова!

Долмат. Голова?

Федот-стрелок. Голова.

Бухтан-министр. Ах, ты!..

Долмат. Как же ты понимаешь об своей голове? — доложишь. Для чего она у тебя на плечах местоположение занимает, а не под мышкой или в иной позиции?

Федот-стрелок. Для этого самого... Про что твое величество... Чтоб рассуждать!

Долмат. Вот и дурак! Важнее есть для твоей головы дела. Шапку, без головы на плечах, как бы стал носить? Не прямо же на плечи класть?

Федот-стрелок. Только затем?

Долмат. А лоб захочешь перекрестить! А при случае затылок почесать!.. Да мало ли зачем!

Алупа-министр. Ушицы похлебать пожелаешь — тоже нельзя без головы, потому при ней хайло твое состоит...

Бухтан-министр. Начальству потребуется скулу тебе подправить...

Шалтай-Болтай-министр. В зубной части порядок навести...

Бухтан-министр. Фонарь под глазом поставить...

Долмат. А для всяких головопроломных дел, требующих рассуждения, у меня министерские головы есть, от которых пушечные ядра отскакивают...

Федот-стрелок. Ядрёные, стало быть!

Долмат. Понял теперь?

Федот-стрелок. Так точно.

Долмат. А понял, маршируй по двору, пока тебе нового геройства не придумали.

Федот-стрелок, маршируя, отдаляется.

Шалтай-Болтай-министр. В рассуждении Федота-стрелка, ваше величество, есть предложение.

Долмат. Ну?

Шалтай-Болтай-министр. Всесветные путешественники сообщают, что на море-окияне — смотреть, не увидеть, ехать, не доехать, — лежит необитаемый остров...

Долмат. Какое ему прозвание?

Шалтай-Болтай-министр. Даже прозвания по своей дальновидности покуда не имеет!.. На том отдаленнейшем, далеко от самых далеких мест удаленном острове лежит пустопорожнее отъезжее-отхожее поле...

Долмат. Эка невидаль!

Шалтай-Болтай-министр. На том дальноромком поле растёт будыль-травка...

Долмат. Почему не скошена?!

Шалтай-Болтай-министр. На той будыль-траве сидит комар-баянист, песни играет, в ус себе не дует...

Долмат. Да пропади он пропадом! Ни к чему мне о нем и знать!

Шалтай-Болтай-министр. Пропать ему за дальностью местоположения невозможно, ваше величество! А вот пускай бы Федот-пострел стрельнул в него отсюда и угодил бы ему в левую мозоль на левой пятке левой ноги — тогда бы он, точно, свою славу оправдал и царь Еремей Про Себя Разумей почесал бы у себя в затылке...

Долмат. Федот!

Федот-стрелок. Подавай сюда комара-баяниста-брехулисту! В какой стороне дальноточный остров?

Шалтай-Болтай-министр. Эвон!

Федот-стрелок (*целится*). Погоди, комарик-сударик, дрыгать ножкой!.. Господи, благослови! (*Стреляет.*)

Долмат. Неужто попал?

Федот-стрелок. А то как же! И хлюстов-сорокоходов посылать не надо: сам, голубчик, сюда летит, пардону просит... Ах, охальник! — на королевский нос садится!

Министры. Невежа!.. Бейте его!..

Федот-стрелок. Вот тебе! *(Прихлопнул комара на королевском носу.)*

Долмат. Ну, показывай!

Федот-стрелок. Гляди, твое величество! Вся пожная амуниция в целости... которая левая пятка — налицо... а мозоли нету! Начисто отстрелил!

Шалтай-Болтай-министр. Погоди! Так ли?

Бухтан-министр. Требуется, ваше величество, проверку сделать...

Долмат. Подать подозрительную трубу! *(Смотрит через подозрительную трубу.)* Мозоли не нахожу... Все верно. Отстрелена... Отослать скоропостижного комара в некоторое царство, в некоторое государство: царю Еремею на страх и удивление!

Фалей-министр. Б... бб... ббб...

Бухтан-министр. Блюдо! На золотое блюдо надо!

Хлюсты-сорокоходы вносят золотое блюдо.

Шалтай-Болтай-министр. Давай скоропалительного комара, Федот-стрелок, и становись на караул! Господа министры, пожалуйста сюда! Ты, Бухтан-министр, заднюю часть подерживай!.. Фалей-министр, прошу к голове!.. Алуца-министр, лишнюю мозоли ногу под коленку хватай!.. Легче, легче! Чтоб членов не повредить!

Комара благополучно кладут на блюдо. Хлюсты-сорокоходы уносят блюдо.

Долмат. Объявляю награду Федоту-стрелку: десять ден стоять бессменно на часах на парадном крыльце!

Федот-стрелок. Незаслуженная награда, твое величество! Согласен на пять ден! А пять ден лучше в кабаке просижу!

Долмат. Ступай, дурак!

Федот-стрелок *(уходит, отбивая ногами).*

Король Долмат — гроза царей!

Всех грозней!

Всех сильней!

Всех...

(Оступился.)

Тыфу! чуть не сбrehнул: «Всех, дурей!..» *(Удаляется.)*

Долмат. Министры! Какая на сегодняшний день видимость насчет войны с царем Еремеем? Много у нас капиталу?

Шалтай-Болтай-министр. Больше чем предовольно, ваше величество!

Долмат. Так, имея стрелка, который один целого войска стоит, чего будем ждать?

Шалтай-Болтай-министр. В Федоте-стрелке как раз и загвоздка, ваше величество! Полной надежды на Федотку нет: не надумался бы перебежать к царю Еремею?

Долмат. Это зачем же?

Шалтай-Болтай-министр. Служит не по вольному желанию, так кто его знает!

Алупа-министр. Косить по сторонам начал...

Фалей-министр. Г... гг... ггг...

Бухтан-министр. Именно! Голову выше носа стал заирать! Эвон как о голове своей возомнил!

Долмат. Так надо его окоротить!

Шалтай-Болтай-министр. Осмелюсь, ваше величество, такой доложить плант: предоставить Федоту-стрелку еще одно геройство: чем крыльцо спиной подпирать, пускай получает маршировку на предмет поимки Свинки — Золотой щетинки...

Долмат. Кто такая эта персона?

Шалтай-Болтай-министр. Эта персона, ваше величество, свиного пола, однако, вообразите: ходит, как княгиня какая-нибудь, по двору, на иностранных языках сама с собой разговаривает — и из нее золото сыплется. Шаг сделала — золотая куча, шаг сделала — золотая куча... а кроме «хрю-хрю» ничего не говорит.

Долмат. Так почему же эта персона не при нашем дворе? Ведь тогда можно будет для войны с царем Еремеем сколько хочешь закупить солдат в других непотребных королевствах: сколько есть таких пропившихся-проевшихся, провоевавшихся-проворовавшихся, продающихся-покупающихся королевств!

Шалтай-Болтай-министр. К тому я и речь веду, ваше величество!.. Не призвать ли обратно Федота-стрелка?

Долмат. Подать его сюда!.. Федот!

Федот возвращается.

Вот что, стрелок: оказывается, хотя ты Федот, да не тот: почему до сих пор Свинки — Золотой щетинки не добыл?

Федот-стрелок. Не могу знать.

Долмат. Ты знай: нечего тебе на часах застаиваться, в кабаках засиживаться, праздно за воротами шататься-болтаться, а иди ты домой...

Федот-стрелок. Покорно благодарю, твое величество!

Долмат. Погоди! А иди ты домой, дома отлеживайся-отсыпайся, геройского духу набирайся — и утренним делом на все четыре стороны отправляйся! Доставишь Свинку — Золотую щетинку — награжу, не достанешь — голову с плеч велю снять!

Федот-стрелок. Такая моя служба подневольная: куда пошлют, туда иди!

Долмат. Правильно! Молодец, стрелок: дело свое знаешь!

Федот-стрелок. Стало быть, на все четыре стороны?

Долмат. Хоть на десять, ежели у тебя столько частей с горизонта!

Федот-стрелок. Что ж!

Долмат. Ступай!.. Заговорился я с вами! Между тем яственные дела в забросе, в чревоугодную палату давно пора... Алупа-министр! Чаи-кофеи готовы?

Алупа-министр. В ожидании вашего величества!

Долмат. Так вели подавать!

Отбывает с министрами в чревоугодную палату.

Федот-стрелок
(марширует со двора)

Король Долмат — гроза царей!

Всех грозней!

Всех сильнее!..

Пустолай-пес

(из конуры)

Гав-гав! Что шумишь на весь двор!

Экой горлодер!

ВТОРАЯ КАРТИНА

Сторожка за околицей с малой горнищей. В горнице Федот-стрелок снаряжается в дорогу.

Федот-стрелок
(поет)

Не прямая молодцу дороженька,
не прямая — окольная.
Эх ты, служба-службица
королевская, подневольная...

Горлица (*высунула голову из-за Федотовой пазухи*).
Жалобно распелся, Федотушка! О чем твоя кручина?

Федот-стрелок. Ах ты, Горлица-птица! Совсем про тебя забыл! (*Вынимает Горлицу.*) Ну-ко, чудо, дай на тебя поглядеть!

Горлица. Погляди. Только сперва ударь правой рукой наотмашь.

Федот-стрелок. Это зачем?

Горлица. Чтоб увидеть меня такой, какой родила меня мать.

Федот-стрелок ударил ее слегка — Горлица обернулась бесподобной красавицей.

Федот-стрелок. Ой!.. (*Смотрит на нее во все глаза.*)

Бывшая Горлица. Нагляделся?

Федот-стрелок. Двумя глазами не справлюсь: сто глаз бы надо, чтоб наглядеться... Отродясь такой красоты не видывал!

Бывшая Горлица

А пришлась по душе, бери в жены,
буду жить с тобой в законе:
хозяйкой в доме, помощницей в нужде,
утехой в беде!

Федот-стрелок

Гой ты, птица ловецкая,
удача молодецкая!
Никуда
от удачи я не хоронился,
завсегда
с удачей дружился,
отроду удачлив бывал —
а о такой удаче не думал, не гадал!

Как же звать тебя, чудо,
как величать тебя буду?
Неужто небылицей:
Горлицей-птицей?

Бывшая Горлица

Зови меня, молодец, именем человеческим,
не птичьим,
моим природным именем — девичьим,
как звала меня мать:
а звала она меня Аксенкой.
Будешь и ты Аксенкой меня звать,
как стану тебе любезною женой.

Федот-стрелок

Вот и ладно! Садись, Аксенка,
дорогая женка,
за дубовый столец,
на кленовый ослонец,
хлебушка со мною покушай, вина испей
да и мне налей!..
Эх, не долго мне, лапушка, с тобой прохладиться,
тобой любоваться:
ночка коротка,
разлука близка...

Аксенка-Горлица

Слыхала! Долмат,
черт ему не сват,
чужим удалством удал —
каверзную службу тебе дал..
А ты махни рукой:
шут, мол, с тобой!

Федот-стрелок

Легко сказать!
Кто за меня будет головой отвечать?

Аксенка-Горлица

Ладно! Не тужи, не крушись —
на меня положиись!

Федот-стрелок

И то: будь что будь!
Ежели Свинка —
Золотая щетинка
не выдумка чья-нибудь,
найду,
хоть пройду
весь свет!..
Беда, коли ее на свете нет!

Аксенка - Горлица

Есть, не сумлевайся, муженек!
Только свет широк,
и, чтоб ее достать,
надо слово знать.
Мало слово знать,
надо уметь его сказать.

Да, недаром у меня дядя Урза-Мурза, мастер чудовых
дел — и швец, и жнец, и на дуде игрец.

В детстве я на поклон хаживала к нему,
так от хитрой его науки позаимствовалась кой-чему...
Ну-ка, муженек,
высеки мне огонек!

(Развязывает углы платка.)

Федот-стрелок

Это что?

Аксенка - Горлица

Три утиных пушинки.
Да три дорожных пылинки.
Да житный колос.
Да кошкин волос...
Помолчи, пока буду говорить!

Федот-стрелок высекает из кремня огонек. Аксенка бросает в огонь
вынутое из узелков, говорит заклинания.

Колос золотой
на стерне.
Волос не простой
на огне.
Три пушинки,
три пылинки
из ширинки.

Наяву, не во сне
объявись!
Где бы ты ни бегало,
что бы ты ни делало,
у порога очутись,
в дверь постучись,
явись!

Свинка — Золотая щетинка (*просунула рыло в дверь*). Хрю-хрю! Где была — там нет, куда звали — пришла! Захочу — весь свет озолочу!

Ф е д о т - с т р е л о к

Тьфу, мара!

(*Свистит в два пальца.*)

А ну в хлев — до утра!

Свинка — Золотая щетинка убрала рыло.

Вот и ходить не надо никуда —
коли сама свиная персона пожаловала сюда!
А и лучше, чем по дорогам шататься,
сапоги топтать,
с тобой, женушка, прохладиться,
сладкими речами
часы коротать,
пирогам
заедать,
медами
запивать!..
Ай да женушка-женка!

Ай да Горлинка-Аксенка!..

(*Обнимает Аксенку-Горлинку.*)

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Чревоугодная палата. М и н и с т р ы у стола.

А л у п а - м и н и с т р. Всю поросятину Долмат разъел!
Хвостика не оставил! Добро бы в коня корм!..

Ф а л е й - м и н и с т р. Б... бб... ббб...

Б у х т а н - м и н и с т р. Вот именно: бог с ним! На то он
и король, чтоб поросячий хвостик ему в рот попадал!

Шалтай-Болтай-министр (*закусывая*). Поросячья забота, господа министры, малая забота! У нас же на предмете агромадная забота: свиная забота. О Свинке — Золотой щетинке забыли?

Бухтан-министр. Не нам — Федоту-пострелу о ней думать! Шут с ним!..

Алупа-министр. Погоди, Бухтан-министр! Возможно допустить, что Федот-стрелок доставит Свинку — Золотую щетинку... А что ж! Прибавится золотого припасу — легче будет с царем Еремеем рассчитаться...

Бухтан-министр. Несумнительно, что так! Да насчет самого Федота сумлений тоже прибавится: невозможно допустить, что такой ухват всю жизнь в дураках будет ходить, на побегушках у другого... умника...

Шалтай-Болтай-министр. Так, господа министры, меня вы за кого принимаете?! Не вернется Федот-стрелок из похода, не ждите!

Алупа-министр. Верно ли?

Шалтай-Болтай-министр. Головой своей поручусь.

Бухтан-министр. Хорошо бы все мы были об одной твоей голове, Шалтай-Болтай-министр! Весьма опасаясь, что Долмат, ежели не вернется Федотка, разгорячится и всем нам добрую трепанацию задаст!

Шалтай-Болтай-министр. А откуда он дознается, что мы дуrom стрелка услали, что никакой Свинки — Золотой щетинки нет?

Алупа-министр и Бухтан-министр. Как нет?!

Шалтай-Болтай-министр. Так нет! Я сам ее выдумал.

Алупа-министр и Бухтан-министр. Сам?! Ах-ха-ха-ха-ха!..

Фалей-министр. Х... хх... ххх...

Бодай-бык и Бегунец-жеребец (*просовывают головы в окно*). Му-у-у!.. И-го-го!..

Шалтай-Болтай-министр. Тьфу, окаянные!

Бодай-бык

Му-у-у!
Ни шута
не пойму:

почему
напала на них смехота?
Жрут и ржут —
завидки берут!

Бегунец-жеребец
И-го-го! Какого шута
ржете?
Чего жрете?!
Видал, Бодай-бык? —
балык!
Копченый язык!
Колбаса!..
А нет овса!

Бодай-бык
Овес ни к чему!..
Пьют! — а что за пойма?
Му-у-у!..

Шалтай-Болтай-министр

Я вам
задам,
скотам!..
Расходись по стойлам,
по хлевам!

Головы Бодай-быка и Бегунца-жеребца в окне
сменились убегающими хвостами. Входят Долмат.

Долмат

Что тут за тарарам?!

(Подозрительно вглядывается в лица министров.)

Федот-стрелок не шлет вестей?
Не прибыл сам?

Шалтай-Болтай-министр. Никак нет, ваше
величество!

Бухтан-министр. До сих пор в нетях!

Алупа-министр. Загулял наш Федот!

Долмат. Без стрельбы его долго ль еще скучать
буду? Ох, извели вы моего первоющего стрелка, стрелят-
ники, чревоушители!.. *(Вздыхает.)* Отправлен скоро-
стрельный комар царю Еремею?

Шалтай-Болтай-министр. Так точно, ваше, величество!

Долмат. Хлюсты-сороходы воротились?

Шалтай-Болтай-министр. Ждут доложиться.

Долмат. Допустить!

Входят хлюсты-сороходы.

Доставили?

Хлюсты-сороходы. Так точно!

Долмат. Как же царь Еремей?

Хлюсты-сороходы. Диву дался. «Комаров, говорит, и у нас есть большое число, да мы, говорит, не тра- тим на них пороку, а бьем их, говорит, прямо ладошкой».

Долмат. Понятно, необразованность. Однако оказал скорострельному комару почет?

Хлюсты-сороходы. Не успел.

Долмат. Как так?

Хлюсты-сороходы. Очень просто: от удивле- ния чихнул и сдул скорострельного комара с блюда.

Долмат. Ну не разбойник?! Министры! Слуги невер- ные! Объявляйте войну Еремею!.. Стойте! Куда побежа- ли? Много ли навоюете без Федота-стрелка?! Эх вы, чер- тогоны! Скройтесь с моих королевских глаз!

Министры поспешно удаляются за дверь. Долмат пробует кушанья на столе, тыкая вилкой в разные блюда.

Алупа-министр!

Алупа-министр. Тут как тут, ваше величество!

Долмат. Подать мне стервяжьей ухи с наливьей пе- ченкой и полпорции кулебяки!

Алупа-министр. Ваше величество, в добавление к кулебяке дозвольте сделать донос?

Долмат. На кого?

Алупа-министр. На министра полезных и беспо- лезных советов.

Долмат. Заходи с левого уха!

Алупа-министр. Докладывал самолично, что Свинки — Золотой щетинки на всем земляном шаре невоз- можно найти.

Долмат. Хорошо. Пропишу ему присолюдию!.. Беги за ухой!

Алупа-министр выходит. В другую дверь на цыпочках входит Шалтай-Болтай-министр.

Шалтай-Болтай-министр. Ваше величество, дозволейте сделать донос?

Долмат. На кого?

Шалтай-Болтай-министр. На министра королевского пропитания, на министра неизвестных дел и на министра того-этого.

Долмат. Ну-у?

Шалтай-Болтай-министр. Прослышаны, что Свинки — Золотой щетинки на свете нет, а от вашего величества скрыли слух.

Долмат. Стало, Федота-стрелка услали дуром?

Шалтай-Болтай-министр. Дуром.

Долмат. Так! Всем пропишу присолюцию!.. Ступай по своим делам!

Шалтай-Болтай-министр выходит. Входит Бухтан-министр.

Долмат. С доносом? Уже сделан!

Бухтан-министр. Дозвольте, ваше величество...

Долмат. Поди!

Бухтан-министр выходит.

Фалей-министр (*через порог*). Д... дд... ддд...

Долмат. И ты, краснобай!

Машет на него рукой, Фалей-министр скрывается.

Алупа-министр. Уха прибыла, ваше величество!

Долмат. Отставляю! Перехотелось!.. Министры!

Министры впопыхах выстроились перед Долматом.

Что, кошкодралы,

надувалы,

запросили дубипки?!

Додумались до Свинки —

Золотой щетипки?!

На свинстве меня, анафемы, поддели?!

В дураках оставить сумели?!

В оба уха про Свинку —

Золотую щетинку

напели,—

а выходит, сами

с усами:

давно ее съели!

Ну, не черти вы, в самом деле?!

С треском раскрылось окно: в окне голова Пустолая-пса.

Пустолай-пес

Гав-гав-гав! Министры! Отлеживаете бока?!
Проспали чудеса?!

Долмат

Впустить придворного пса!

Пустолая-пса выпускают.

Что, Пустолай? Что, верный слуга?

На кого донос?..

Вот, одна у меня верноподданная душа—
и та барбос,
не стоящий шиша!..

Пустолай-пес

Гав-гав,
Стрелок Федот
Свинку —
Золотую щетинку
сюда ведет!

Министры

(в один голос)

Не может того быть!

Долмат

Да вы что? Да о чем?!

Столковались, снюхались с псом?!

Совсем голову мне надумали задурить?!

Федот-стрелок вводит на золотой цепи Свинку —
Золотую щетинку.

Федот-стрелок

Входи, входи, матушка, не стесняйся!

Не упирайся!

По стеночке пройдишь!

Личиком покажись!

Министрам, умным головам, поклонись!

Королевскому величеству хвостиком помаши!

Гору золота наложи,

не скупись!

Свинка — Золотая щетинка

Хрю-хрю-хрю!
Где ступлю,
навалю
кучу золота королю!
Хрю! хрю! хрю!

Бодай-бык и Бегунец-жеребец
(в окне)

— Вот так чудо, му-у-у!..

— Вот так диво, и-го-го!..

Долмат

Министры! навозники! ухваты!
Берись за лопаты!

Министры сгребают в кучи золото, которое сыплется из Свинки —
Золотой щетинки.

Шалтай-Болтай-министр

Золота, золота сколько, ой!

Алупа-министр

Завалит с головой!

Бухтан-министр

Разбегусь — через кучу
не перескачу!

Долмат

Уж теперь по золоту похожу,
потопчу

королевской ногой!

Куплю, что захочу:

моря с водой!

Суши с землей!

Бодай-быку, Бегунцу-жеребцу
позолочу

рога, копыта,

стойла-корыта!..

Бодай-бык и Бегунец-жеребец

Му-у-у!.. И-го-го!..

(Бьют копытами по подоконнику.)

Долмат

Пустолаю-псу семерых заморских королей
приставлю хвост чесать,
блох искать!

Пустолай-пес

Гав! гав! гав!..

(Мечется по горнице.)

Долмат

Всю земноводную вселенную
под ноги себе подстелю!
Солдат повсеместно скуплю,
разошлю
во все концы —
держать дозор!
Велю:
везли бы товары со всего света купцы
ко мне во двор!..
Сам не знаю,
чего еще пожелаю!
Возможно, пожелается мне птичьего
али бычьего
молока испить...
али перстень с камнем адамантом в три пуда купить...
али Ноев ковчег построить,
али всемирный потоп устроить...
али еще: объявить,
чтоб все, кто о двух ногах,
стали ходить
на четырех али на головах...

Шалтай-Болтай-министр

Готовы, ваше величество, хоть сейчас!..

Долмат

Разговор не о вас!..
Министры, слушать приказ! —
Как свиная персона первая теперь в королевстве особа,
глядеть за ней в оба!
Федоту-стрелку бессменно при ней состоять!
В дальние службы его не посылать!

Будешь, Федот,
давать только мне отчет,—
а министры не в счет,
не гляди им в рот!
Вот!

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Прозаседательская палата.

Министры.

Шалтай-Болтай-министр

Господа министры! Вот уже мы все стула просидели,
проломать успели,
прозаседательскую палату насквозь прокурили,
а насчет Федота-стрелка ничего не решили:
не знаем, как с беспокойным прострелом быть,—
куда его определить.

Алупа-министр

Это точно, много беспокойства
от его геройства!
От молодильных яблок — старух поубавилось.
От палки-самобойки — шишек да синяков прибавилось.
От самопишущего пера из хвоста птицы Моголь —
срамных надписей на заборах не успеваешь читать.
От самопечной печи — блинов
да пирогов
некуда девать...

Бухтан-министр

Свинка —
Золотая щетинка,
нечистая сила,
анбары до крыш золотом завалила...

Шалтай-Болтай-министр. Не на это жаловаться приходится! Старух меньше — так и слава богу! Шишек и синяков больше — так не все же на нашу голову, Надписи на заборах — так случаются и поучительные надписи. Золота прибавилось — так у нас, не у кого другого. Насчет блинов и пирогов, — точно, задумаешься: всех кормить — так лодырей много разведется...

Бухтан-министр. Ну, блины с пирогами — полбе-
ды: в омуты да в проруби можно повыбрасывать...

Шалтай-Болтай-министр. С Федоткой, спрашиваю я вас, что будем делать?! Долмату милей родного брата стал, голову выше неба задрал. Большую забрал силу. С царем Еремеем начнем воевать,—как положиться на чертилу?!

Фалей-министр. О... оо... ооо...

Бухтан-министр. Верно! Хлюсты-скороходы!—нога тут, нога там,—Отставной козы барабанщика доставить!

Хлюсты-скороходы доставляют Отставной козы барабанщика.

Шалтай-Болтай-министр. Фигура!.. Отколь? Отставной козы барабанщик. Из кабака. Алуца-министр. Хорошо ли, теребень кабацкая, потчевали?

Отставной козы барабанщик. Хорошо, да плохо.

Бухтан-министр. Это как же?

Отставной козы барабанщик. Сперва вином, опосля помелом.

Шалтай-Болтай-министр. А кликните Запленного мастера!

Бухтан-министр. Да естествоиспытательные приборы не забыть!

Хлюсты-скороходы вводят Запленного мастера. За ним вносят клещи, жаровню, батоги и пр.

Шалтай-Болтай-министр. Видишь, братец, эти причиндалы?

Отставной козы барабанщик. Т... так... т... очно!..

Шалтай-Болтай-министр. А догадываешься, братец, какая от этих причиндалов тебе польза?

Отставной козы барабанщик Н... ик... ак... нет!

Шалтай-Болтай-министр. Так слушай. Существует неизвестный по имени-прозвищу стрелец-удалец... и тому стрельцу-удальцу жизнь надоела... а как ее окоротить, не хватает ума-догадки...

Отставной козы барабанщик. У него?

Шалтай-Болтай-министр. У него. Вот ты за него, пока причиндалы эти будут на тебе пробовать, и подумай.

Отставной козы барабанщик. Прошу причиндалы отставить: уже подумал.

Шалтай-Болтай-министр. Доложи.

Отставной козы барабанщик. Господа винистры! Известно мне, что неизвестный по имени-прозвищу удалой стрелец, именуемый-прозываемый Федотом-стрелком, заимел женку Аксенку — красоты беспримерной и неподобной. Спрашивается у вас: почему такая несусветная красота не при Долмате-короле состоит?

Шалтай-Болтай-министр. Правильный сделал вопрос, теребень кабацкая! Изволь сам и ответить: чтоб красавицу к месту пристроить, неизвестного стрелка надо же куда-нибудь деть, а куда? Об этом речь с тобой ведут!

Отставной козы барабанщик. Чего лучше: такую службу ему дать, в такое отдаленное место услать, откуда обратного пути Федоту не найти.

Шалтай-Болтай-министр. Вот и дурак! Такого места больше нет, все места им обхожены. Стало быть, придется тебе для просвещения мыслей причиндалов испробовать...

Отставной козы барабанщик. Погодите, сейчас доложу!..

Шалтай-Болтай-министр. Доложи.

Отставной козы барабанщик. Пускай Долмат-король велит ему пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

Министры (в один голос). Ах ты, курицын сын! Придумал!

Алупа-министр. Придется тебе чарочку поднести!

Отставной козы барабанщик. Выкушаю.

Алупа-министр. А вторую?

Отставной козы барабанщик. И вторую выкушаю.

Фалей-министр. О... оо... ооо...

Бухтан-министр. Отпустит ли Долмат стрелка?

Алупа-министр. Ради Аксенки — стрелковой женки отпустит! Он на красоту лаком.

Бухтан-министр. Тут заодно и тебе, прохвосту, служба: будешь при Федоте-стрелке в соблюдатаях состоять.

Отставной козы барабанщик. Господа винистры! Лучше причиндалы попробуйте, чем такую мне должность давать!..

Бухтан-министр. А мы и то и другое!.. Мастер, приступай к рукоположению!

Пустолай-пес (*в окно*). Гав-гав-гав!.. Золото за Свинкой — Золотой щетинкой пора подчищать! Всю будку мне завалила!

Министры хватаются за лопаты.

ПЯТАЯ КАРТИНА

Сторожка за околицей. Ночь за окном.

В горнице Федот-стрелок и Аксенка. Федот-стрелок в дорожном снаряжении.

Аксенка. «Не знаю, куда...» «Не знаю что...» Хитро придумали!

Федот-стрелок. Черт им придумал!

Аксенка. Тут я, Федотушка, не помощница тебе! И никто не поможет. Мог бы помочь дядя мой — чудовых дел мастер Урза-Мурза, да он на меня гневается, обучил меня разным премудростям, а я обернулась Горлицей и улетела, не захотела при нем состоять.

Федот-стрелок. Значит, дело мое — труба! Ну да, авось обойдусь и без Урзы-Мурзы! В каких переделках ни бывал, доселе не пропал!

Аксенка. Разве повиниться? Не сменит ли Урза-Мурза гнев на милость? Да как его найти? Он невидимка и не живет на одном месте. Весь свет пришлось бы облетать.

Федот-стрелок. Легко сказать: весь свет облетать! Мне же ни свет, ни заря в путь... Ни свет, ни заря уже и есть: последние петухи поют.

Аксенка (*машет ширинкой в окно*). Кш, горланы!..

Петухи внезапно умолкают.

Федот-стрелок. Эх, плюнул бы на Долмата и служить бы ему не стал, кабы знал, куда деться!

Аксенка. Вот так-то и я: от Урзы-Мурзы улетела — а теперь и пожалела!

Федот-стрелок. Мне-то чего жалеть! Жалеть нечего — да уйти некуда! А то бы вместе с тобой... Еще-то, женушка, у меня кручина: дознаются охальники-начальники про твою красоту беспримерную — что тогда будет?!

Аксенка. Об этом, Федотушка, не сокрушайся, — не такая я птица, чтоб меня поймать в силки али в клетку!

Федот-стрелок. Силки-то, они бывают серебряные,
клетки — золотые! Попадешь — не вырвешься!
Аксенка. Пускай других ловят!

Федот-стрелок

А и Долмат —
хорош ухват.
А и министры
на эти самые дела быстры.
А и королевская дворовая жизнь — она сладкая,
а и ваша сестра на сладкое падкая...

Аксенка

А и дурак ты, Федотушка!

Федот-стрелок
(*радостно*)

Верно ли — дурак?

Аксенка

Не сумлевайся.

Федот-стрелок

Спасибо тебе на добром слове, женушка! Одна кручина
с плеч долой — вот и легче стало!..

Да что! Семи бед не бывать,
одной не миновать!

Прощай, женушка, жди, — авось не пропаду!
Скоро ль, не скоро ль, к тебе приду!

Аксенка

Прощай, Федотушка! И впрямь тебе пора со
двора!

(*Машет платком в окно.*)

Пойте, певуны!

Петухи разом запели, — окно посветлело.

Вот тебе, муженечек,
моя ширинка — шелковый платочек!
Сама вышивала,
не ждала, не гадала,
что тебе пригодится.

Слушай, беда приключится,
навалится горой
печаль-туга порой —
ты шириночку вынь, утрись — и туга твоя пройдет,
ко мне перейдет...

Федот-стрелок

Это как же? — со своих плеч сложить,
на твои положить?
Плоховато рассудила, жена! —
Не с дурного ли сна
встала,
что заговариваться стала?

Аксенка

Полно пререкаться нам, что ли!
Не жена ли тебе я по доброй воле,
по своей охоте, не по неволе? —
Не все ли нам
делить пополам?

Федот-стрелок

Ии ладно, жена, низкий тебе поклон!
Да гони меня вон! —

Слышу, загомосился в сениях Отставной козы барабанщик,
теребень кабацкая, что приставлен меня соблюдать.

Отставной козы барабанщик (*просовывает
в дверь морду, обвязанную пестрым платком*). Тут я, тут,
добрый молодец, не сумлевайся!

Федот-стрелок. Повремени!

Отставной козы барабанщик. Времени для
повременения нету: петухи заутреню поют. Опять же, ор-
ганизма моя заведена на полный ход: видишь, маховики
и шатуны подвязывать пришлось, чтобы остановить... (*По-
казывает ногу коленом на деревяшке и подвязанную че-
люсть.*)

Федот-стрелок. Это кто же тебя?

Отставной козы барабанщик. Винистры под-
правили дорожные статьи и приметы личности.

Федот-стрелок. Да, рожество на удивление!.. Ну,
пойдем! Не провожай, женушка!

Аксенка. Только до перекрестка!

Выходят. Петухи поют напрапалую. Вбегает в полуоткрытую дверь
Пустолай-пес, обнюхивает углы и выбегает. Следом входит
Долмат в сопровождении министров и стражи.

Шалтай-Болтай-министр. Стража! Располагайся по стенке!

Долмат. При явлении девицы на красоту ее, каше-глоты морские, не заглядываться! Как войдет, рыла в стену!

Куролес-петух (*вскочил на порог*).

Ку-ка-реку!

Дверь не на крюку —
вор в дом!

Гони помелом!

Стукни колом! —

Поделом

дураку!

Ку-ка-реку!

Долмат. Тьфу, чертогон! (*Ловит Куролеса.*)

Куролес-петух (*выскочил в сени, — с порога*). Вот лоботряс! — полхвоста выдрал! Всех кур теперь насмешу!

Входит Аксенка. Долмат хоронится за печь.

Бухтан-министр (*страже*). Рыла!

Аксенка. Что за гости неожиданные-незванные?

Шалтай-Болтай-министр. Ай не узнаешь королевских слуг?

Аксенка. За каким рожном к мужней жене пожаловали?

Шалтай-Болтай-министр. За таким рожном, что красота твоя повсеместное оглашение получила и Долмат-король сам пожелал просмотр ей сделать.

Аксенка. Поставил бы новые ворота да и смотрел!

Бухтан-министр. О новых воротах лишнего, красавица, не болтай! А приводи в порядок свою амуницию — и того...

Фалей-министр. М... мм... ммм...

Бухтан-министр. Вот именно: маршируй на королевский двор.

Аксенка. Ужли я такой ополоумной стала, чтоб моего Федотушку, ясна сокола, на воронье пугало променяла?!

Шалтай-Болтай-министр. Говори, красавица, да не заговаривайся! Вороньи пугала могут незримо тут находиться... Что касася Федота-самострела, его ты не жди: отправлен в столь отдаленные места, что вер-

мется через тыщу лет — ты к тому времени старухой станешь!

Аксенка. Ухватом, что ли, мне вас попотчевать?

Долмат (*не выдержав, выскочил из-за печи*). Министры! Дурбаны! Хватай ее!..

Аксенка. Тыфу, леший!.. до смерти напугал!

Долмат. Волоки ее на королевский двор!

Бухтан-министр. Стража! На выволочку!

Бросаются на Аксенку, которая, вырвавшись из рук, обернулась в Горлицу.

Долмат. Двери! Двери, ротозей!..

Фалей-министр (*подпрыгнув, ловит Горлицу*). к!.. кк!.. ккк!..

Бухтан-министр. Клетку!

Долмат. Как же ты смела, крамольница, обернуться Горлицей! И как нам с тобой теперь быть?!

Шалтай-Болтай-министр. А пускай в клетке посидит, авось надоест! Как захочет красавицей стать снова, тогда и выпустим!

Куролес-петух

(*в дверях*)

Ку-ка-реку!

Слыхал на току —

шум в дому!

Кому

голову сыму

на скаку?!

Ку-ка-реку!..

Алупа-министр (*подкравшись, накрывает Куролеса решетом*). Аминь!

Допелся, башка,
до печного горшка!

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Сильно дремучий лес. Пробираются через чащу Федот-стрелок и Отставной козы барабанщик.

Отставной козы барабанщик (*ковыляет на деревяшке за Федотом-стрелком*). Придержи прыть, забубенный стрелок! Отстать могу!

Федот-стрелок. Твое дело! Я тебя к пяткам своим не привязывал!

Отставной козы барабанщик. А кого я соблюдать должен?

Федот-стрелок. Что ж, соблюдай!

Отставной козы барабанщик. Говорят тебе, не поспеваю!

Федот-стрелок. Так отдыхай.

Отставной козы барабанщик. А ты — давай бог ноги?

Федот-стрелок. Понятно!

Отставной козы барабанщик,
видать,
черт тебе не брат:
прешь
напролом, куда попало,
и горя тебе мало!
Башку свернешь —
не станешь тужить,
была бы торба — куда положить.
А мне моя башка
пригодится для кабака...

Федот-стрелок

Положись на меня:
потеряешь эту — сделаю новую —
хочешь, дубовую,
хочешь, из гнилого осинового пня.

Отставной козы барабанщик

Господи, связался младенец с чертом!..
Погляди, поводырь:
с голову на пятке буддырь...
Какова чащоба! Каков дуrolом!
Отроду не видывал такого чертоlesья!
Федотушка, сокол, не лезь напролом,
лучше обратно пойдем!

Дубы

(сомкнувшись, заступают дорогу)

Нет
ходу!

Федот-стрелок

Мне — по прямой!

Ели
(заступают дорогу)

Ходу
нет!

Федот-стрелок

Пройду стороной!

Березы и осины
(заступают дорогу)

Ни по прямой,
ни по кривой!
Ни вперед, ни назад!

Федот-стрелок

Дубочек-брат!
Елочки-сестрицы!
Березки, осинки, балавницы!
Полно озорничать!

Отставной козы барабанщик
Вот где нам пропадать!

Федот-стрелок

Дятлы как расстучались!
Отставной козы барабанщик
Какие дятлы! — зубы у меня стучат!
С полдюжины уже сломалось!
(Выплевывает зуб за зубом.)
Страх не свой брат!..
Вот и ручей потек —
посторонись малость!

Федот-стрелок

Откуда поток?!

Отставной козы барабанщик. Из меня же: потом прошибло... Придумывай скорей что-нибудь, — не хочу из-за тебя пропадать!.. Это кто еще?!

Л а с к о в ы й г о л о с
(поет)

Пришел молодец в густые, в темные леса,
забрел молодец в дремучую дубравушку.
Огляделся: поляночка, на поляночке пень, —
присел отдохнуть и раздумался:
кого-то я встречу в дремучей дубравушке?
Кого-то я встречу в темных лесах?
а встречу я тут, добрый молодец,
не матушку, не сестрицу, не женушку —
встречу я тут, добрый молодец,
свою смертушку, свой последний час...

Ф е д о т - с т р е л о к . Кто поет?

Л а с к о в ы й г о л о с . Я . Поющее Дерево.

Ф е д о т - с т р е л о к

И такие есть?
В какие леса привелось забрести, —
пропадай моя голова! —
говорящие деревья!
ходячие деревья!
поющие деревья!

О т с т а в н о й к о з ы б а р а б а н щ и к
Ну тебя, певун-дерево! Лучше не пой,
чем петь про такое... Ой-ой!..
Без тебя страхов полон рот!..
Что придумал, Федот?

Ф е д о т - с т р е л о к

Братцы, сестрицы, не хотите пустить —
придется вас порубить!
(Вынимает из-за пояса топорик.)

О с и н ы

Ой, сестрицы-березки, спасайте!
(Падают одна за другой.)

Б е р е з ы

Братцы-дубки, в обиду не дайте!

Федот-стрелок знай рубит. Выходит, раздвинув дубы, В е р з и л а
непомерного роста.

Верзила. Здорово, молодец!

Федот-стрелок (*перестал рубить*). Здравствуй, неведомо кто!

Отставной козы барабанщик (*взглянув на верзилу*). Ох!.. (*В страхе падает на кочку*.)

Верзила. Ты что же мои деревья рубишь?

Федот-стрелок. Не дают мне пути.

Верзила. Что же, думаешь всех порубить?

Федот-стрелок. Надо будет — порублю.

Верзила. За удаль хвалю! Только, молодец, работы будет много, скоро устанешь!

Федот-стрелок. А устану, отдохну. Шириночкой пот со лба утру и опять начну. (*Вынул из-за пазухи шириночку; утирает лоб*.)

Верзила. Узнаю шириночку: сестренкой моей Аксенкой выпита, ее рукодельице.

Федот-стрелок. Твоей сестренкой — моей женошкой. Вишь ты, где родню встретить довелось! Как звать тебя, зятек?

Верзила. Зовут меня просто: Вертодубом.

Федот-стрелок. Подходящее имечко!

Вертодуб. Стало быть, айда, зятек, к моей матушке — к твоей Кудесной теще пироги есть!

Федот-стрелок. И зятю рад, и теще рад, и пирогам рад — только это чертолесье-куролесье повырубить надо, путь проложить.

Вертодуб. Ни к чему рубить! (*Взмахнул дубинкой*.) А ну расступись, чащоба! Расстелись, дорога, к матушкину дому!

Деревья разбегаются, открывая дорогу.

По этой дороге пойдешь, зятек, —
иди все прямо да прямо, не сворачивая вбок.
Пройдешь мимо Кашеева царства,
мимо Черепенского царства,
мимо Шемаханского ханства,
мимо Сарацинского королевства,
мимо Нуженского королевства —
и увидишь хоромы на болоте: на кочке жаба крихтит,
на крыше аист-птица трещит,
из трубы дым коромыслом валит,
на крыльце твоя Кудесная теща сидит,
волосы чешет, вшей казнит.

Федот-стрелок

Найти нетрудно!

Вертодуб

А я тут задержусь,

чащобой займусь:

тесно стало, —

надо мало:

сломать полтораста полуторастолетних дубов,

да сто столетних дубов,

да пятьдесят пятидесятилетних дубков.

Небось про тебя не забуду:

раньше тебя дома буду,

обойду лес задами,

упрежу матушку с пирогами.

(Уходит, помахивая дубинкой, наполняя лес шумом.)

Отставной козы барабанщик *(выходит из-за кочки)*. Экой верзила стоеросовый!..

Федот-стрелок. Ветер от тебя идет — так трясешься! Эх, наблюдатель! Бросить бы тебя тут — да жаль: все-таки вроде человека!

Отставной козы барабанщик. Хоть бросай — дорога прямая: по твоим следочкам поковыляю. Как-нибудь добреду до тещиных пирогов... Авось не все умнешь!..

Федот-стрелок

Не о пирогах моя думушка:

как там моя женушка?

Весело ли живет, хорошо ли поживает?

По-девичьи ли, по-вдовьи ли?

в добром ли здоровье

пребывает?

Что шьет, вышивает?

По праздничкам ли, по будням ли меня поминает?

Наяву ли, во сне ли

скучает обо мне?..

Что-то мое сердчишко беспокойно стучит,
об ней болит!

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Хоромы на болоте.

На крылечке Кудесная теща. Сняв голову с плеч, чешет косы и ищет в голове.

Вертодуб (*вносит охапку дубов*). Матушка, надевай голову на плечи да пироги в печь мечи: сейчас новоявленный затышка прибудет.

Кудесная теща. Важный госты! — и сухариков с водицей покушает!

Вертодуб. Аль с левой ноги встала, матушка? Что так сердита?

Кудесная теща. У меня обе ноги левые.

Вертодуб. Разве что так! Ну, снесу дубки в печь.

Залаял пес, гремя цепью.

Кудесная теща. Молчи, Волколак!

Входит Федот-стрелок. За ним Отставной козы барабанщик.

Отставной козы барабанщик. Батюшки свежие! Из огня да в полымя! Тот верзила хоть голову на указанном месте носит!.. Не вздумала бы чертова колотовка и меня таким способом причесать! (*Хоронится в собачью конуру.*)

Федот-стрелок. Здорóво, теща! Много ль зверя в муромских лесах? Хороша ли охота?

Кудесная теща (*отряхивает гребень, надевает голову на плечи, — грозно*). Откуда нелегкая неожиданного зятя нанесла? По каким делам пожаловал? Али жизнь надоела? Так в болоте у меня еще место есть! — ради родства поглубже выберу, помягче мохом да ряской выстелю...

Федот-стрелок

Нехорошо, теща, зятя принимаешь!

Порядков не знаешь!

Пожалуешь ко мне в гости, не так тебя встречу:
учтивым словом, ласковой речью привечу,
в баньке твои косточки попарю,
рогожку дам — утереть харю,
накормлю-напою чин чином,
спать уложу под тыном...

Кудесная теща. Не робок, зятек! Учлив, зятек!.. Ин ладно! Входи в дом. Употчую — предоволен останешься.

Федот-стрелок. Спасибо, разлюбезная теща, взойду! Только долго гостить не буду.

Кудесная теща. Что так?

Федот-стрелок. Служба королевская, как дурная голова, покоя ногам не дает!

Кудесная теща. Может, я твоим ногам помогу?

Федот-стрелок. Поможешь — зови к пирогу, окажу тебе честь-почет!

Кудесная теща. Сказывай, какая служба.

Федот-стрелок. Пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

Кудесная теща. Какая шкура барабанная несусветицу эдакую придумала?!

Отставной козы барабанщик, высунувшийся было из собачьей конуры, поспешно прячется обратно.

Сынок Вертодуб, кликни клич по нижнему царству да по верхнему царству!

Вертодуб
(бьет дубинкой в доску)

Го-го-го-го! Звери лесные,
луговые,
полевые!

Го-го-го-го! Птицы небесные!
Сюда бегите!
Сюда летите!

Поднимается несусветный шум от набежавшего зверья и налетевшей птицы.

Кудесная теща

Звери лесные,
луговые, полевые! —
по всем тропам вы рыщете,
все слышите,
все знаете!

Птицы воздушные! —
всюду вы летаете,
все видите,
все знаете!

Покажите добру молодцу, как пойти туда —
не знаю куда,
принести то —
не знаю что!

Звери и птицы
(в один голос)

И мы не знаем!

Кудесная теща
Ступайте по домам!

Звери разбегаются. Птицы разлетаются.

Плохое твое дело, зятек!
Окромя Урзы-Мурзы, моего братца, —
кол ему в бок! —
Некому за это дело взяться.
Да я с ним в ссоре.
в раздоре —
из-за куликового помета
на журавлином болоте.
Да и кватера у него с недавних пор
у черта на куличках, — хитер!
Да и сам он незрим.
Не угнаться тебе за ним!
Совет мой тещинский: воротись домой,
не брезгуй своей головой —
голова-то одна на плечах,
свет один в очах.

Федот-стрелок

Ин ладно!
Совет свой, разлюбезная теща, возьми обратно, —
может, другому пригодится!
С пустыми руками нельзя мне воротиться —
не ради службы королевской,
ради чести удалецкой.

Кудесная теща. Так сам о голове своей думай! Дорогу к черту на кулички я тебе укажу, а там на свою удаль-удачу положишься. Счастье да удача тому, кто удал, помогают... Пойдем покада пироги рушить.

Вертодуб. И товарища своего зови, — пирогов хватит.

Федот-стрелок. Товарищу моему способней в собачьей конуре. Да и мне засиживаться не след: женушка, поди, меня заждалась, обскуталась!

Кудесная теща. О женке своей, дочке моей, не печадься, не думай. Хочешь весточку ей о себе подать, снарядим голубка-летуна али мышку-поземку.

Федот-стрелок. В ножки тебе поклонюсь, свет теща!

Кудесная теща. Кланяйся, да и в дом заходи!

Идут в дом. Отставной козы барабанщик сунулся было из собачьей конуры, но, заслышав рычание Волколака, попятился. Заквакала на болоте жаба. Застучал на крыше аист.

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

У черта на куличках.

Опять Федот-стрелок и Отставной козы барабанщик.

Федот-стрелок. Вот, брат, и очутились мы у черта на куличках! А ты опасался: не дойдем! Еще как дошли!

Отставной козы барабанщик. Будь ты неладен! Что же ты делаешь со мной?! Что ты делаешь, чертов кум?! Куда привел?! Глаза раскрыть боюсь... зубом на зуб не попадаю... Хорошо еще, что зубов мало осталось!.. Все прежние страхи в полстраха!

Федот-стрелок. Насчет страхов — не знаю. А насчет местиска — твоя правда: хуже нечего ждать!

Отставной козы барабанщик. Какая местность, а?! Трава растет — железная. Дубы стоят — каменные. Вода течет — полынная. Зверье — не то зверь, не то птица, не то совсем небылица. Птицы — невесть что: еж крылатый, уж летучий, ворона семиголовая с жабыми головами...

Федот-стрелок. Местность, точно, неприятная. Да ведь не я за тобой — ты за мной увязался.

Отставной козы барабанщик. Главное: пищи душевспасительной нет. Ягоду найдешь — либо булыжная, либо свинцовая, либо горячим угольком во рту оборачивается. Гриб ешь — а он, подлец, иглами в язык впивается. Лягву попробовал скушать — выпрыгнула, чуть нутро не разорвала...

Федот-стрелок. В какой трактир пришел, такого кушанья и требуй.

Отставной козы барабанщик. Не у всех же медное брюхо, как у тебя! Говорю тебе: вернемся назад, пока не поздно... Вот что: отпущу я тебя из-под наблюдения, дай мне выкуп по своим средствам — и ступай, куда хочешь, хоть к царю Еремею. А я где-нибудь в мышиной норке схоронюсь, буду существовать в тишости.

Федот-стрелок. Эх ты, соблюдаately!.. Как же я могу к царю Еремею перебежать, когда я присягу Долматукоролю давал?

Отставной козы барабанщик. Присягал Долмату по доброй воле, по своей охоте?

Федот-стрелок. Тоже спросил!

Отставной козы барабанщик. А коли по неволе, присяга твоя не в счет. Наплюй и в ус не дуй!

Федот-стрелок. Ты научишь, теребень кабацкая!

Отставной козы барабанщик. Научу! Самого учили — ни одной статьи в телесном составе не поврежденной нету!.. Тебя, думаешь, зачем винистры услали? — чтоб черти тебе шею сломали! По моему же совету, — я для винистров трудился.

Федот-стрелок

Чем похвалился!

Отставной козы барабанщик

Так мой промысел — пакостные советы давать!

Говорят: «Опасаемся, нос стал задирать, чертила!

Опять же, красой несусветной обзавелся, мурзила:

Королевский кус — не по его рылу!

Надо, говорят, окоротить стрелка, услать,

Куда вóрону не залетать...»

Вот они, твои винистры!

На пакости горазды, умом не быстры.

Кому же, как не мне, совет было дать?

Федот-стрелок

Мало голову, тебе, советчику, оторвать!

Отставной козы барабанщик. Так я же не по доброй воле: естествоиспытательными способами подвигнут...

Федот-стрелок. Знал бы я, что Долмат с министрами таковы стервецы, я бы и присягать не стал!

Отставной козы барабанщик (*хватаясь за живот*). Ой, в брюхе что делается! Железо гремит, камушки стучат, свинец свинным салом топится, чугун плавится, угольки разгораются! Спасите, люди добрые!..

Федот-стрелок. Не хнычь! Некому спасать!

Отставной козы барабанщик. Значит, крышка нам! Каюк! Амины!

Федот-стрелок. Вот еще медных желудей попробуй, если каменные надоели! (*Срывает желудь с дуба.*) Что за диво: рог золотой на дубе, на самой верхушке! Как туда попал?

Отставной козы барабанщик. Черт закинул! — В этакое поднебесье человеку не залезть!

Федот-стрелок. Погоди, достану.

Стреляет — на землю падает ветка дуба с рогом.

Заиграл на рожке.

Голос. Приказывай, хозяин!

Федот-стрелок (*перестал играть*). Ты что?

Отставной козы барабанщик. Я — ничего.

Федот-стрелок. Мне слышался твой голос...

Голос. Это мой.

Федот-стрелок (*смотрит по сторонам*). А ты кто?

Голос. Урза-Мурза. Слуга твой.

Федот-стрелок. Нигде не вижу!

Урза-Мурза. Понятно: я же невидимка. Нешто тебе не сказывали?

Федот-стрелок. Как же нам разговаривать, когда ты невидим?

Урза-Мурза. Разговор со мной короток. Только поклещь: Урза-Мурза! — и приказывай: «Пойди туда — не знаю куда, принести то — не знаю что!»

Федот-стрелок. Ой ли?! Так я за этим и пришел! Как ты догадался?

Урза-Мурза. На золотом моем рожке ты сыграл — вот и хозяином моим стал. Теперь, чтоб ни задумал, только поклещь меня — и все, что задумал, сделается.

Федот-стрелок. А ну попробую! Урза-Мурза!.. Задумал!

Невидимые руки вносят стол и устанавливают его штофами, скородами, противнями, мисками.

Молодец, Урза-Мурза! Угадал!.. Садись и ты за стол, Отставной козы барабанщик! Пей, теребень кабацкая! Ешь, соблюдай!..

Отставной козы барабанщик. За мной дело не станет! Нет лучше житья, как вволю питья! Да и еда — не беда! (*Накинулся на питье и еду.*)

Федот-стрелок. На питье-еду ты горазд!.. Да и на пословицы, кажется!

Отставной козы барабанщик. Слушай, не перебивай! Умные люди еще говорят: «Чарка на чарку — не палка на палку», — опять же: «Чарку пить — здраву быть», — опять же: «Человек не скотина — больше ведра не выпьет», — опять же: «Просторно брюхо — ешь по уху», — опять же: «Мельница сильна водой — человек едой», — опять же... *(Каждую пословицу сопровождает чаркой либо куском.)*

Федот-стрелок. Пословиц твоих не переслушаешь!

Отставной козы барабанщик *(хмеля)*. Пословицы что! — на пакости я мастер! Ох, брат, какой я пакостник! Первое мое удовольствие — пакость сделать... Ты не думай, что это простое дело: пакость сделать. Каждая пакость свою пробу имеет. Бывает пакость золотой пробы, а бывает и медной или, допустим, оловянной. Благородный пакостник пакость делает с разбором: чем пакость пакостней...

Федот-стрелок. Тьфу! Слушать не хочу!

Отставной козы барабанщик. А ты слушай! На пользу тебе говорю...

Федот-стрелок. Вижу, употчевался, — лыка не вяжешь...

Отставной козы барабанщик. А и правда! Эх, брюхо, брюхо! Не угнаться тебе за оком! Ох, душа, душа! По малой мерке тебя кроили!.. Сыграть на роге, что ли, да и от стола отваливаться?! *(Протягивает руку к золотому рогу.)*

Федот-стрелок. Какой ты игрец!

Отставной козы барабанщик. А вот послушай! *(Играет.)*

Урза-Мурза. Приказывай, хозяин!

Федот-стрелок. Что ты! Я тебя не звал.

Отставной козы барабанщик. погоди, не с тобой говорят! Урза-Мурза! Действуй!

Невидимые руки схватили Федота-стрелка, вяжут.

Федот-стрелок. Урза-Мурза! Ты что?! Да ты что?! Рехнулся?! Зачем меня вяжешь?!

Урза-Мурза. Такой приказ.

Федот-стрелок (*которого тем временем приковывают цепью к дубу*). Нешто я с пьяных глаз такой дурацкий приказ тебе дал? Так я же и не пьян!

Отставной козы барабанщик. Простофиля! Рогом кто теперь владеет?! По правилу, Урза-Мурза, поступаешь! К дубу, к дубу его! Тут тебе, удалой стрелок, век вековать!

Федот-стрелок. Не шути, теребень кабацкая! Осерчаю!

Отставной козы барабанщик. Серчай, сделай милость!.. Левую ручку, так и быть, ослобожу: чтоб мог каменный желудь сорвать. Давай мы так: я буду чарочку испивать — ты каменными желудями заедать. Я — чарочку, ты — желудь. Я — чарочку, ты — желудь... (*Опрокидывает чарку за чаркой.*)

Федот-стрелок. Подойди поближе, чтоб я мог тебе в харю плюнуть.

Отставной козы барабанщик. Ни к чему! Зря обижаешься, стрелок! Я же тебя упреждал насчет подлости... Упреждал или нет? То-то же! А ты не хотел меня слушать!.. Теперь вот я лягу вздремнуть часок... потому что душа ничего, подлая, больше не принимает... А ты постой под дубом! Урза-Мурза! Перин, пуховиков стлать не надо: привычен спать под столами... (*Растягивается под столом.*) Рог, однако, под голову положу!.. Ох, душа, душа!.. (*Захрапел.*)

Урза-Мурза (*обнаруживает себя вздохом*). Экой свинье довелось служить!

Федот-стрелок. Неужто из свиного повиновения не можешь выйти?!

Урза-Мурза. Не могу. Такой мне закон положен. Теперь моя сила — не моя. Букашке, тле — и той буду служить, ежели власть надо мной взяла.

Федот-стрелок. Значит, мое дело — табак! Очень уж пакостному человечку в руки попался!

Урза-Мурза. Не взыщи.

Федот-стрелок. Стало быть, тут мне от пакостной твари пропадать! Не от горы, не от кручи — от навозной кучи! Женушки моей — Горлилки напоследок не придется повидать! Шириночкой ее — шелковым платочком не придется лоб утирать! Эх, шириночка-ширинка, дорогой подарочек! Разлюбезная моя тебя вышивала, подрубливала, пальчики себе иглой накалывала... Ах ты, злодейка иг-

ла, как смела, греховодница-колобродница, колоться! Не было меня о ту пору, я бы с тобой, баловницей-озорницей, рассчитался по-своему!.. *(Утирается вынужтой из-за пазухи ширинкой)*.

Горлянка *(села на дубе)*. Вот где ты, Федотушка, ненаглядный сокол! Все леса облетела, все доли, все горы обрыскала, насилушки тебя нашла!

Федот-стрелок

Ты ли это, птица-Горлица? Ты ли это, мое чудо?!
Где без меня витала?
Как без меня живала?
Хорошо или худо?

Горлица

В неволе лихой,
в клетке золотой.
Ты мне голубкѣ-летуна да мышку-поземку прислал:
голубок сам в беду попал,
мышка перегрызла в клетке прут —
и вот я тут.
Да кто же так тебя разуважил?! Злодей!

Федот-стрелок

Дяденька твой Урзила-Мурзила,
нечистая сила!

Горлица

Ах, он проклятый! Ах, лиходей!
(Обратилась в Аксенку, ударившись оземь.)

Урза-Мурза. Здравствуй, племянница! Давненько не гащивал!

Аксенка. Ты тут?! Что же ты бесчинствуешь, старый охальник? Мужа моего в железа взял!

Урза-Мурза. Не по доброй воле — по приказу: сам в кабалу попал.

Аксенка. Дяденька Урза-Мурза! Подсоби цепи-веревки снять!

Урза-Мурза. И не пробуй, и не старайся. Ни ты, ни я, никто, окромя Отставной козы барабанщика, не в силе это сделать.

Аксенка. Так ведь он спит, волчья сыть!

Урза-Мурза. Спит, а рог под головой, береженный пес, держит!

Аксенка. Твой золотой рог? Как же ты, дяденька Урза-Мурза, такой бесценной вещи не уберег?

Урза-Мурза. Муженьку своему попений: звон с какого сука сбил — с поднебесья, почитай.

Аксенка (*пробует взять рог из-под головы Отставной козы барабанщика, тот заворочался и заворчал во сне*). Терebenь кабацкая, эй! Вставай похмелиться!

Отставной козы барабанщик (*пробует встать*). Где моя чарка?! (*Тянется к столу.*) Наливай, Урза-Мурза!

Аксенка схватила рог, заиграла.

Урза-Мурза. Приказывай, хозяйка!

Отставной козы барабанщик. Кто моим рогом балуется? Что за красавица? Откудова такая?!

Аксенка. Урза-Мурза!.. Делай, что надо!

С Федота-стрелка разом упали цепи. Невидимые руки подняли высоко Отставной козы барабанщика и начинают раскачивать.

Отставной козы барабанщик. Стойте!.. Стойте, чертогоны!.. Уроните!..

Федот-стрелок. Качай, Урза-Мурза!.. Выше!.. Еще поддай!.. Бросай терebenь кабацкую, да подальше! Чтоб черти костей не собрали!

Отставной козы барабанщик. Балда! Мы и так у черта на куличках — дальше и забросить некуда!.. Ух!.. (*Взлетает к верхушкам дерев и уносится неизвестно куда.*)

Федот-стрелок. Поминай как звали Отставной козы барабанщика!.. А теперь, женушка, дай обниму тебя!

На пальчики погляжу, что шириночку вышивали, из беды меня выручали!

Который из вас тут старшой, самый удалой?

Назовись,

объявись —

золотое колечко для тебя достану,

честь отдавать тебе стану.

Не ты ли, толстячок, первый с краю,

Как тебя звать, не знаю?

Али ты, второй,

с виду боевой?

Али середующий, что всех длиннее?

Али безымянный, что всех скромнее?

Али мизинчик мало-мальский,
пальчонка канальский, —
видать, тоже пострел!..
Все-то пальчики сахарные, так бы все и съел!

ДЕВЯТАЯ КАРТИНА

Королевский выгон. Большие кучи золота. На самой большой куче стоит Долмат-король. На меньших — его купленные солдаты.

Долмат. Шапки долой, дурачье! Насыпайте золота в шапки — и с богом! Да как следует воюйте! Завоюете царя Еремея — еще раз каждому по шапке дадут!

Бухтан-министр. Проходи!.. Следующий!.. Проходи!.. Следующий!..

Долмат. Министр полезных и бесполезных советов! Какие вести от ползутчиков о царе Еремее?

Шалтай-Болтай-министр. Ужасается.

Долмат. Понятно. Столько солдат у посторонних, пропившихся-проевшихся держав за это время закупили!

Бухтан-министр. Спасибо Свинке — Золотой щетинке — старается!

Долмат. Да стоят ли купленные солдатики свиных денег?

Министры. Мужественно маршируют, ваше величество!

Долмат. То-то от топоту стены трясутся! Царь Еремей Про Себя Разумей, поди, уши затыкает?

Министры. Паклей, говорят, уши заложил.

Долмат. Насчет золотого припасу как у нас?

Шалтай-Болтай-министр. Чем больше расходу, тем больше приходу.

Алупа-министр. Хоша царь Еремей Про Себя Разумей куражится: дескать, бог не выдаст — свинья не съест, — однако, врет он: свинья — она съест.

Долмат. Подать мне подозрительную трубку! Посмотрю сам, что на войне делается. *(Смотрит в трубу.)* Что за притча! Почему купленные солдатики без шапок?

Шалтай-Болтай-министр. Дозвольте и мне одним глазом взглянуть? *(Смотрит.)* Бегут!.. Бегут купленные солдатики! И шапки побросали!

Долмат. Да как же они смеют!.. Деньги за них пла-

чены — а они бегут!.. Хлюсты-скороходы, заарканить одного бегуна!

Бухтан-министр. Да это никак дворовые скоты?!

Пробегают мимо Бодай-бык и Бегунец-жеребец, за ними Пустолай-пес.

Долмат. Куда?! Куда?! Взабесились, черти?!

Бодай-бык и Бегунец-жеребец. Ну тебя к шу-ту! Не задерживай!.. Му-у!.. И-го-го!..

Долмат. И ты бежишь, Пустолай — верный пес!..

Пустолай-пес. Бегу!

Долмат. Как же так, Пустолаюшка: неужто меня бросаешь?!

Пустолай-пес. А ты думал: я глупее других? Гав!.. гав!.. гав!.. *(Убегает вслед за Бодай-быком и Бегунцом-жеребцом.)*

Бухтан-министр. Ваше величество, доставили бегуна!

Хлюсты-скороходы вводят купленного солдатика.

Долмат. Куда бежал, сякой-такой?

Купленный солдатик. Куда глаза глядят, твое величество!

Долмат. Да шапку-то зачем бросил? Казенное, чай, омундирование!

Купленный солдатик. До шапки ли, когда по шапке дали!

Долмат. Да кто?

Купленный солдатик. Да царь Еремей Про Себя Разумей!

Долмат. Да как же он?!

Купленный солдатик. Да очень просто: нахлестывает да приговаривает, леший его не возьмет: «Не суй, свинья, рыла в чужой огород!»

Долмат. Да где же он находится?

Купленный солдатик. Да сюда приближается!

Долмат. Да в каком смысле «сюда»?

Купленный солдатик. Да эвон — за выгоном, где Свинка — Золотая щетинка пасется!

Долмат. Министры! Тараканьё! Куда побежали?! Меня хотите кинуть на произвол?! Окороти их, купленный солдатик!

Купленный солдатик. Давай задний ход! *(Сбивает в кучу министров.)*

Долмат. Вот, извели, слуги неверные, Федота-стрелка! Ему бы теперь тут быть, а его и нет!

Шалтай-Болтай-министр. Так мы же его услали ради Аксенки-красы!

Бухтан-министр. Во взаимном согласии с вашим величеством!

Долмат. А где она? В птицу оборотиться допустили — и ту мимо рук пропустили! Только и делов, что Куролеса-петуха на королевскую кухню определили, — однако, прожарен был недостаточно, двужилым оказался...

Куролес-петух *(неизвестно откуда)*. Ку-ка-реку!

Долмат. Что это?! Голос Куролеса-петуха!..

Алупа-министр. Ослышались, ваше величество! Куролес-петух — поминай как звали! — в вашем королевском чреве местопребывание нашел!

Куролес-петух
(незримо)

Ку-ка-реку!

Лежа на боку!

В королевском брюхе прею!

Повернуться не смею:

боюсь царя Еремея!..

Долмат *(щупает живот)*. Экое наважденье! Тут подлец!.. То-то меня икота давно донимает... ик!.. Вот разбойник — ик!.. Чтоб ты издох!.. ик!.. ик!..

Фалей-министр. Л!.. лл!.. ллл!..

Долмат. Ловите его, дурбаны!

Министры бегают вокруг Долмата, не зная, что делать с Куролесом-петухом.

Бухтан-министр. Не допекли окаянного! Эх, Алупа-министр!

Долмат

Не допекли! А как его допечь?!

Сесть мне на противень да в печь?!

Был бы тут Федот-стрелок,

Он бы его и недопеченного мог

настичь с одного духа

без поврежденья королевского брюха!

Шалтай-Болтай-министр. До петухов ли, ваше величество, когда царь Еремей приблизился! Дозвольте, ваше величество, лыжи наострить!..

Долмат. Ага! Вы свои шкуры припрячете, и ладно! А мою королевскую шкуру куды деть? Это же не какая-нибудь дерюга!..

Фалей-министр (*тычет пальцем в небо*). С!.. сс!.. ссс!..

Бухтан-министр. Смотрите!

Шалтай-Болтай-министр

Что за диво?! —

на лыжах кто-то по небу раскатился!..

Да как ретиво!

Бухтан-министр

Через облако, через тучу!

С кручи на кручу!

Алупа-министр

Шей не жаль!.. Как бы не разбился!

Фалей-министр. Ф... фф... ффф...

Бухтан-министр. Правда: Федот-стрелок!

Шалтай-Болтай-министр. С Аксенкой-Горлицей в обнимку!

Долмат. Ой ли?.. Озолочу!

Федот-стрелок и Аксенка скатываются на лыжах с облака.

Ты ли, Федотушка-чертушка?!

Федот-стрелок. Ух! Дай перевести дух! (*Снимает лыжи.*)

Долмат. Прибыл?

Федот-стрелок. Прибыл.

Долмат. Откуда?

Федот-стрелок. Оттуда — не знаю откуда.

Долмат. Принес?

Федот-стрелок. Принес.

Долмат. А что принес?

Федот-стрелок. То — не знаю что.

Долмат. Голову мне дуришь! Что ты мог принести, когда тебя черт знает зачем послали!

Федот-стрелок. Черт знает что и принес.

Долмат. Ну, кажи!
Федот-стрелок. А ты чего-нибудь пожелай.

Куrolес-петух
Ку-ка-реку
Надоело лежать на боку!

Долмат. Слышишь, Куролес-петух в моем брюхе поет? Желая, чтобы пел он в брюхе Алуны-министра.

Алуна-министр. Бог милостив, не я его, проклятого, ел!

Федот-стрелок. Урза-Мурза!
Урза-Мурза. Сказано-сделано, хозяин!

Все в недоумении, откуда голос.

Куrolес-петух (*из брюха Алуны-министра*). Ку-ка-реку!

Алуна-министр (*хватается за живот*). Не верьге!.. Не ел я кочета!.. Не смеет он в моем брюхе петь!..

Долмат. Стань подальше — еще послушаем!
Куrolес-петух. Ку-ка-реку!

Алуна-министр (*озлился*). Кость тебе в глотку, дураку! Ваше величество, велите Шалтай-Болтай-министру, не то Бухтан-министру, не то Фалей-министру в петухах ходить!

Фалей-министр. Ч... чч... ччч...

Шалтай-Болтай-министр и Бухтан-министр. Чтоб ты лопнул!

Аксенка. Подпусти, Федотушка, всем им петуха — чтоб никто в обиде не был!

Федот-стрелок. Урза-Мурза!
Все министры разом. Ку-ка-реку!

Долмат. Петухи, кш!.. Ну, Федот, вижу, недаром проходку сделал!.. Да уймись, курогоны!.. Не до петухов! У нас тут, Федотушка, дела сурьезные! Тут я без тебя, осердясь на царя Еремея, войной на него пошел. Что он, в самом деле: столько государств уже с королями, с министрами, со всяким барахлом я закупил, а царь Еремей Про Себя Разумей ни в какую! И не продается, и даром не отдает! Ну не разбойник? Вот и взялся я его уму-разуму научить. И все бы хорошо, да царь Еремей Про Себя Разумей сдуру начал моих купленных солдатиков бить!..

Аксенка. Как же, видели сверху: и в хвост и в гриву задувает!

Долмат. Ты!.. Не птичьего ума это дело! С тобой у меня будет уединенный разговор!.. Так вот, непобедимый стрелок, поскорее умом пораскинь да сообрази, как и что... как, дескать, царя Еремея окоротить.

Шалтай-Болтай-министр. Ваше величество, кука-реку! Чтоб ты издох! Это я Куролесу-петуху!.. Пока Федот-стрелок будет мозгами шевелить, а царь Еремей приближаться, не лучше ли нам восвояси?

Долмат. Стойте! Совсем обостолопели! Федот-стрелок, давай сюда невидимого на все руки мастера!

Федот-стрелок. Урза-Мурза!

Урза-Мурза. Приказывай, хозяин!

Долмат. Дурак! Хозяин теперь я! Приказываю: стать передо мной, как лист перед травой, войску сильнейшему Еремеева!

Федот-стрелок. Урза-Мурза, слышал?

Барабаны. Трубы. Выстрапывается дивное войско с пушками, знаменами, трубачами и барабанщиками.

Министры (*радостно*). Ах! Ку-ка-реку!

Долмат. Министры! Без петухов!.. Оправдал себя, Федот-стрелок! Теперь надевай апалеты, отсылай красавицу ко мне во дворец и становись хвельмаршалом! Царя Еремея надо окоротить, царство его пылью по ветру пустить, чтоб о нем и памяти не осталось!..

Аксенка. Экой безмозглый! Нешто в Еремеевом царстве людей нет? А ты хочешь их в пыль!

Долмат. Как ты сказала, такая-растакая, анафемская баба?

Аксенка. Аль оглох?

Долмат. С кем разговариваешь, этакая-разэтакая, чертова баба?..

Аксенка. Забыл, как тебя, дурака, звать, что спрашиваешь?

Министр. Ах, ты!

Фалей-министр. П... пп... ппп...

Бухтан-министр. Из пушки надо тобою выстрелить!

Долмат. Федотка! Из пушки ею выстрели! Слышал, как со мною разговаривает?

Федот-стрелок. Пушкари! Волоки сюда самую большую пушку!

Кудесные солдаты выкатывают пушку.

Долмат. Не мала ли дыра? Глядишь, не влезет! Шалтай-Болтай-министр. Поместится, ваше величество! Не велика птица!

Алупа-министр. Только ты в другую сторону пушку ртом поворачи: к полю!

Федот-стрелок. Пушкари! Целься: во всю королевскую шайку!

Долмат. Что ты!.. Да что ты!.. Да как ты смеешь такие шутки шутить? До шуток ли, когда царь Еремей Про-Себя Разумей на носу?..

Федот-стрелок. Царю Еремею тут и делать нечего будет!

Долмат. А присяга?! Забыл, что солдат?

Федот-стрелок. Доброго солдата выбирают, а не покупают!

Долмат. Эк, пословицу вспомнил!

Федот-стрелок. Эта не по душе, могу другую. «Не век солдату в дураках ходить, ноги собьешь!»

Долмат. Того чище!.. Вот мурло — его хвельмаршлом ставят, а он с пословицами пристал! Вспомни тогда третью: «Солдатская голова — что под косой трава». Велю сей же час голову тебе срубить!..

Федот-стрелок. Пушкари! Пали!

Пушка выстрелила. Когда дым разошелся, ни Долмата-короля, ни министров не стало.

Аксенка. Пустое место! Только пыль подмести!

Федот-стрелок. Отпускаю тебя на волю, Урза-Мурза: бери свой рог и ступай на все четыре стороны! Без тебя подметем!

СОДЕРЖАНИЕ

I

Клыккан	8
Повар	26
Партизанская разведка	34
Рецепт	42
Крылатая свинья	50
О славном прусском короле Гильтерусе... . .	58
Барабаны и флейты славы	70
Мухаммед, покупающий несчастья	92
Ють-Уянтай — нежная, как молоко	120
Летающее Вишневое Дерево	144

II

Стрелок Федот и король Долмат	156
---	-----

Андрей Павлович Глоба

СКАЗКИ ДНЯ И НОЧИ

Редактор
С. Л и с и ц к и й
Художественный редактор
Б. М о к и н
Технический редактор
Л. Д у н а е в а
Корректоры
О. Г о л е в а, Н. С а м м у р

Сдано в набор 12/V—1976 г. Подписано к печати 3/IX—1976 г. А12760. Формат изд. 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 6,5 Усл. печ. л. 10,92 Уч.-изд. л. 10,03 Тираж 75 000 экз. Заказ № 1220. Цена 60 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25

